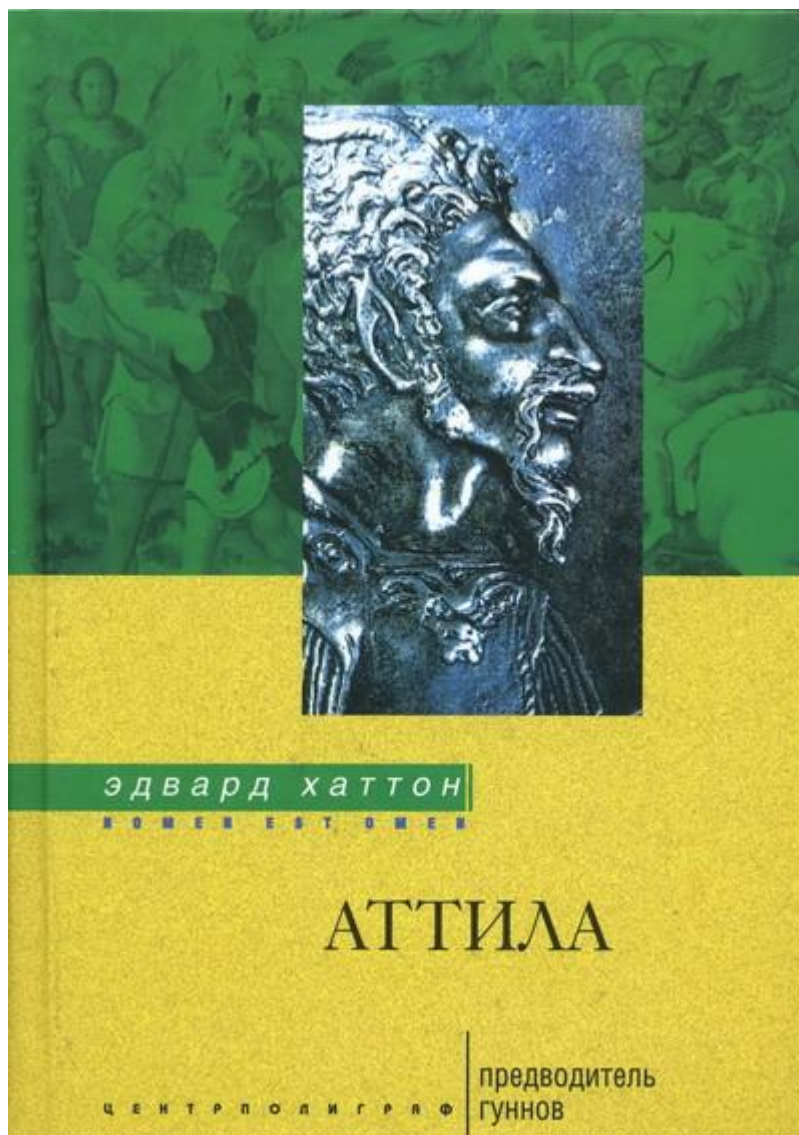

Эдвард Хаттон
Аттила. Предводитель гуннов

Эдвард Хаттон
«Аттила. Предводитель гуннов»

*Моей ВОЗЛЮБЛЕННОЙ ИТАЛИИ, вместе с которой в этот час
новой опасности мы вновь сражаемся с варварами*

ВСТУПЛЕНИЕ

Есть народ на далеких просторах Скифии,
К востоку от хладных струй Тауриса.
Страшны они, как полярные медведи,
Грязны их тела под одеждой,
Непокорны их души,
И живут они лишь добычей войны.
Глубокие раны наносят врагам

И хранят верность заветам погибших отцов...

Этими словами Клавдий, поэт времен краха и падения Римской империи, описал гуннов пятого века, то племя Аттилы, к которому немецкий кайзер воззвал перед лицом всего мира, когда послал войска в Китай на подавление Боксерского восстания.¹

«Встречая врага, вы уничтожите его, не уступая ни пяди земли, никого не беря в плен. И пусть любой, кто попадет вам в руки, зависит лишь от вашей милости. Так же как тысячу лет назад гунны под предводительством Аттилы обрели славу непобедимых воинов, с которой и сейчас живут в истории, так и имя Германии должно остаться в Китае, чтобы ни один китаец не посмел бросить косой взгляд на немца».

Эти слова никогда не будут забыты, потому что они претворились в жизнь не только по отношению к китайцам, но и ко всей Европе – от бельгийцев и жителей Северной Европы до истерзанного народа Польши.

Это воспоминание о славе гуннов изумило Европу, но стоит нам вспомнить историю Пруссии, и мы расстанемся со своим удивлением, потому как пруссаки и гунны имеют много общего даже в расовом смысле, а Аттила, или Эцел, как называют его немцы, упоминается и в «Песни о Нибелунгах», и в легендах о народе Пруссии.

Мы мало знаем о гуннах пятого столетия: кто они были, откуда на самом деле пришли и куда удалились, но невозможно отрицать или сомневаться в том, что сегодняшние пруссаки являются их подлинными наследниками.² И хотя, по всей видимости, мы должны отказаться от старой теории Гиббона, позаимствованной от Де Куиньи, что этот дикий народ идентичен племени хионг-ну, чьи зверства остались в истории Китая, мы, по крайней мере, можем утверждать, что он принадлежит к туранской расе,³ так же как финны, болгары и мадьяры, вместе с хорватами и турками. Можем ли мы уверенно считать, что и пруссаки принадлежат к этой семье?

Один из видных исследователей продемонстрировал, что население Пруссии по своему этнологическому происхождению относится к финно-славянам. Он убедительно доказывает, и история поддерживает его точку зрения, что Пруссия в этнологическом плане отличается от тех народов, которыми она ныне правит под тем предлогом, что они составляют с ней единую расу. Схожесть языка может замаскировать эту истину, но не в силах изменить ее, потому что различие носит реальный и неопровержимый характер.

Не желая подчиниться финно-славянам, подлинная Германия все же восприняла присущую им злобу и унаследовала жестокие инстинкты чужаков, подавив свой благородный дух этим железным ярмом. В основе ее союза с Пруссией лежало право меча и крови, скрепленное войной и увенчанное стихией грабежа и разрушения. Эти преступления не уступают преступлениям Аттилы, к которому Пруссия взывает как к своему истинному герою, и теперь, так же как и тогда, у нас есть право верить, в божественную Немезиду. Что

¹ Речь идет о народном восстании в Китае в 1900 г., подавленном объединенными силами европейских держав (включая Россию) во главе с Германией. (Примеч. ред.)

² Гунны – кочевой народ, сложившийся во II–IV вв. в Приуралье из тюркоязычного племени хунну, прикочевавшего во II в. из Центральной Азии, и местных угров и сарматов и давший своим передвижениям на Запад в 70-х гг. IV века толчок к Великому переселению народов. Исчезли как народ после V в. Из современных народов потомками гуннов (смешавшихся с уграми, готами, славянами и другими племенами) считаются венгры. (Примеч. ред.)

³ Туранская раса – выражение, восходящее к лингвистическому термину «туранские языки», пущенному в ход английским лингвистом М. Мюллером в 1840-х гг. и отвергнутому большинством исследователей из-за своей расплывчатости и всеохватности уже к концу XIX в. В эту группу Мюллер включал все народы урало-алтайской, кавказской, индокитайской, полинезийской и многих других языковых групп, не имеющих между собой ничего общего. (Примеч. ред.)

пользы человеку, если он приобретет весь мир, душу же свою потеряет?

И похоже, что если физически и духовно пруссаки принадлежат к финской расе,⁴ то в той же мере они имеют отношение и к туранским племенам, к которым принадлежали и гунны. Этот вывод подтверждается тысячами фактов и событий, которые мы наблюдаем сегодня, как и сотни лет назад.

Во всяком случае, имя Аттилы, которое кайзер Вильгельм II десять лет назад бросил в лицо изумленному миру, было для него столь же свято, как для Франции имена Карла Великого, Жанны д'Арк или Наполеона. И, прославляя гуннов, он унаследовал их образ действий.

И если нас хоть чему-то научили уроки истории, нам остается принять во внимание нижеследующие факты.

Рим постоянно одерживал верх над варварами, но так и не смог полностью сломить их мощь и положить конец нападениям. При встречах с римскими полководцами Аларих неизменно терпел поражения, но наконец овладел Римом. Несмотря на все старания Аэция, Аттила наконец получил возможность угрожать Италии. Велизарий и Нарсис наносили поражения Витиге и Тотиле, и все же эти варвары опустошили полуостров. Несмотря на поражения, атаки постоянно возобновлялись, потому что Рим так и не смог до конца сокрушить мощь варваров. И если мы сегодня не расплатимся с германцами полной мерой, если не сможем довести эту войну до тяжелого, но необходимого конца, то через двадцать или пятьдесят лет они снова нападут на нас и, может, тогда и придет печальный для нас час. *Delenda est Carthago.*⁵

Может, Риму и было не под силу раз и навсегда положить конец наступлению варваров. Но на нашей стороне время. Если сегодня наше мужество и наша стойкость будут достаточно сильны, если мы обречем несокрушимость кремня, то сможем раз и навсегда избавить Европу от этой варварской опасности, которая, как и всегда, угрожает гибелью и разграблением цивилизации и, вызывая к своим богам, не знает ни справедливости, ни жалости.

Рим не смог справиться с силами. Мы сможем. В древние времена варвары смогли сломить первый бастион цивилизации, затем пошли дальше и дальше, пока их не остановил ответный удар. Теперь у них это не получится. Железные дороги и автомобили, телеграф и телефон настолько усилили нашу возможность мобилизации всех сил, что при столкновении варваров с цивилизацией мы первым же ударом заставим их отступить. Если мы обречем волю, то сможем раз и навсегда разрушить мощь варваров, которые пытались уничтожить цивилизацию силами не только Алариха и Аттилы, но и стараниями Фридриха Гогенштауфена и Лютера. И, окончательно сломив их, мы сможем снова установить в Европе *Pax Romana*, а может – кто знает? – давнее единство христианского мира.

Май, 1915 год

Глава 1

ИМПЕРИЯ И ВАРВАРЫ

В начале пятого века нашей эры Римская империя была средоточием не только

⁴ Гордон справедливо считал: «Пруссак – не немцы и не славяне. Они пруссаки. Но необходимо помнить, что они принадлежали к финно-славянской расе, а не к тевтонской* и до сравнительно недавнего времени были подданными польского короля. Они оставались язычниками долгое время и после того, как вся остальная Германия перешла в христианство». (Примеч. авт.)

* Пруссак – часть немцев, населяющих территорию Пруссии. Это государство возникло на землях древних прусских племен, родственных летто-литовцам. В XIII в. Тевтонский орден завоевал эти земли. Почти все пруссы были истреблены; немногие оставшиеся постепенно слились с захватчиками. (Примеч. ред.)

⁵ «Карфаген должен быть разрушен». (Примеч. перев.)

цивилизации, но и христианства. Те четыре века, что прошли с рождения Спасителя, фактически привели к созданию Европы – но не той мозаики враждебных друг другу народов, что мы видим сегодня, а цельного образования, хранящего в себе все сокровища мира. Здесь родилось и укрепилось, все, что всегда считалось вечными ценностями, – культура, цивилизация и вера, которая доставляет нам радость, и ради которой мы живем. Здесь утвердились высокие принципы развития нашего искусства, которое при всех переменных продолжает жить. Здесь утвердилось превосходство той идеи, которая вечно будет обновлять наше существование, нашу культуру, наше государственное устройство; в соответствии с ней мы формируем наши оценки, не опасаясь ни революций, ни поражений, ни краха. Мы европейцы, и наши души безоговорочно принадлежат лишь нам; мы единственные в мире, кто развивается, переходя из одного состояния в другое; мы никогда не умираем, поскольку с нами христианство.

Внешняя и видимая черта империи, известная всему окружающему миру, заключалась в том, что, будучи островом в море неизвестности, она воплощала в себе понятие *Rex Romana*, которое руководило и политикой, и внутренней жизнью империи. Оно обеспечивало полный и абсолютный порядок, условия развития цивилизации и, пронесенное через много поколений, казалось непреложным и несокрушимым. Вместе с ним существовала концепция закона и собственности, куда более фундаментальная, чем та, что мы знаем сегодня, при которой свободный обмен обеспечивали развитая система коммуникаций и прекрасные дороги. И вряд ли в нашей жизни и политике есть понятия и законы, которые не были созданы в те времена. Именно тогда родилась наша религия, которая стала душой Европы и мало-помалу превратилась в ту энергию, что легла в основу бессмертного принципа жизни и свободы, который в правильном понимании и является Европой. Именно тогда были осознаны наши идеи справедливости, наши представления о законах, наша концепция человеческого достоинства и структуры общества, обладавшие такой силой убедительности, что, пока мы будем придерживаться их, они никогда не умрут. Строго говоря, империя, которая формировалась более тысячи лет, представляла собой самый успешный и, может быть, самый плодотворный эксперимент по созданию всеобщего правительства из всех, которые когда-либо предпринимались.

И тем не менее империя пала. Почему?

Мы не можем ответить на этот вопрос. Причины этого краха, духовного и материального, большей частью скрыты от нас во тьме, которая последовала за катастрофой, едва не погубившей всю западную цивилизацию. Все, что мы можем сделать, – это отметить, что управление этим огромным государством было столь дорогим, что, когда Аларих в 401 году перешел через Альпы, оно, скорее всего, уже обанкротилось. Соответственно, уменьшалась и численность населения. Что же касается чисто военных проблем, возникших перед Европой, то защита ее границ против сокрушительного удара варварства стоила столько, что при тогдашнем состоянии экономики ее было невозможно обеспечить. И наконец, необходимо твердо понять: да, империя развалилась и пала, но варвары не одержали над ней верх. И хотя вторжение варваров было ужасающим по своей разрушительности, мы должны понимать, что, как уже говорилось, оно было лишь одной из причин поражения империи и при этом не главной; кроме незащитности границ, перед империей возникли проблемы, которых она, увы, не могла решить.

На западе империю ограничивал океан, с юга – пустыни Африки, на востоке лежали Каспийское море и Персидский залив, с севера ее границы пролегали по Рейну и Дунаю, по Черному морю и Кавказскому хребту.

Особенной слабостью отличалась северная граница, и ее состояние, по крайней мере с середины третьего столетия, постоянно занимало умы римской администрации. Как удерживать ее?

За этой границей лежал практически неведомый мир, где существовали беспокойные и воинственные варварские племена; они то и дело воевали, постоянно осаждали границы цивилизации, за которыми лежали и наше существование, и надежды всего мира. Тогда, как

и сейчас, они нуждались в защите от того же врага – от варварства. Потому что оно не стало менее варварским, даже обретя какие-то знания. Дикарь остается дикарем даже в профессорском одеянии. Именно по этому поводу написано: меняй свое сердце, а не свои покровы.

Таким образом, защита своих границ была главной проблемой империи, вероятно, со времен ее основания Августом и конечно же все двести лет перед тем, как Аларих перевалил через Альпы. Ее пытались решать самыми разными путями, и в 292 году Диоклетиан предложил революционную схему раздела империи. Но разделение, которое он провел, стало – и, скорее всего, этого нельзя было избежать, – скорее расовым, чем стратегическим. Две части империи оказались разъединенными критической чертой, проходящей по Дунаю, и в силу географии восточная часть империи оказалась в поле зрения Азии, которой отнюдь не мешал Дунай, хотя западная часть оставалась достаточно сильна, чтобы уверенно держаться за надежной защитой двух рек, Рейна и Дуная. Во всяком случае, Запад предпринял героическую попытку выполнить эту свою столь тягостную обязанность. Пастырская столица Италии была перемещена из Рима в Милан. Это решительное действие носило чисто стратегический характер. Совершенно правильно предполагалось, что из Милана, который держал в руках все перевалы через Альпы, границу удастся защищать надежнее, чем из Рима, расположенного в самой середине протяженного итальянского полуострова. Такое перемещение было более удивительным, чем мог быть перенос столицы Британской империи из Лондона, скажем, в Эдинбург. Но и этого было мало. В 330 году, через семнадцать лет после того, как христианство стало официальной религией, Константин Великий, руководствуясь теми же соображениями обороны, перенес столицу империи в Византию, в новый Рим на Босфоре, который был переименован в Константинополь.

Этот перенос, который был решительно осужден, как выяснилось, исходил из совершенно правильного предположения о грядущем развитии событий. Перед лицом, скорее всего, неизбежного разгрома он должен был спасти то, что еще можно было спасти. До 1453 года Константинополь оставался надежной и безопасной столицей восточного государства и римской цивилизации; он держался и в критических ситуациях не раз спасал цитадель Запада – Италию.

Но пусть даже ничто не могло обеспечить безопасность Запада – но основание Константинополя, вне всякого сомнения, спасло Восток. Хотя Запад становился все богаче и все слабее, имя Рима было известно по всему миру, и Западу, как мы знаем, приходилось принимать на себя весь напор натиска варваров. Этот напор был куда более сокрушительным и разорительным, чем мы привыкли считать. Запад был скорее затоплен им, чем потерпел поражение. По прошествии времени он просто утонул в море варварства. Оно вздымалось и росло; и за все, что у нас есть, мы должны благодарить основание Константинополя и католическую церковь.

Я сказал, что империя была скорее затоплена, чем сломлена. Давайте подумаем.

К 375 году границы были в безопасности; никогда еще не удавалось прорвать оборону. Задолго до этого стало ясно, что если ничего не предпринять, то огромные орды варваров, скопившиеся за Рейном и Дунаем, не удастся отбросить назад. Если они появятся, их придется встречать не перед границами, не на самих реках, но в пределах самой империи. Если что-то заставит их сняться с места.

...Что и произошло в 375 году. Аммиан Марцеллин, римский историк того времени, описывая вторжение варваров, утверждает, что все беды, павшие на империю, исходили лишь от одного народа – гуннов. В 375 году гунны наконец сокрушили готов, которые в 376 году в полном отчаянии обратились за защитой к императору Восточной Римской империи Валенту. «Необозримое множество этого воинственного народа, – читаем мы о готах, – чья гордость была повержена во прах, на много миль покрывало пространство по берегам Дуная. С простертыми руками и слезными сетованиями они громко жаловались на постигшие их бедствия и поджидающую опасность; они признавали, что их единственная надежда на спасение зависит от милости римского правительства, и самым торжественным образом

заверяли, что, если несказанная милость императора позволит им осесть на юго-восточных землях, они свято обещают подчиняться римским законам и берут на себя нерушимую обязанность охранять пределы государства». Их мольбы были удовлетворены, и правительство империи приняло их на службу. Через Дунай их переправили в Римскую империю. В некотором смысле это решение и эта дата – 376 год – вошли в число самых решающих событий в истории Европы.

Недисциплинированный и беспокойный, этот почти миллионный народ внезапно появился в цивилизованном мире, доставляя ему постоянное беспокойство и неся с собой опасность. Не обращая внимания на законы, которые они поклялись соблюдать, пренебрегая обязательствами и не пользуясь преимуществами цивилизации, готы оказались во власти своих хозяев, которые безжалостно эксплуатировали их. И наконец, дойдя до предела, они восстали и через провинцию Мёзия двинулись в поход – не как гости империи, но как ее смертельно опасные враги. Осадив Адрианополь, они встали лагерем под его стенами, грабя и опустошая окрестности. Так продолжалось, пока на трон империи не взошел Феодосий, с которым у них прошли успешные переговоры, так что, вынужденные подчиниться, они осели в Малой Азии.

Такое положение дел не могло длиться долго. Варвары всего лишь ждали вождя, и он после смерти Феодосия появился в лице Алариха. Они пошли на Константинополь и сумели добраться до него – но не заключить в кольцо блокады. В 396 году Аларих двинулся на юг, в Грецию, пройдя победным маршем от Фермопил до Спарты и обойдя стороной Афины, – скорее из суеверия, чем из страха перед опасным врагом. Примерно в начале 396 года Стилихон, который позднее прославится в итальянской кампании, отплыл из Италии, встретил Алариха в Аркадии, отбросил его и был готов заключить пленника в тюрьму на Пелопоннесе. Ему, однако, не повезло. Аларих смог уйти. Стремительным маршем он вышел к Коринфскому заливу и переправил свои войска, пленников и награбленную добычу на другой берег. Здесь он провел успешные переговоры с Константинополем, согласился платить ему дань и был назначен верховным правителем Восточной Иллирии. Она пала в 399 году.

Действия Стилихона, которые все же можно было считать успешными, доказали между прочим, что политическое разделение Востока и Запада стало фактом. Экспедиция Стилихона с его армией стала вторжением Запада для спасения Востока, потому что опасность угрожала именно ему. Но Запад был предан.

Восток сговорился с варварами и использовал их. Это вынудило Запад задуматься о своей судьбе, поскольку не подлежало сомнению, что, спасаясь, Восток в конечном итоге принесет Запад в жертву.

Запад был готов к такому развитию событий. Была подготовлена схема обороны, и, как мы впоследствии убедимся, в данных обстоятельствах она оказалась лучшей из всех возможных. С римской прямоотой и ясностью советники Гонория, обитавшего тогда в Милане, решили все принести в жертву ради обороны цитадели Европы, то есть Италии; кроме того, учитывая позиции Алариха в Иллирии, ей угрожала наибольшая опасность. Если она падет, то несомненно должен будет рухнуть весь Запад.

Проблема, которая возникла перед советниками Гонория, была не из легких. Чтобы убедительно разрешить ее, необходимо было пойти на большие жертвы – лишь в таком случае удавалось спасти мир. Было принято решение отойти и от Рейна и Дуная, потому что Аларих уже форсировал их. Было решено – и это был смелый шаг – отойти от Альп, сделав полем сражения Цизальпинскую Галлию или, как принято говорить, Ломбардскую долину, и оборонять Италию в районе Апеннин. Данная реалистичная политика увенчалась блистательным успехом.

Военачальники Гонория считали Апеннины непроходимыми, за исключением одного места – узкого прохода между горами и Адриатическим морем, для обороны которого давно уже была приспособлена Равенна. Их намерение стоять на этой линии обороны объяснялось не только с точки зрения теории, но и тем, что они всерьез сомневались в Восточной

империи. Их стратегия включала в себя отступление из древних богатейших провинций к югу от Альп. Если бы их военная теория, считающая Апеннины непроходимыми, оказалась права, то тем было бы обеспечено немедленное и уверенное спасение Запада, а это, в конечном итоге, привело бы к спасению в целом.

Гонорию и его советникам не пришлось долго ждать. Разграбив европейские провинции в пределах Восточной империи, Аларих, «вождея мощи, красоты и богатства Италии... втайне лелеял надежду водрузить готские знамена на стенах Рима и вознаградить свою армию сокровищами, накопленными за сотни триумфов».

В ноябре 401 года Аларих вторгся в Северо-Восточную Италию и миновал Аквилею, не захватив ее. Его влекли богатства юга. Узнав о его приближении, Гонорий перебрался из Милана в Равенну; ворота в Италию были закрыты. Тем временем через Цизальпинскую долину подоспел Стилихон и у Поллентии встретил Алариха, когда тот уже перешел реку По, и нанес ему поражение. В ходе преследования он настиг Алариха у Асты, что заставило того вернуться за Альпы. В 403 году Аларих вновь вторгся в Венецию. Стилихон встретил его у Вероны и еще раз отбросил. Ворота Италии остались закрытыми.

Впервые угрожающе близко подошел к ним не Аларих, а другой варвар, Радагайс. В 405 году он прошел тем же перевалом, которым пользовался Аларих, миновал Аквилею, пересек По и, не воспользовавшись дорогой Виа Эмилия, которая вела прямо через перевал, прикрытый Равенной, все же рискнул перевалить через Апеннины, которые римские генералы считали непроходимыми для армии варваров. Они оказались правы. Когда оголодавшие орды Радагайса вышли к югу, они были на пределе сил. Стилихон встретил их у Фьезоле и разгромил. Но остаткам этой армии, как и Алариху, удалось бегством спастись от полного уничтожения; они вернулись через Цизальпинскую Галлию и разграбили ее. В 408 году Стилихон был убит в Равенне по приказу императора.

Это злодеяние стало причиной последовавших вслед за тем событий. Когда в 408 году Аларих снова вторгся в район Венеции, он грабил и разрушал все, что заблагорассудится, ибо не было никого, кто мог ему противостоять. Он вышел к большой дороге, ведущей на юг, и убедился, что ворота открыты. Не встретив сопротивления, он прошел Равенну, маршем двинулся к Риму и после трех попыток осады все же вошел в город, разграбил его и двинулся к югу, чтобы разграбить его и Сицилию. Когда в 410 году он умер в Косенце, в его обозе была взятая в плен Пладидия, сестра императора. Шурин Алариха Атаульф, которого готы после торжественных похорон его предшественника подняли на щиты, провозгласив своим королем, заключил мир с Гонорием – точно такой же, какой несколько лет назад Аларих заключил с Константинополем. Он был принят на службу империи, дал согласие уйти за Альпы и получил руку Пладидии, сестры императора, что стало прецедентом для куда более дерзких требований. Пока было обеспечено отступление варваров и мир в Италии был восстановлен. Он длился примерно сорок два года.

Интересно убедиться в сходстве нападений Алариха на Восток и на Запад. Единственная разница между ними заключалась в том, что Константинополь не подвергся настоящей угрозе, в то время как Рим был захвачен и разграблен. Цель обоих вторжений была одна и та же – добыча; идентичен был и результат в обоих случаях – взимание дани и прием на имперскую службу в обмен на немедленный уход варваров из захваченных провинций.

Неудачи империи на востоке и западе обуславливались крахом морали и политики; не надо считать их военными неудачами: стоило Алариху напасть, как он всегда терпел поражение. Запад не смог перейти в наступление, и это в конечном итоге привело к падению Рима. Наверное, императорские советники посчитали, что успешно решили проблему, когда после смерти Алариха добились возвращения варваров за Альпы – а те с радостью отступили, как им было приказано, потому что ощущали себя в ловушке, – и обеспечили их нейтралитет, приняв на службу империи, но последовавший за этим мир, который длился чуть дольше жизни одного поколения, оказался непрочным и иллюзорным.

Империя в целом получила от Алариха тяжелый удар, от которого так и не смогла

полностью оправиться. Правда, многое, что случилось сразу же после ухода Атаульфа, сложилось как нельзя лучше. Плацидия, сперва военная добыча, затем невеста, позже сбежавшая вдова наследника Алариха, с триумфом вернулась в Равенну. Там она против своего желания стала невестой спасшего ее Константина. Благодаря ее влиянию, когда после смерти Гонория, возложив на себя титул Августы, она правила в Равенне как опекунша сына, юного Цезаря Валентиниана, установилось новое, пусть и слабое, «сердечное согласие». Италия вернулась к процветанию, а служивший Плацидии Аэций стал таким же крупным военачальником, как и великий Стилихон. Хотя Италия была спасена, другим провинциям угрожала опасность, и она сама видела, как Бонифаций предал Африку, которая была отдана на разграбление вандалам под командой Гензериха. Ни спокойствие, царящее в границах ее владений, ни жизнь двора не могли дать ей уверенности в будущем. Если ее сын Валентиниан был просто глупым и чувствительным юношей, то дочь Гонория была поймана на грязной интрижке с дворцовым управляющим и, отосланная в ссылку в Константинополь, мечтала о романтической судьбе своей матери и о том, чтобы заключить брак с новым молодым властителем гуннов, который скоро обретет известность под именем Аттила, – нужно было только дать ему понять, чтобы он похитил ее, как гот Атаульф похитил Плацидию.

Таково было положение дел в западных владениях. Не лучше были дела и в Константинополе. Феодосий, прозванный Каллиграфом, был не столько государственным мужем, сколько любителем изящных искусств. Его окружение состояло из мелких бездарностей, занятых не безопасностью государства, а выяснением теологических противоречий; всем им была свойственна циничная продажность, в которой тонуло всякое понятие о благородстве. Никто ни на Востоке, ни на Западе не был в состоянии уловить и понять близящуюся опасность. Неужели у правительства империи полностью отсутствовало понимание того, что означают наступления готов, нападения вандалов? Неужели они были не в состоянии вспомнить, что находится за Рейном и Дунаем? Неужели они забыли о гуннах?

Глава 2

ГУННЫ И АТТИЛА

Народ, именуемый гуннами, который «почти не упоминается в других письменных сообщениях», был описан Аммианом Марцеллином в тридцать первой книге его «Истории Рима». Аммиан жил в конце четвертого столетия и был римским историком, родившимся в Антиохии от греческих родителей. Приняв участие в войнах в Галлии, Германии и на Востоке, он осел в Риме и занялся историей. Гуннов он описывал как народ, «живущий между Азовским морем и границами Замерзшего океана». И добавлял, что «дикость этого народа не имеет себе равных». Затем он дает им подробное описание:

«В раннем детстве им на щеки наносят глубокие шрамы,⁶ и когда приходит время отращивать бороды, то на месте множества шрамов волосы не растут и посему они до старости остаются безбородыми, как евнухи. В то же время у них сильные конечности и крепкие шеи; их отличает могучее телосложение, но они настолько коротконоги, что их можно представить в виде двуногих животных или решить, что их фигуры грубо вырублены топором.

Пусть даже они похожи на людей (хотя очень уродливы), но столь далеки от цивилизации, что не пользуются ни огнем, ни приготовленной пищей, а существуют за счет кореньев, которые находят в полях, или сырого мяса различных животных, которое просто слегка согревают, кладя на спины своих коней и садясь на него.

⁶ Прусские студенты и сегодня известны тем, что носят на лице шрамы, полученные во время дуэлей в университетах. (Примеч. авт.)

Они не живут под крышами домов, считая их могилами, и входят туда только по необходимости. У них почти не бывает даже хижин, крытых тростником; они скитаются по горам и лесам, с детства привыкая к тяжелейшим условиям холода, жажды и голода.

Они носят одежду из льна или из сшитых шкурок полевых мышей, пользуясь ею и у себя на родине, и за ее пределами. Стоит ему надеть такую рубаху, и он никогда ее не меняет, пока она не истлеет и не распадется на куски. Головы они покрывают круглыми шапками, а волосатые ноги – козьими шкурами, и обувь, которую они носят не снимая, так неуклюжа, что мешает им при ходьбе.

В силу этого гунны не годятся для пешего строя; но с другой стороны, они представляют единое целое со своими конями, некрасивыми, но выносливыми; часто они сидят на них боком, как женщины. Говоря прямо, они могут не слезать с них круглые сутки; сидя верхом, они покупают и продают, едят и пьют, а склонившись к короткой шее своего коня, даже спят и дремлют. Сидя верхом, они спорят и совещаются. Они не признают власти короля, но подчиняются своим выбранным вождям.

Атакуя, они порой вступают в бой многочисленным сомкнутым строем, издавая разнообразные жуткие вопли. Тем не менее куда чаще они дерутся каждый сам по себе, внезапно рассыпаясь, собираются снова и, нанеся врагу страшные потери, рассеиваются в разные стороны, избегая штурма укрепленных мест и бастионов. Следует признать, что они выдающиеся воины...

Никто из них никогда не пахал и даже не брался за ручки плуга, потому что они терпеть не могут оседлую жизнь и, подобно бездомным бродягам, странствуют со своими кибитками, которые и являются их жилищами. Похоже, они находятся в непрерывном движении... Никто из них не в состоянии ответить на вопрос, где он рожден; ибо зачинали его в одном месте, появился на свет далеко от него и рос в еще более дальних местах.

Они склонны к предательству и непостоянству и, подобно диким животным, совершенно не понимают разницы между добром и злом. Выражаются они с трудом и непонятно, не испытывают уважения ни к одной из религий или культов, с чрезмерной алчностью относятся к золоту и столь непостоянны и сварливы, что много раз в течение дня без всякого повода затевают ссоры со своими товарищами и отказываются мириться».

Таков был народ, который, по Аммиану, являлся «истинной причиной многообразных бед и несчастий», обрушившихся на Римскую империю в пятом веке нашей эры.

За шестьдесят пять лет до того, как они стали представлять прямую угрозу цивилизации и Римской империи, то есть в 376 году, в ходе первого известного натиска на границы римского мира они погнали перед собой готов. Сами же, пусть и были законченными варварами, не решились на прямое нападение на нашу цивилизацию, хотя в 396 году пересекли Кавказ, рейдом прошли через Армению и, как упоминает Клавдий, «опустошили плодородные поля Сирии». Тем не менее в 409 году Аларих, нацелившись на Италию, пересек Дунай и вторгся в Болгарию. Ульдин, их вождь, со свойственным варварам хвастовством заявлял: «Еще до захода солнца я завоюю все, что пожелаю».

В первый раз варвары громогласно и уверенно заявили о «своем месте под солнцем» – кому бы оно ни принадлежало. Хвастливое заявление Ульдина было лишь прелюдией к его взлету и падению. В столпотворении народов не столь варварских, как он, вестготам, вандалам, аланам и гуннам фактически не оставалось ничего иного, как выдавить готов. Когда они вторглись в империю, в Галлию, Испанию и Африку, он, наихудший из всех, наконец получил свободу угрожать христианству и его столицам – Константинополю и Риму.

Но лишь когда два брата Атила и Бледа в 423 году воссели на трон гуннов – если его вообще можно так называть, – именно гунны сделали прямой и непосредственной опасностью для цивилизации.

Она уже была наполовину разрушена, растерзанная и истекающая кровью от ран, которые наносили постоянные вторжения варваров к югу от Дуная и Рейна, когда они доходили едва ли не до сердца империи, до Константинополя, когда стояли под стенами

Рима и ему грозила опасность вторжения дикарских языческих орд, полных желания убивать и насиловать, грабить и разрушать.

Контраст между этими двумя нападениями, Алариха, а теперь Аттилы, был разителен. Можно было восхищаться и даже защищать Алариха, и многие историки делали и то и другое. Аттила со свирепостью дикого зверя напал на империю и христианство. И если готы считались христианами – пусть и арианами, то гунны были закоренелыми язычниками. По крайней мере, Аларих уважал звание римлянина и готов был принять его; Аттила же презирал его, ненавидел и хотел стереть Рим с лица земли. Если и есть хоть какое-то различие в морали готов и гуннов, нападавших на империю, то в военном плане они полностью схожи – и те и другие сначала двинулись на Восток и повернули на Запад после того, как потерпели поражение. Набеги Алариха, пусть и разрушительные, были далеко не столь опасны, как действия Аттилы. Империя подверглась нападению убийц.

Римская система отношения к варварам была создана в давние времена, когда на восточный трон взошел Феодосий II. Она включала в себя не только использование варваров как союзников – Ульдин и его гунны под командованием Стилихона сражались против Радагайса в битве при Фьезоле, – но и натравливание друг на друга различных варварских племен и народностей. В этом смысле империя уделяла особое внимание гуннам. Стилихон отлично знал их, а Аэций, который в конечном итоге и нанес им поражение на Каталаунских полях, возможно, был обязан им жизнью в том критическом положении, которое сложилось после смерти его соперника Бонифация в 433 году. Но такая политика всегда несла в себе опасность, и по мере того, как неизбежное становилась, она все отчетливее вела к краху. Когда в провинциях были рассеяны готы, вандалы, аланы и другие племена, империи на ее северных границах пришлось встретиться с подлинной силой, которая и расправилась со своими предшественниками. Мы видим, что в 432 году вождь гуннов Роас ежегодно получал 350 фунтов золота, что было практически неотличимо от дани. Возможно, именно он и положил конец старой римской политике. Когда империя, следуя своим обычаям, заключила союзы с некоторыми варварскими племенами, его соседями, Роас объявил их своими вассалами и тут же поклялся не обращать внимания на любые договоры, пока император не разорвет эти союзы. Более того, он потребовал, чтобы все эти его вассалы, которые оказались в пределах империи – они поступали на службу к римлянам, чтобы избежать его жестокого правления, – вернулись под его эгиду. В этом требовании невозможно было ни отказать, ни пропустить его мимо ушей. В 433 году Феодосий был уже готов направить посольство для заключения договора с Роасом, но тут до него дошел слух, что Роас мертв и ему унаследовали двое его юных племянников, Аттила и Бледа. Именно они и приняли римских посланников.

Встреча состоялась в пределах империи, на правом берегу Дуная, неподалеку от города Маргуса (или Маргума) в Мёзии, где сливаются Дунай и Морава. Это место знаменито тем, что именно здесь Диоклетиан нанес поражение Каринусу.

Византийский историк Приск Франкянин оставил нам отчет об этой странной встрече. Гунны явились на нее верхом, и, поскольку отказались спешиваться, римские послы тоже остались в седлах. В таком положении они и выслушали надменные требования гуннских вождей: разрыв договора Феодосия с варварами на Дунае, изгнание всех гуннов, служивших в императорских армиях или осевших в пределах империи, отказ от помощи любому варварскому племени, воюющему с гуннами, выплаты дани со стороны Империи в размере семисот фунтов золота вместо нынешних трехсот пятидесяти. Послам пришлось согласиться на все эти требования, поскольку Аттила заявил: или они их принимают, или – война, а Феодосий был готов смириться с любым унижением, лишь бы не воевать. Знаменитая встреча у Маргуса увенчалась полной победой гуннов, которую Аттила никогда не забывал.

Феодосий был готов принять любые условия Аттилы, что подтверждалось его поступком – он тут же передал в руки Аттилы двух молодых знатных гуннов и не выразил протеста, когда Аттила распял их прямо на глазах у императорских послов.

Это действие ярко характеризовало начало правления Аттилы и его личность. Мы

можем предположить, что в то время ему было где-то между тридцатью и сорока годами и, как младший, он всегда подчинялся своему брату Бледе, которого вскоре убил. О месте его рождения нам ничего не известно, но можно предположить, что оно как-то связано с Волгой, потому что одно из древних названий этой реки было Итиль. Но вырос Аттила на Дунае и здесь учился владеть оружием, может быть, в компании молодого Аэция, который был римским заложником Роаса – придет день, когда именно он нанесет поражение Аттиле. В поисках изображения Аттилы нам с сожалением придется признать, что никто из современников не оставил его. Приск сообщил, что Аттила был невысок ростом, но мощного телосложения, с большой головой, маленькими и глубоко посаженными глазами, редкой бородой, приплюснутым носом и смуглой кожей. «Он был горделив поступью, бросал по сторонам быстрые взгляды; самими телодвижениями обнаруживал высоко вознесенное свое могущество». Его быстрая речь так же, как и его поступки, отличались внезапностью и жестокостью, но, хотя, начав войну, он оставлял после себя сплошные руины и брошенные для устрашения тысячи непогребенных трупов, к тем, кто покорялся, он проявлял милосердие или, по крайней мере, щадил. Одевался он просто и чисто, еда его была такой же неприхотливой, как и одежда, и подавалась на деревянных блюдах; характер Аттилы резко контрастировал с присущим ему варварским сумасбродством. Как бы там ни было, он был варваром с инстинктами дикаря. Постоянно пьяный, он овладевал женщинами с яростной страстью, каждый его день был отмечен жертвами. Он не признавал никакой религии, но окружал себя колдунами и магами, потому что был очень суеверен. Как военачальник, он редко присутствовал на поле боя, предпочитая командовать, а не вести своих воинов в бой, и отдавал предпочтение дипломатии перед военными действиями. Его самым надежным оружием была уклончивость. Он мог годами обсуждать какой-то вопрос и без устали, не теряя терпения, принимать посольства от Феодосия. Он играл со своими жертвами, как кот с мышкой, и нередко случалось, что покупал победу, а не одерживал ее. Он знал, что его угрозы действовали куда сильнее, чем действия, и фактически играл с империей, которой было что терять, весьма напоминая этим Бисмарка, который тоже играл с Европой. Как и у Бисмарка, его заботой было создание империи. Его идеей, которой, может быть, придерживался и Роас, было создание Северной империи, Гуннской империи, противостоящей Римской. Она должна была возникнуть к югу от Рейна и Дуная. С этой целью он и хотел объединить под своей властью различные варварские племена и народы – как и Бисмарк хотел под прусским мечом объединить различные германские народности. Аттила хотел быть императором севера, так же как римский император владел югом.

Делом жизни Феодосия было предотвратить реализацию этого замысла, и он немедленно разорвал Маргусский договор, чтобы добиться этого. Его эмиссары попытались привлечь к империи племя, которое заняло место аланов на Дону. Их вождь опасался потерять независимость и совершил непоправимую глупость – рассказал Аттиле о заговоре римлян. Гунны явились во главе огромной армии, и Аттила подчинил всех варваров в этих местах и скоро стал властителем новой империи, протянувшейся от Северного моря до Кавказа и от Балтики до Дуная и Рейна, империи, которую по протяженности можно было сравнить с Римской.

Стремясь к достижению этой цели, Аттила продемонстрировал две свои основные черты: суеверие и жестокость.

Похоже, что древние скифы, обитавшие к востоку от Карпат, считали идолом и, может, даже богом обнаженный меч. Его погребали рукояткой в земле, а острие смотрело вверх. По прошествии веков этот культ был полностью забыт, но, когда какой-то гунн увидел, что его мул захромал, и убедился, что у него рана на ноге, он в поисках причины ранения пошел по кровавому следу и нашел в гуще травы такой меч. Он принес находку Аттиле, который радостно принял ее как дар небес и знак владычества над всеми народами земли.

Другой эпизод говорит о его жестокости. Создавая свою империю, Аттила конечно же обрел много врагов и вызвал острую ревность даже среди членов своего собственного рода. Во всяком случае, он не мог без раздражения вспоминать, что ему приходится делить трон с

Бледой. С присущей ему хитростью он нашел, как избавиться от него. Бледа был обвинен в предательстве, возможно, в сговоре с Феодосием, и Аттила казнил своего брата или приказал его убить. Теперь он один стал владыкой варваров, представ лицом к лицу с Римом.

Глава 3

АТТИЛА И ВОСТОЧНАЯ ИМПЕРИЯ

Когда Аттила полностью подчинил север, он обратил свое внимание на империю. Любопытно отметить, что его первое нападение на цивилизацию состоялось именно в том месте на Дунае, где в августе 1914 года германские силы начали свое наступление. Аттила со своими армиями пересек границу современной Сербии там, где Сава впадает в Дунай. В те времена там располагался город Сингидунум, на месте которого сейчас стоит Белград.

Повод для этого нападения был таким же искусственным и надуманным, как и тот, что послужил Австрии предлогом для начала войны с Сербией. Аттила сказал, что епископ Маргуса, того самого пограничного города на Мораве, где он заключил договор с империей, переправился через Дунай и, тайно проникнув в склеп гуннских королей, похитил их сокровища. Епископ конечно же полностью отверг это странное обвинение, и поверить в его вину было настолько невозможно, что Феодосий решительно отказывался приносить его в жертву. Жители Мёзии требовали какого-то решения: если епископ виновен, то его следует передать Аттиле, а если нет, то Феодосий должен защитить и его, и их, потому что Аттила не ждал: еще не выдвинув обвинения, он уже перешел Дунай и занял Виминасиум, один из крупнейших городов на границе.

Тем временем епископ, видя, что Феодосий медлит, и опасаясь, что император пожертвует им, сам отправился в лагерь гуннов и пообещал, что в обмен на свою жизнь он отдаст им Маргус, что он и сделал в следующую ночь. И тогда, разделив свои силы на две армии, Аттила по-настоящему и двинулся на империю.

Первая из этих армий двинулась прямо к Сингидунуму, современному Белграду, захватила его и разрушила. Покончив с ним, она прошла вдоль Савы до Сирмиума, древней столицы Паннонии, которая скоро оказалась в их руках. Вторая армия пересекла Дунай восточнее и осадила Ратиарию, большой город, штаб-квартиру римского легиона и стоянку Дунайского флота.

Прикрывая фланг второй армией, Аттила бросил первую от Сингидунума по Мораве до Ниша. Аттиле сопутствовал успех, и Ниш пал. Затем он прошел до Сардики, где соединился со второй армией, которая уже взяла Ратиарию. Сардика была разрушена и предана огню.

Таким образом, в 441 году Аттила, почти не встречая сопротивления со стороны Феодосия, получил в свое распоряжение ворота к Балканам. Пять лет спустя, в 446 году, он был готов к новому походу. В этом и следующем году он разбил две римские армии, взял и разрушил около семидесяти городов. На юге он дошел до самых Фермопил, а на востоке – даже до Галлиполи, и только могучие стены Константинополя спасли столицу. Феодосию пришлось купить позорный мир: он обязался немедленно выложить 6000 фунтов золота и, не пытаясь увилить, платить ежегодную дань еще в 2000 фунтов. Кроме того, он взял на себя обязательство не брать на службу и не давать убежище никому из тех, кого Аттила считал своими подданными.

Принять эти условия было куда легче, чем выполнить их. Провинции лежали в руинах, вся фискальная система на Востоке была развалена и, как рассказывает Приск, даже оставшиеся богатства «служили не национальным целям, а абсурдным празднествам и пышным пиршествам. Все подобные развлечения и чрезмерные удовольствия распущенного общества ни в коем случае не были бы позволены в нормальном государстве, пусть даже оно и процветало бы». Аттила, который привел в полный упадок имперское правление, не воспользовался доставшимся ему преимуществом. Им все больше и больше овладевала жадность. Если он не получал того, что ему хотелось, он отправлял очередное посольство в Константинополь и запугивал правительство, что стало для него постоянным способом

шантажа, способом куда более унижительным, чем война, и не менее успешным.

Первое из таких посольств явилось в Константинополь сразу же после соглашения о мире. Оно выдвинуло новые требования и было принято с предельным радушием. В течение года трижды являлись и другие посольства; каждое из них занималось шантажом, и каждый раз их посещения были удачны.

Самое знаменитое и самое важное из этих посольств прибыло в Константинополь в 449 году. Стоит обратить внимание на послов Атилы, ибо на их примере мы видим не только положение дел, сложившееся к тому времени, но и наивную хитрость гуннов. Двумя главными послами, которых Атила на этот раз отправил в Константинополь, были Эдекон и Орест. По рождению Эдекон был скифом или гунном и, конечно, язычником. Он командовал гвардией Атилы и был отцом Одоакра, который позднее обрел большую известность. Другой же посол, Орест, один из главных советников Атилы, был родом из римской провинции Паннонии, родился в Петавиуме (возможно, это Петтау на Драве), в молодости, когда он примкнул к Ромулу, видному римлянину в данной провинции, удачно женился. Тем не менее он покинул службу империи и открытые для него возможности, перешел к варварам и не прогадал, сделав себе состояние. Его роль в истории не ограничилась только службой у Атилы, потому что его сын Ромул стал последним из восточных императоров.

В то время Орест был простым и откровенным искателем приключений, но в том факте, что он был послан вместе с варваром Эдеконом, видна вся система шантажа империи, которой пользовался Атила. Римлянин контролировал посла варваров. Между ними существовала острая ревность, они шпионили друг за другом, что было только на руку Атиле. И то, что гунн мог командовать такими, как Орест, достаточно говорит о жизни в пограничных провинциях.

Именно эти два ревнующих друг друга посла и появились в Константинополе в начале 449 года, доставив конечно же новые требования. На самом деле их миссия была самой оскорбительной из всех. Она включала в себя три главных требования. Первое – вся местность к югу от Дуная вплоть до Ниша должна считаться частью гуннской империи. Второе – впредь Феодосий должен посылать ко двору гуннов только самых знаменитых и прославленных послов, и в таком случае Атила согласен встречать их на границе у Сердики. И третье – Атила должен получить обратно всех беглецов. Это последнее требование повторяло многие предыдущие. Как и раньше, Атила пригрозил, что, если его требования не будут выполнены, он начнет войну.

Послы Эдекон и Орест прибыли в Константинополь, где их встретил «римлянин» Вигилий, которому предстояло служить их гидом и переводчиком, – распушенный и вульгарный тип, о котором мы еще услышим. Получив аудиенцию у Феодосия в его знаменитом дворце на Босфоре, послы с переводчиком позже нанесли визит главному министру, евнуху Хризафию. По пути они прошли через величественные мраморные залы, возведенные Константином и украшенные золотом, а сам дворец был обширен, как Ватикан. Гунн Эдекон был ошеломлен этой роскошью и не мог найти слов, чтобы выразить свое восхищение; Вигилий заметил его наивное восхищение и не замедлил сообщить о нем Хризафию, который тут же решил обратиться к нему на пользу. Отведя Эдекона от Ореста, евнух дал понять, что и ему будет доступна такая роскошь, если он оставит гуннов и перейдет на службу к императору. Ведь, строго говоря, это всего лишь то, что сделал Орест. Но Эдекон ответил, что уйти от хозяина, не получив его согласия, – это позор. Затем главный министр спросил, какое положение он занимает при дворе Атилы, пользуется ли таким доверием с его стороны, что имеет право свободного доступа к нему. На что Эдекон ответил, что встречается со своим правителем, когда того хочет, что он командир его стражи и охраняет Атилу по ночам. Хризафия это полностью удовлетворило, и он сказал Эдекону, что если тот будет благоразумен, то он покажет ему способ разбогатеть без всяких хлопот, но предварительно должен спокойно и обстоятельно поговорить с ним, что он и сделает, коль скоро Эдекон вечером один, без Ореста придет к нему на ужин. У евнуха уже сформировался план, с помощью которого он мог бы раз и навсегда избавить империю от

ужасного гунна.

Эдекон принял приглашение. Встретив Вигилия вместе с Хризафием, он после ужина без удивления выслушал поистине удивительное предложение. Взяв с него клятву хранить все в секрете, евнух предложил ему убить Аттилу. «Если ты добьешься успеха и доберешься до наших границ, – сказал первый министр, – то наша благодарность будет безгранична, ты получишь и почести, и богатство».

Похоже, гунн был готов согласиться, но сказал, что сначала ему нужны деньги для подкупа – немного, хотя бы фунтов пятьдесят золота. Он объяснил, что не сможет возвращаться с ними, потому что Аттила имеет обыкновение требовать от послов строгого отчета в полученных подарках, а такое количество золота не укроется от внимания его спутника и слуг. Он предложил, чтобы Вигилий под предлогом передачи беглецов сопровождал его на обратном пути и в нужный момент предоставил деньги, необходимые для этого замысла. Нет необходимости говорить, что Хризафий охотно согласился на все предложения Эдекона. Он не испытал ни капли стыда, делая предложение, которое было свойственно скорее гуннам, и ни на секунду не заподозрил, что Эдекон его обманывает. Все изложив Феодосию, он получил от него согласие и одобрение заговора.

Они решили отправить посольство к Аттиле, чтобы замаскировать присутствие при нем Вигилия как переводчика. Посольство должно было иметь самый внушительный вид, и возглавить его должен был человек высокого ранга, обладающий к тому же самой лучшей репутацией. Хитрость заключалась в том, что, если их заговор потерпит неудачу, высокая репутация посла поможет им избежать подозрений. Для этой цели был избран Максимин, который, к счастью, взял с собой своего секретаря Приска, перу которого мы обязаны рассказом об этих событиях. Он сообщил – и, вероятно, был искренен – что ни Максимин, ни он сам понятия не имели о заговоре с целью убийства. Они считали, что им предстоит выполнить серьезную миссию, и понимали ее важность, поскольку ее условия были далеки от того раболепства перед гуннами, которое было принято в последнее время. Аттиле было сказано, что отныне он не имеет права уклоняться от исполнения условий договора, а также торговаться на территории империи. Что же касается беглецов, ему сообщили, что было поймано всего семнадцать человек, которых и передают ему, и больше таковых не имеется. Все это было изложено в письме. Кроме того, Максимин сообщил, что впредь гунны не должны ждать прибытия посла в более высоком, чем у него, ранге, поскольку это не входит в число обычаев империи по отношению к варварам; напротив, Рим обычно посылает на север любого солдата или посыльного, который окажется под руками. И поскольку Аттила разрушил Сердику, его предложение встретиться в ней для любого посла в ранге консула является просто оскорбительным. Если гунн в самом деле хочет устранить различие между ним и Феодосием, он должен отправить послом Онегезия. Тот был главным министром Аттилы.

Таковы были две задачи, порученные Константинополем, – одна официальная, а другая тайная.

Длинное путешествие до самой Сердики прошло без всяких происшествий. 350 миль от Константинополя они преодолели за две недели пути. На месте они убедились, что территория города понесла серьезный урон, но не разрушена. Имперское посольство купило быка и овцу и, организовав обед, пригласило Эдекона с коллегой разделить его с ними, поскольку официально посольство находилось в пределах империи. Но в окружении руин мир даже между послами был невозможен. Приск описал смешную ссору, которая не заставила себя ждать. Гунны стали преувеличивать могущество Аттилы – разве не дело его рук окружает нас? Римляне же, зная содержание доставленного ими письма, принялись восхвалять императора. Внезапно Вигилий, может быть уже пьяный, заявил, что неправильно сравнивать ни людей с богами, ни Аттилу с Феодосием, потому что Аттила кто угодно, но не человек. Только вмешательство Максимиана и Приска предотвратило кровопролитие, но спокойствие восстановилось, лишь когда Орест и Эдекон получили подарки в виде шелка и драгоценных камней. Только даже эти дары не помешали возникнуть

еще одному инциденту. Орест, благодаря Максимины, воскликнул, что он, Максимин, – не то что гнусные царедворцы в Константинополе, которые «давали подарки и приглашали к себе Эдекона, а не меня». Когда же Максимин, не имевший представления о заговоре Хризафия, потребовал объяснений, Орест в гневе покинул его. План покушения стал рушиться.

Из разоренной Сердики послы направились в опустевший Ниш, в котором практически не осталось жителей; в нем царили лишь руины и витавший над ними ужас. Они пересекли равнину, усеянную выбеленными на солнце человеческими костями; тут же был и единственный свидетель бойни, устроенной гуннами, – обширное кладбище. «Мы нашли, – рассказывает Приск, – единственное чистое место над рекой, где разбили лагерь и легли спать».

Вблизи разрушенного города стояла императорская армия под командой Агинтеуса, под орлами которой нашли укрытие пятеро из семнадцати беглецов. Тем не менее римский генерал был вынужден передать их Аттиле. Легко можно представить себе их ужас, когда они оказались в составе посольского каравана, двигавшегося к Дунаю.

Наконец показалась и огромная река. Подходы к ней были запружены гуннами. Варвары располагались в выкопанных землянках, а их лодки представляли собой выдолбленные стволы деревьев. Ими был завален весь берег, занятый варварами, словно их армия готовилась к наступлению. Как выяснилось, Аттила находился в своем лагере неподалеку и, готовясь поохотиться в римских пределах к югу от реки, как было принято у гуннов, проводил предварительную разведку.

Мы не знаем, какие чувства испытывали Максимин и Приск при этом зрелище, когда, наконец, пересекли широкую реку и вступили в пределы варварских владений. К их большому огорчению, хотя они в свое время постарались как можно более облегчить для гуннских послов путь по дорогам империи, Эдекон и Орест бесцеремонно покинули их. Несколько дней они ехали одни, лишь в сопровождении проводников, которых оставил им Эдекон, пока, наконец, навстречу не выехали два всадника, которые сообщили, что послы приблизились к лагерю Аттилы, который ждет их. И действительно, назавтра они увидели с вершины холма раскинувшиеся у их ног бесчисленные палатки варваров, среди которых стоял и шатер Аттилы. Послы решили расположиться тут же на холме, но отряд гуннских всадников поднялся к ним и приказал разбить лагерь в долине. «Неужели вы осмелитесь, – кричали гунны, – поставить свои шатры на вершине, когда Аттила внизу?»

Едва они устроились на указанном им месте, как, к их удивлению, появились Орест, Эдекон и другие с вопросами, что за дела привели их сюда, в чем задача посольства. Растерявшись, послы могли лишь удивленно смотреть друг на друга. При повторном вопросе Максимин сообщил, что не может открывать задачу посольства никому, кроме Аттилы, к которому он и послан. Скотта, брат Онегезия, гневно заявил, что их прислал сам Аттила и послы обязаны ответить. Когда Максимин снова ответил отказом, гунны усаkali.

Но римлянам недолго оставалось сомневаться, какой прием им уготован. Скотта с друзьями, но уже без Эдекона вскоре вернулся и еще раз изумил Максимины, слово в слово повторив содержание письма императора к Аттиле. «Вот это, – сказал он, – вам и поручено. Так что можете сразу же уезжать». Максимин тщетно пытался протестовать. Не оставалось ничего иного, как готовиться к отъезду. Вигилий, который знал, какого исхода ждет Хризафий, был в ярости. Лучше соврать, сказал он, чем вернуться, ничего не добившись. Что делать? Уже спустилась ночь. Они были в самой середине владений варваров, от Дуная их отделяли пространства чужой враждебной земли. Внезапно, пока слуги выючили животных, готовясь к утомительному обратному пути, появились другие посланники от властителя гуннов. До рассвета послы могли оставаться в своем лагере. Этой беспокойной ночью, не будь Вигилий таким дураком, он должен был догадаться, что Эдекон предал его.

Тем не менее не варвар Вигилий нашел путь спасения из трудной ситуации, когда на рассвете они слышали повторный приказ сниматься с места, а Приск, который и оставил нам яркий рассказ об этой прискорбной ситуации. Именно он, видя унижение, которому подвергли его начальника, нашел в лагере гуннов Скотту, брата Онегезия, старшего

советника Атиллы. Вместе с ним переводчиком отправился Вигилий. Летописец умно построил разговор, взывая к амбициям Скотты. Он указал ему не только на преимущества мира между гуннами и римлянами, но и на личные блага в виде почета и подарков, которые могут достаться Скотте, а в конце разговора изобразил сомнение в способностях Скотты, если тот не может справиться даже с таким небольшим делом, как добиться приема посольства. Скотта ускакал на встречу с Атиллой, Приск вернулся к своему патрону, и вскоре Скотта привел эскорт, который и должен был проводить их к шатру вождя.

Должно быть, прием представлял собой странное зрелище. Шатер Атиллы был окружен большой стражей; в нем стоял деревянный стул, на котором и восседал великий гунн. Иордан, Вигилий и сопровождавшие их слуги, которые несли подарки, остались на пороге. Максимин в одиночестве прошел вперед и вручил в руки Атилле письмо от Феодосия со словами: «Император желает Атилле и всем прочим здоровья и продления дней его». – «Пусть и римлянам достанется все, что они желают мне, – ответил варвар, который уже был в курсе дела, и гневно повернулся к Вигилию: – Бесстыдное животное, как ты осмелился явиться сюда, зная, что обязан следить за соблюдением условий мирного договора! Разве я не говорил тебе, что больше не буду принимать послов, пока не получу всех беглецов!» Вигилий ответил, что они привезли с собой семнадцать беглецов, и больше никого в империи не имеется. Но эти оправдания вызвали у Атиллы новый приступ ярости. «Я распну тебя и брошу стервятникам!» – кричал он. Что же касается беглецов, он объявил, что еще много таковых скрывается в империи, и заставил своего писца зачитать их список, после чего приказал Вигилию отправляться вместе с Эславом, одним из командиров Атиллы, и сообщить Феодосию, что должен потребовать немедленного возвращения всех беглецов, которые оказались на территории империи со времени Карпилио, сына Аэция, который был у него в заложниках. «Я никогда не потерплю, – сказал он, – чтобы мои рабы поднимали оружие против меня, как бы им ни помогали те, у кого они искали убежища... Какой город, какую крепость способны они защитить, когда я решил захватить их?» После этих слов Атила успокоился; сообщив Максиминому, что приказ об отъезде касается только Вигилия, он попросил посла остаться и подождать ответа на письмо императора. Встреча завершилась церемонией преподнесения и принятия подарков от римлян.

Вигилий конечно же должен был догадаться, что означает его изгнание. Хотя, возможно, он был слишком самонадеян и глуп, чтобы понять это. Во всяком случае, он ничего не рассказал своим спутникам и впал в растерянность из-за того, что Атила изменил отношение к нему. Вся эта ситуация серьезно обсуждалась в римском лагере. Иордан предположил, что о глупом поведении Вигилия в Сердице было доложено Атилле, что и разъярило его. Максимин не знал, что и думать. Пока они обсуждали эту тему, появился Эдекон и отвел Вигилия в сторону. Скорее всего, гунн решил, что того надо успокоить. Он заявил, что по-прежнему сохраняет верность плану Хризафия. Более того, видя, каким дураком оказался Вигилий, он рассказал, что сам поспособствовал его изгнанию, чтобы дать переводчику возможность вернуться в Константинополь и получить обещанные деньги якобы для нужд посольства и покупки продуктов. Вряд ли Вигилий ему поверил, во всяком случае надолго; через несколько часов Атила прислал распоряжение, что никому из римлян не позволено ничего покупать у гуннов, кроме того, что совершенно необходимо для жизни, – ни коней, ни других животных, ни рабов, ни выкупать пленников. Вигилий отбыл со звучащим в его ушах приказом, чтобы выполнить безнадежную, как он должен был понимать, миссию.

Через два дня Атила снялся с места и направился в свою столицу. Римские послы, подчиняясь указаниям проводников, назначенных гуннами, последовали за ним. Едва они прошли небольшой отрезок пути к северу, как им было приказано оставить караван Атиллы и идти другим путем, потому что, как им было сказано, вождь хочет добавить к своим многочисленным женам еще одну, Эскам, дочь вождя соседнего поселения.

Очень интересно сделанное Приском описание пути, по которому пришлось проследовать посольству. Они шли через Венгерскую равнину, через жуткие болота и озера,

которые приходилось преодолевать на плотах; в лодках-долбленках, подобных тем, что они видели на берегах Дуная, они пересекли три больших реки, в том числе и Драву. Питались они в основном просом, которое проводники получали или отбирали у несчастных крестьян, пили мед и пиво и полностью зависели от милостей погоды, которая была очень плохой. Однажды их лагерь был полностью уничтожен налетевшей бурей, и, если бы не гостеприимство вдовы Бледы, они бы, скорее всего, погибли.

Через семь дней пути, который привел их в самое сердце Венгрии, они оказались у какой-то деревушки, где их путь слился с большой дорогой, по которой двигался Атила. Здесь им пришлось остановиться в ожидании вождя, потому что они были должны следовать за ним, а не впереди. Именно здесь они встретили другое римское посольство от императора Запада Валентиниана III, который поссорился с Атилой из-за священных сосудов Сирмиума. Оказывается, в 441 году епископ Сирмиума, видя, что город оказался в окружении, собрал драгоценные столовые приборы, священную церковную утварь и тайно переслал их некоему Константиусу, галлу, в то время министру Атилы. В случае падения города все это добро следовало использовать для выкупа – сперва епископа, а если он умрет, то и других пленников. Однако Константиус обманул доверие епископа и продал или заложил одно блюдо серебряных дел мастеру в Риме. Атила услышал об этом, когда уже не мог добраться до Константиуса, и объявил все это добро своей добычей. Валентиниан послал посольство к Атиле из Равенны именно в связи с этой печальной историей.

Разыгрался самый позорный спектакль. В этой маленькой деревушке послы двух императоров, Запада и Востока, дворов Константинополя и Равенны, Нового Рима и Старого, сидя в болоте, ждали, пока мимо них проследует дикарь, в караване которого им будет позволено следовать, униженно ожидая аудиенции. Конечно, Атила лично и специально организовал такую встречу, и, когда он верхом подъезжал к своей столице, оба посольства, следуя за ним, глотали пыль из-под копыт его коня, а он мог радоваться тому изощренному оскорблению, которое нанес цивилизации, торжеству грубой силы над законом.

Глава 4

ПОСОЛЬСТВО ИМПЕРИИ ПРИ ДВОРЕ АТИЛЫ

Свидетелем въезда Атилы в его столицу был Приск. С наивным тщанием, которое явно свидетельствовало о его любопытстве и наблюдательности, он описал все подробности. Гунна встретила процессия девушек в белом, которые, окутанные длинными льняными покрывалами, выступали группами по семь человек, распевая свои песни. Их с обеих сторон сопровождали солидные матроны. Так они прошли ко дворцу, расположенному за домом главного министра Онегезия, где жена фаворита в окружении слуг и рабов ждала властителя, чтобы вручить ему чашу с вином, которую он великодушно согласился принять из ее рук. Четверо могучих гуннов подняли серебряный поднос с яствами, тоже предназначенными для вождя, и он отведал их, не слезая с коня. Затем он проследовал к себе. Максимиனு пришлось разбить свой лагерь между домом Онегезия и дворцом.

Это обширное строение господствовало над всем городом – хотя его можно было назвать и деревней – и заметно выделялось за счет своих высоких башен. Вокруг дворца было обширное отгороженное пространство, в пределах которого стояло много домов, принадлежащих вождю, его женам и детям. Всё, и ограда, и дома, было из дерева, отполированного и украшенного резьбой. Гарем был более скромным строением по сравнению с дворцом и не имел башен, но все его стены тоже были украшены резьбой. Недалеко от резиденции вождя стоял дом Онегезия, той же конструкции, но не такой большой и красивый. Рядом министр поставил интересную пристройку из камня – баню на римский манер. Выяснилось, что при разгроме Сирмиума в плен попал архитектор и Онегезий заставил его построить настоящую римскую «балнеа», что пленник и сделал с наивозможной поспешностью, надеясь, что обретет свободу. Камень доставляли из Паннонии, и он тут же шел в дело, но, когда строитель попросил дать ему свободу, Онегезий,

убедившись, что никто из гуннов не понимает смысла этого строения, назначил его «балнеатором», и несчастному архитектору пришлось обслуживать баню, которую он сам и построил.

Когда Атила вместе с императорскими посольствами появился в столице, Онегезий только что вернулся из важной поездки. Ему было поручено завершить завоевательный поход и по возвращении немедленно присоединиться к вождю, так что в первый день он не принял Максимиана. Посол был полон беспокойства, с трудом сдерживал нетерпение и на следующий день с самого утра послал Приска с подарками ждать министра. Посланник обнаружил ворота закрытыми, при них никого не было, и, ожидая около дома пробуждения его обитателей, он, чтобы согреться в рассветном холодке, прохаживался вдоль него. Внезапно кто-то его приветствовал греческим обращением «Хайре!». «Привет!» – ответил он, как мы сказали бы «С добрым утром», удивившись цивилизованному языку в гуще варваров. Далее последовал один из самых интересных разговоров, о которых только есть записи. В нем шла речь о сравнении цивилизации и варварства, что в то время занимало многие умы. Приск наконец спросил незнакомца, как тот оказался среди варваров. «Почему ты спрашиваешь меня?» – ответил незнакомец. «Потому что ты говоришь по-гречески, как уроженец Греции», – объяснил Приск. Но незнакомец только засмеялся. «Да, – сказал он, – я в самом деле грек. Я прибыл по делам в Виминаций на Дунае, что в Мёзии, и жил там много лет. У меня была богатая жена. Но когда гунны ворвались в город, я потерял все свое состояние и стал рабом этого Онегезия, которого ты, похоже, ждешь. У гуннов есть такой обычай – самые богатые пленники достаются их знати. Вместе со своим новым хозяином я не без выгоды для себя принимал участие в войнах. Я воевал с римлянами и с варварами и купил себе свободу. Теперь я стал, гунном, моя новая жена из варваров, и у меня есть дети от нее; я часто гощу у Онегезия, и, честно говоря, мое нынешнее положение куда лучше прошлого. Ибо когда война завершена, тут можно жить без особых хлопот. Нас война кормит, а тех, кто живет под римским правлением, уничтожает. Те, кто под Римом, должны полагаться на других, которые обеспечат их безопасность, потому что закон запрещает иметь оружие даже для самозащиты, а те, кому разрешено воевать, часто становятся жертвами невежества и продажности своих же вождей. Но у римлян даже все беды войны ничто по сравнению с пороками мирного времени, с невыносимым налоговым бременем, с грабежами сборщиков податей и давлением власть имущих. А как может быть иначе, если существует один закон для богатых и другой – для бедных? Если богатый человек совершает преступление, он знает, как откупиться, но, если закон преступает бедняк, возможно, просто по невежеству, ибо не знаком с формальностями, – и с ним покончено. Справедливости можно добиться лишь за большую цену, а по моему мнению, это худшее из зол. Ты должен купить адвоката, чтобы он просил за тебя, но тот будет защищать тебя или поможет избежать приговора, лишь предварительно получив немалую сумму».

Так человек, покинувший цивилизацию, долго защищал себя и варваров, а когда наконец он замолчал, Приск попросил его терпеливо выслушать. То, что он защищает, это будущее, которое ожидает весь мир. Больше всего отступника возмущали римские законы и их применение, и именно на их защиту Приск встал первым делом. Он объяснил разницу между трудом и ответственностью, присущую цивилизации, структуру римского государства и общества, которое, по его словам, было разделено на три класса: те, кто создавал и проводил в жизнь законы, те, кто обеспечивал безопасность империи и общества, и те, кто возделывал землю. Он искренне и красноречиво защищал такое общественное устройство при всей его сложности, его логичность и ясность по сравнению с хаосом и анархией варваров. Он доказывал, что личность – это часть общества, и мы можем понимать и приветствовать его мнение о цивилизации. Даже отступник наконец растрогался. Рассветным утром, встававшим над этой землей гуннов, красноречие Приска заставило его вспомнить все, что он потерял, и, заплакав, он воскликнул: «Да, римский закон хорош, народное правление полно благородства, но гнусные чиновники все извратили!» Должно быть, он мог сказать еще больше, но тут появился слуга Онегезия, и Приск расстался с

собеседником, чтобы никогда больше не встретить его.

Инструктируя Максимиана, особенно для переговоров с Онегезием, Феодосий и Хризафий несомненно надеялись одержать над ним верх с помощью дипломатии – точно так же, как они думали подкупом подчинить себе Эдекона. Но их расчеты были обречены на провал: похоже, и Эдекон, и Онегезий предпочли сохранить верность своему хозяину, а Эдекон уже ознакомил Аттилу с заговором против его жизни. Пожалуй, сейчас и Онегезий был в курсе дела. Приняв присланные ему подарки и узнав, что Максимин жаждет видеть его, он решил нанести ему визит, и без промедления собрался в лагерь римлян. Здесь Максимин и приступил к делу. Он объяснил необходимость мира между гуннами и империей, честь установления которого он надеялся разделить с министром Аттилы. Ему он в случае успеха обещал разнообразные почести и блага. Но убедить гунна ему не удалось. «Как я смогу организовать такой мир?» – спросил он. «Разрешив по справедливости все спорные вопросы в наших отношениях, – наивно ответил Максимин. – Император примет твое решение». – «Но, – ответил Онегезий, – я действую лишь в соответствии с волей моего властителя. – Он не понимал разницу между цивилизацией и варварством. – Рабство в царстве Аттилы, – сказал он, – для меня слаще, чем все почести и богатства Римской империи». Затем, словно пытаясь смягчить свои слова, Онегезий добавил, что может служить делу мира, которому Максимин так предан, скорее при дворе Аттилы, чем в Константинополе.

Но настало время предстать перед Керкой – любимой женой Аттилы – с дарами для нее. Эта обязанность снова была поручена Приску. Он нашел женщину в ее апартаментах сидящей на подушках в окружении рабов и прислужниц, которые вышивали мужскую одежду. По выходе из ее покоев Иордан в первый раз со времени прибытия увидел Аттилу. Услышав громкие голоса, он направился посмотреть, в чем их причина, и тут же понял, что гунн вместе с Онегезием отправляются вершить правосудие перед воротами своего двора. Здесь же, во дворе, он встретил и римских послов из Равенны. Побеседовав с ними, он вскоре убедился, что им повезло не больше, чем Максимиану. Тут Онегезий прислал за ним и сообщил, что Аттила решил не принимать послов от Феодосия, если те носят консульский ранг, а также назвал трех лиц, которых желал бы увидеть. Приск наивно ответил, что такой выбор послов неминуемо вызовет к ним подозрение со стороны их собственного правительства, на что Онегезий резко ответил: «Должно быть именно так. Или – война!» Глубоко огорченный Приск вернулся в римский лагерь, где нашел Таталлуса, отца Ореста, который явился сообщить Максимиану, что Аттила приглашает его к обеду.

Обед, на который были приглашены и послы от Валентиниана, состоялся в три часа пополудни, в большом зале, уставленном столами на четыре-пять человек каждый. Прямо на пороге послам предлагали чашу вина. Ее полагалось выпить за здоровье вождя, который, откинувшись и полулежа располагался за центральным столом на помосте. Рядом с ним, но пониже сидел Эллак, его наследник, который не осмеливался поднять глаз от земли. Справа располагался Онегезий и два других сына Аттилы, а слева – послы. Когда все были в сборе, Аттила выпил за Максимиана, который встал в знак благодарности и выпил в ответ. Подобной же церемонии по очереди удостоились и все другие послы. Затем началось пиршество. Яства подавали на серебряных блюдах и тарелках, а вино – в золотых кубках. Один Аттила пользовался деревянными тарелками и кубками. Перед каждой переменной блюд снова повторялась церемония почетных возлияний. Пир длился до темноты, когда зажгли факелы, а гуннские поэты принялись пением или речитативом на языке варваров воспевать славу войн и побед к радости всех присутствующих. Мало кто оставался трезв, когда знаменитый шут, карлик Зеркан, начал с грохотом переворачивать столы. А Аттила сидел серьезен и недвижим.

Дни шли за днями, но ничего не удавалось добиться. Послам, которые маялись нетерпением, пришлось посетить еще один обед, который в их честь дала жена вождя Керка, и снова разделить трапезу с Аттилой, но ничего не обсуждалось и не решалось. Правда, несколько раз Аттила говорил с Максимианом о деле, которое, видимо, глубоко волновало

его, то есть о женитьбе своего секретаря Констанция. Несколько лет назад тот был послан в Константинополь, и Феодосий обещал ему богатую жену, если мир не будет нарушен. Но подобранная жена была отвергнута, что стало поводом для обиды. Атилла пришел в такую ярость, что передал Феодосию – если тот не может навести порядок в своем собственном доме, он, Атилла, придет и поможет ему. Конечно, Констанцию была обещана другая, более богатая наследница, и Атилла предпочитал обсуждать с Максиминим именно эту тему, но отнюдь не письмо, полученное от императора.

Наконец, впав в отчаяние, Максимин дал понять, что собирается уезжать, и, едва только Атилла узнал, что Вигилий возвращается из Константинополя, он согласился. Вполне возможно, что гунн держал послов при себе как заложников или чтобы убедиться – они не осведомлены о заговоре против него. Наконец они отбыли, так и не получив удовлетворения, но не с пустыми руками. Атилла наделил их подарками – мехами, лошадьми, вышитыми изделиями. Их обратный путь не обошелся без приключений. Как рассказывает Приск, через несколько дней похода, уже около границы, они увидели жуткое, зловещее зрелище – недавних перебежчиков, распятых вдоль дороги. Позднее они стали свидетелями, как у них на глазах с варварской жестокостью казнили двух римлян. Таким образом Атилла слал им напоминания. Недалеко от Дуная они встретили Вигилия и его спутника-гунна Эслава, который на самом деле был его охранником.

Этот законченный идиот, который был и дураком и мошенником, имел при себе груз золота вдвое больше, чем обещал Эдекону. Более того, он взял с собой своего единственного сына, молодого человека двадцати шести лет, то есть фактически передал его в руки Атилле. Расставшись с Максиминим и его посольством, которым предстояло возвращаться в Константинополь, Вигилий остался среди варваров, чтобы совершить покушение на Атиллу, но едва он ступил ногой в гуннскую столицу, как был схвачен. Его обыскали и нашли золото. Когда его просили объяснить назначение этого богатства, он ответил, что вез его для личных нужд и предполагал внести выкуп за пленных римлян, а также купить лошадей и меха. «Порождение зла! – заорал Атилла. – Ты лжешь, но твоя ложь никого не обманет!» Затем он приказал привести молодого Вигилия и поклялся убить его тут же, на месте, если отец не признается. Вигилий, видя своего отпрыска в такой опасности, чуть не сошел с ума и воскликнул: «Не убивай моего сына, потому что он ничего не знает и ни в чем не повинен; виновен только я один». Он признался в заговоре с целью убийства Атилле, в который вовлек его Хризафий. Выслушав его и убедившись, что слова Вигилия соответствуют рассказу Эдекона, Атилла понял, что Вигилий говорит правду. Помедлив, он приказал отпустить молодого Вигилия и отослал его обратно в Константинополь, откуда тот должен был доставить еще сто фунтов золота, как выкуп за своего отца, которого, закованного в цепи, бросили в тюрьму. Вместе с ним он отправил двух послов, Ореста и Эслава, которые должны были изложить императору требования Атилле.

Они прибыли в Константинополь и получили аудиенцию у Феодосия. На шее у Ореста висел тот самый мешок, в котором Вигилий привез награду за будущее убийство Атилле. Стоящий рядом Эслав потребовал от Хризафия ответа, узнает ли он их, а когда тот сказал, что нет, Эслав повернулся к императору и сказал:

«Атилла, сын Мунзука, и Феодосий – два сына благородных отцов. Атилла остался верен памяти своего отца, а Феодосий предал его, потому что, платя дань Атилле, он признал, что является его рабом. Но и как раб, он не смог сохранить верность своему хозяину, и Атилла считает его погрязшим во зле, потому что он стал сообщником евнуха Хризафия и не обрек его на ту кару, которой тот заслуживает».

Ответа не последовало. Униженный и испуганный, император сделал все, что потребовал от него Атилла, отказав ему лишь в голове Хризафия. Самые видные лица империи были отправлены послами к гунну, и тот, не скрывая удовольствия, вволю поиздевался над ними. Для Констанция была найдена богатая вдова, а к ногам Атилле были выложены груды золота и серебра. Тем не менее он продолжал требовать голову Хризафия. Наконец в 450 году от гуннов явились двое готских посланцев – один в Константинополь, а

другой в Равенну. В один и тот же день, в один и тот же час они предстали перед Феодосием и Валентинианом и передали следующее послание: «Аттила, мой и твой властитель, говорит, чтобы ты приготовил для него дворец».

Это оскорбительное послание, если оно в самом деле было доставлено, не дошло до слуха мертвеца. Феодосий скончался 25 июля 450 года, а три месяца спустя умерла и Платидия, мать и добрый гений Валентиниана, подлинная правительница Запада. На трон в Константинополе взошел новый император Маркиан. Хризафий был приговорен к смерти, а старый солдат Маркиан с энергией, свойственной древним римлянам, предстал перед лицом Аттилы. Но варвар отступил, обдумывая, как он может разграбить Запад.

Глава 5

НАПАДЕНИЕ НА ЗАПАД

Отвернувшись от Востока, где ему не понравилась решительность Маркиана, Аттила обратил свои взоры на Запад, где правил слабый и сластолюбивый Валентиниан. Ему минул тридцать один год, и, похоже, он мог стать легкой добычей, но беззастенчивый грабитель все же нуждался в предлоге для нападения. Историю с блюдом из Сирмиума он то ли забыл, то ли опасался, что его требования будут удовлетворены. Он должен был бросить Валентиниану такую кость, которой тот подавился бы. И он нашел предлог в лице Гонории, сестры императора.

Стоит вспомнить, что пятнадцать лет назад, в 435 году, эта страстная и неукротимая девушка к позору Константинополя послала свое кольцо Аттиле и предложила ему себя. Она желала стать его невестой, как ее мать стала невестой Атаульфа, наследника Алариха. За пятнадцать лет варвар забыл это романтическое предложение, но, хотя он хранил ее кольцо, не предъявлял этой женщине никаких требований и не пытался увидеться с ней. После смерти Платидии в 450 году Аттила припомнил эту историю и сразу же обратился к Валентиниану с посланием, в котором утверждал, что ему принадлежат и Гонория, и вся ее собственность, то есть половина Западной империи. Он сообщил, что с величайшим изумлением узнал – его суженая из-за него подвергается бесчестью и даже брошена в тюрьму. Со своей стороны, он не считает ее выбор недостойным, потому что на самом деле он оказывает честь императору. Аттила настоятельно потребовал, чтобы Гонория незамедлительно получила свободу и была отправлена к нему с ее долей отцовского наследства и половиной Западной империи в виде своего приданого.

На это удивительное предложение Валентиниан дал ответ, что Гонория уже замужем и посему не может стать женой гунна, поскольку у римлян не в пример варварам не приняты многоженство и многожухие; что его сестра не может распоряжаться империей, ибо женщины ею не правят и вообще та не является семейным достоянием. На все эти возражения Аттила даже не ответил. Он всего лишь послал кольцо Гонории в Равенну и дал понять, что настаивает на своих требованиях.

Несерьезность намерений Аттилы, которые на самом деле были для него лишь предлогом, подтверждаются тем, что он неожиданно отказался от них и никогда больше не вспоминал. И Гонория, и блюдо из Сирмиума были полностью забыты. Он попытался добиться своей цели иначе, вдруг преисполнившись подозрительного дружелюбия и заверяя, что у императора нет более надежного друга, чем он, а у империи – более надежного союзника.

Истина заключалась в том, что появился куда лучший предлог для нападения, чем требование Гонории. Африканская провинция была потеряна для Рима после нападения вандалов, и теперь ею правил человек, подобный Аттиле, – Гензерих. Правда, он не был язычником, как гунн, но склонялся к арианской ереси и собрал под своими знаменами всех варваров, которые кишели среди развалин римских городов в Африке. Гензерих женил своего сына на дочери Теодориха, короля вестготов, но, поскольку этот союз не дал ему того, на что рассчитывал, он вернул девушку ее отцу в целостности и сохранности, если не считать

отрезанных им носа и ушей. Опасаясь, что Теодорих может, призвав на помощь империю, выступить против него, чтобы покарать за это неслыханное злодеяние, Гензерих заключил союз с Аттилой. Перед гунном открылись новые горизонты; он увидел, что этот союз, пусть и не приведет к нему новых подданных, дает возможность напасть на империю и с юга, и с севера – пока он захватит Галлию, богатейшую из европейских провинций Рима, Гензерих ударит по самой Италии. В этом плане, по которому весь Запад должен был стать его добычей, Аттилу особенно привлекало, что среди франков, самого воинственного из всех варварских племен Европы (что и заставило их первыми принять христианство, а потом и восстановить империю), царила анархия, вызванная смертью их вождя, а его наследство стало предметом спора двух его сыновей. Старший воззвал за помощью к Аттиле, а младший обратился к Риму и сделался чуть ли не приемным сыном выдающегося римского военачальника Аэция. По совету Аэция он отправился в Рим с прошением к императору, где Приск и увидел его, «безбородого юношу с золотыми волосами, падающими на плечи».

Эта ссора как нельзя лучше устраивала Аттилу. Вандалы вторгнутся в Италию из Африки, он нападет на Галлию, а франки пропустят его к переправам через Рейн. О Гонории он и не вспоминал. Аттила отправил послание Валентиниану, сообщив ему о своем решении напасть на вестготов и прося его не вмешиваться. Вестготы, объявил он, были его подданными, которые сбежали от него, но от прав на них он никогда не отказывался. Он указал, какую опасность они представляют для мира в империи, ради благополучия которой – и в той же мере и своего – он и хочет покарать их.

Валентиниан ответил, что империя не воюет с вестготами и они сами должны разрешать свои споры. Вестготы, сказал он, обитают в Галлии как гости, находясь под защитой Римской империи, и, следовательно, нападение на них будет считаться нападением на империю. Но Аттила не хотел ни слушать его, ни понимать. Он настаивал, что оказывает Валентиниану услугу, и, убедив императора, что его волнует лишь добыча, послал Теодориху предупреждение, чтобы тот не волновался, потому что он, Аттила, хочет войти в Галлию, чтобы освободить ее от римского ярма.

Одновременно с этим посланием вестгот получил и другое, от Валентиниана, – тот приветствовал его как «храбрейшего из варваров» и убеждал сопротивляться «всеобщему тирану», который «знает только свои желания, считает законным и справедливым лишь то, что устраивает его, и хочет подчинить себе весь мир». Теодорих вскричал: «О римляне, наконец вы добились своего; Аттила стал и нашим врагом!» Но римлян было не за что обвинять, и они мало чем могли помочь. Аттила, этот «всеобщий тиран», подготовился к войне и стремился к ней. Единственное, что оставалось Теодориху, – это быть готовым к самозащите.

Аттила готовился атаковать Запад, и перед его защитниками встала проблема, каким путем будет развиваться его нападение. Гунн обрушился на вестготов, но Аэций, который был умнее врага, сомневался, не станет ли жертвой Аттилы вся Италия, а не только Галлия. Он ошибался. Варвар оставался варваром, он верил только в свои хвастливые заявления.

Огромная разноплеменная армия варваров собралась у Дуная и в провинции к югу от реки. Эта орда насчитывала не менее полумиллиона человек, и все они были опытными воинами. У каждого племени был свой вождь, среди которых самыми знаменитыми считались вожди гепидов и остготов; но все они, как один, трепетали перед Аттилой, который имел в своем распоряжении самое мощное и многочисленное воинство, которое когда-либо угрожало цивилизации. И эта волна варварства была готова обрушиться на Галлию.

План Аттилы – если вообще его замысел можно назвать планом – был хорошо продуман. Напасть на Галлию было куда легче, чем на Италию, да и вообще она имела для будущего римской цивилизации куда меньшее значение. Но она была самым сердцем Европы. И разрушить его означало уничтожить будущее.

Собрав свое бесчисленное воинство на берегах Дуная, Аттила разделил его на две части. Первой следовало идти к Рейну по правому, или южному, берегу Дуная по

протяженной римской военной дороге, мимо всех римских крепостей на границах империи, каждая из которых, если она попадалась по пути, подлежала разрушению. Вторым предстояло двигаться по левому, или северному, берегу Дуная и встретиться с первой у истока реки, где в густых германских лесах они должны были обеспечить себя материалами, необходимыми для прохода через Галлию. Здесь, пока они тысячами рубили деревья, и состоялась встреча с франками. Они покинули или убили своего молодого короля, которому покровительствовал Аэций, и примкнули к своим братьям под знаменами Атилы.

Главной заботой, с которой тут же столкнулся Атила, была переправа через Рейн, и он отдал приказ готовить материал для наведения мостов. Поэтому его армии и вырубали деревья в древнем лесу. Если бы при переправе он встретил сопротивление, она стала бы невозможной или, во всяком случае, очень трудной. Сопротивление, однако, не было оказано, и, чтобы понять почему, мы должны уяснить политическое положение в Галлии.

В течение предшествовавшего полустолетия обширная провинция Галлии понесла серьезный урон, хотя и не такой тяжелый, как Британия, которая едва не исчезла с карты мира, и не такой безнадежный, как Африка, полностью потерянная для цивилизации. Вот что случилось: всё, вплоть до самых отдаленных частей Галлии, было занято варварами, так же как и та область ее, отгороженная от Запада Юрскими горами, где обосновались бургундцы. В Северной Галлии, которую мы ныне зовем Пикардией, Бельгией и Люксембургом, обитали франки: к западу от городов Арраса, Камбрэ, Амьена – салические франки, а к востоку, по обе стороны Рейна, у городов Кельн и Кобленц – рипарианские франки. К югу от салических франков саксонцы занимали побережье и нижнее течение Сены, к югу от них до Луары лежала Арморика и до самых Пиренеев тянулась изолированная провинция Бретония, а всю Аквитанию занимали вестготы под водительством Теодориха. Тем не менее Центральная Галлия с городами Мец, Страсбург, Орлеан, Лион, Вена, Арль и Лютеция, или Париж, оставалась под властью римлян и управлялась ими, что, несмотря на разруху и очень заметную клерикализацию, было реальностью.

Если Атила склонится к решению покарать вестготов, то ему, конечно, придется пройти через эту еще римскую, но уже христианскую провинцию Центральной Галлии, а опыт и Востока, и Запада дал знать правительству империи, что такой поход означал, что каждый город по пути будет разрушен и разграблен, а его жители перебиты. Естественными границами Галлии на востоке были Рейн и горы. Если удастся их удержать, то Галлия будет спасена, а потеря их означала уничтожение провинции. К сожалению, на Рейне отбросить Атилу не удалось. Сдержать его было невозможно, потому что место основной переправы у современного Кобленца было в руках франков, а дополнительный брод у Аугста – ныне деревушка между Бале и Мулхаусом – у бургундцев. Эти ворота были распахнуты настежь, и именно через них Атила прорвался к сердцу Запада.

Конфлуентес (Кобленц) стоял у места впадения Мозеля в Рейн, где слева от Мозеля большая римская дорога вела на юго-запад к Аугуста-Треверорум (Треве), а там уже брал начало целый ряд дорог, пересекавших Галлию во всех направлениях. От Конфлуентеса тоже на север по левому берегу Рейна тянулась дорога через Бонн к Кельну, откуда большая трасса снова уходила на запад и юг через те места, что сегодня называются Бельгией и Пикардией. Похоже, что этот основной путь Атила и избрал для своего наступления. У южного входа в Аугуста его армиям пришлось подождать встречи, чтобы, возможно, отразить атаку из Италии или нанести поражение нападавшим.

Атила двинулся в поход в январе, а в марте он уже стоял у ворот Галлии на Рейне. Его ждали весна и лето, в течение которых он собирался разрушить и уничтожить то, что было недоступно его пониманию.

Глава 6

ПОХОД АТИЛЫ ОТ РЕЙНА К ОРЛЕАНУ

Под крушение римской администрации, которая существовала здесь последние

пятьдесят лет, и в страхе перед вторжением орд Аттилы, по всему Рейну в этой богатой провинции Галлии, многие, если не все жители городов, которые считались римскими, но к тому же были и христианскими, постоянно и настойчиво размышляли, кто и что придет на смену их разрушенным институтам. Мы видим это в Меце, в Реймсе, в Орлеане и, кроме того, как и следовало ожидать, в Париже. Известна и судьба этих городов, и как они встретили ее; и пусть даже она необъяснима и при нашем скептицизме почти невероятна, она тем не менее ясно указывает на условия, духовные и политические, существования общества, которое все еще считалось римским. Именно христианство нанесло поражение Аттиле в Галлии, и именно оно единственное позже не позволило ему разрушить Италию. Подлинной победой, несмотря на мощные удары Аэция, стала победа духовная – христианство одержало верх над язычеством.

Так что если мы проследим за путем Аттилы, то сразу же станет ясно, что его поражение было победой христианства. Он начал свой поход с переправы через Рейн у Конфлуентеса и вторгся в бельгийскую Галлию. Мец пал. «В самый канун дня Святой Пасхи, – говорит Григорий Турский, – гунны появились из Паннонии и, сжигая все на своем пути, вошли в Мец. Они предали город огню, убивали налево и направо его жителей, даже священников перед Божьими алтарями. От города не осталось ничего, кроме часовни великомученика Стефана». Далее он предполагает, что часовня сохранилась лишь потому, что сам святой Стефан воззвал к помощи святых Петра и Павла, которые к тому времени уже заменили собой Ромула и Рема, как представителей Рима, поскольку сам Рим стал столицей уже не столько мира, сколько христианской церкви.

Вся нынешняя Лотарингия склонилась перед факелом гунна. Он вошел в Шампань. Пал Реймс. Его жители разбежались по окружающим лесам. Святой Никасиус, епископ, был зарублен перед алтарем, когда читал 118-й псалом: «Душа моя истает от скорби; укрепи меня по слову Твоему». Его сестра Эутропия, ужаснувшись жестокости завоевателей, ударила убийцу по лицу и была зарублена вместе с братом. Мы читаем, что внезапно храм сотрясся от ужасного грохота, и гунны в суеверном страхе покинули его, оставив полуразрушенный город. На следующий день жители стали возвращаться к его руинам. Двинувшись от Реймса, гунны заполонили всю Северную Галлию, которая от Марны до Рейна превратилась в пустыню. Все бежали и спасались – обездоленные и беспомощные. Жители маленьких городков сначала бежали в города побольше, а затем вместе с крестьянами скрывались в леса и холмы. Такова судьба одного из подобных маленьких городков, который позже обрел известность, став подлинной столицей Запада, – Лютеции, или Парижа; при всей необычности эпизода его обороны, она была очень характерна.

О жизни святой Женевиевы мы не знаем почти ничего, кроме легенды, которая превратила удивительную реальность в не менее удивительную сказку. Святой Герман из Оксера нашел под холмом Валериана маленькую семилетнюю девочку, и его забота о ней стала первым проявлением того влияния, которое она оказывала на людей и события. В ней воплотился дух христианской Франции. То же можно сказать и о Жанне д'Арк, но все же она появилась позже; святая Женевиева была в Париже, когда город только обрел свое нынешнее название.

Что касается легенды о ней, то я хочу привести лишь ту ее часть, которая касается упоминаемых событий. «До Парижа дошли известия, – говорит Вораген, в чьем чудесном изложении до нас дошли ранние жития святых, – что Аттила, король преступного сброда гуннов, собрался опустошить и уничтожить часть Франции и подчинить ее себе. Богатеи Парижа, полные ужаса, для надежности разослали свое добро по другим городам. Святая Женевиева предупреждала и убеждала добрых женщин города, что они должны пребывать в постах и молитвах, ибо только так могут смягчить гнев Господа нашего и спастись от тирании врагов, как в свое время сделали святые женщины Юдифь и Эсфирь. Подчинившись ей, они провели в церкви множество долгих дней в непрестанных постах и молитвах. Она сказала богатеям, что те не должны были ни прятать свои богатства, ни отправлять их из Парижа, потому что и другие города, где, как они надеялись, их добро будет в большей

сохранности, будут разрушены и разграблены, но по милости Божьей Париж не потерпит урона. Но ее слова были встречены с презрением, и кое-кто стал говорить, что пришло время появления ложных пророков и не стоит ли ее утопить или забить камнями. И пока раздавались эти угрозы, в Париж по воле Божьей после кончины святого Германа прибыл архидиакон Оксера, и, когда он понял, что и Женевьеве грозят смертью, он пришел к ним и сказал: „Почтенные господа, ради Бога, не делайте этого, потому что святой Герман свидетельствовал – та, о которой вы говорите, избрана Богом еще во чреве матери и вот, смотрите, его письмо, в котором она поручена его молитвам“. Когда буржуа услышали эти переданные им слова святого Германа и увидели письмо, они изумились и, боясь Бога, оставили свои злобные намерения и с тех пор не повторяли их. Так Господь наш уберег ее от беды, и ее апостольская любовь уберегла Париж – тиран не пошел на него, да восславится Господь и Святая Дева».

Это, как я говорил, и есть самый характерный и удивительный эпизод обороны. Париж не только не пал, он даже не подвергся нападению. Атила уже пресытился разрушениями и грабежам и теперь должен был всецело заняться нападением на вестготов, что стояли южнее, поскольку путь ему преграждал Рим и Аэций, угрожавшие всей его кампании. Его план заключался в том, чтобы нанести поражение вестготам прежде, чем придется столкнуться с Аэцием, когда тот выйдет из пределов Италии. В силу этих соображений он с основной частью войска отошел от Меца, прошел через Тулузу и Реймс, которые полностью опустошил, через Труа и Сане, оставшиеся целыми лишь потому, что он спешил, и через Солонь, занятую его союзником Сангибаном, королем аланов. Оттуда он двинулся напрямик на Орлеан. Этот поход занял целый месяц. Он оставил Мец в начале апреля и появился перед Орлеаном в первые дни мая.

Орлеан стоял на самой северной точке, куда доходила Луара, большая река, которая делила восток и запад Галлии на северную и южную части. Именно в его окрестностях так часто решалась судьба Галлии – достаточно вспомнить лишь самый известный эпизод: штурм Орлеана Жанной д'Арк, – и не стоит удивляться, что он сыграл свою роль и во времена Атилы. С незапамятных времен, еще до начала истории, Орлеан считался важным торговым городом, поскольку стоял не только на одной из самых больших рек Западной Европы, но и, как я говорил, был проходом к болотам, что лежали с севера и юга. Никто не мог пройти мимо него, по крайней мере, незаметно. В древности он был известен под именем Генабум, и именно здесь созрел и вспыхнул крупный мятеж, едва не покончивший с Юлием Цезарем, который сжег город до основания. Позже он снова поднялся, раскинувшись по северному берегу реки, а с южным его соединял большой мост. Восстанавливаться после пожара он стал без промедления, но не вернул себе прежний величественный облик, как можно было ожидать, потому что в самом деле понес серьезный урон в ходе войны. Но в 272 году во времена Аурелиана он, восстановленный, был уже обнесен стеной и по такому случаю принял имя этого императора. Времена для этого великого города, к сожалению, изменились, когда Атила вторгся в Галлию. Ясно было, что город превратится в руины, и отцы города, полные страха, наблюдали за приближением гуннов. Все же город подготовился к обороне. Первый прямой штурм был предпринят Сангибаном, королем аланов и союзником Атилы, который потребовал впустить его за стены города. Орлеан отказался и запер ворота. В то же самое время он послал своего епископа (и это важно, чтобы представлять себе истинное положение дел с правлением в Галлии, а также факты, касающиеся Реймса и Парижа) на юг, который еще оставался римским, в Арль, чтобы узнать, когда можно ждать прихода на помощь Аэция и как далеко могут продвинуться вестготы, – не только ради защиты самих себя, но и ради противостояния общему врагу.

Аниан – таково было имя епископа – явился в Арль как представитель, посол и управляющий городом. К своей радости, он нашел там не только крепкое и уверенное римское правление, но и выдающегося военачальника Аэция, который произвел на него внушительное впечатление. Аниан поведал о необходимости немедленной помощи. Он заявил, что городу удастся продержаться лишь до середины июня, не позже. Аэций

терпеливо выслушал его и пообещал, что придет городу на помощь. Едва Аниан успел вернуться в Орлеан, как Аттіла начал его осаду.

Зададимся резонным вопросом: почему Рим ждал так долго, прежде чем вмешаться и защитить свою обширную западную провинцию от этого «дикого животного»? Почему Аэций еще несколько месяцев назад не вышел из Италии во главе своих легионов? Почему он ждал, пока весь север не превратился в руины, прежде чем пронести через Альпы римских орлов и сомкнутыми когортами армии цивилизации отбросить этого дикаря и его орды? Ответ можно найти в той войне, которую мы ведем сегодня против точно такого же врага. Французам не удалось защитить север от современного Аттілы, потому что они слишком долго не могли решить, по какому пути он двинется и где нанесет самый тяжелый удар. Они никак не могли прийти к выводу, по какому пути будет разворачиваться немецкое наступление. Поэтому они и держали большую часть своих сил у Эльзаса и вдоль этой границы. Они считали, что немец куда более умен, чем оказалось на самом деле, и не смогли уловить предельную простоту плана варваров: мощный, как молотом, удар, который потряс Бельгию, и вторжение через нее на север Франции. Они же ждали чего-то более умного и не столь безоглядно жестокого. Они не могли поверить, что немец, нарушив нейтралитет Бельгии, готов презреть моральное осуждение всего мира. Они были не в состоянии понять глупость варваров. Они ошибались.

Аэций тоже оказался не прав, но, наверное, его можно простить. Он не мог точно предположить, по какому пути Аттіла в самом деле начнет наступление на империю. А что, если вторжение в Галлию всего лишь ложный маневр, а подлинная цель – Италия и полем битвы станет Ломбардия? Кроме того, был еще один фактор: в Африке, угрожая высадкой на побережье, ждал Гензерих, союзник Аттілы. Аэций переоценил интеллект своего врага. А также не понял, какие силы противостоят ему.

Когда Аэций наконец оценил ситуацию, он не имел права и не должен был впадать в отчаяние. Успехи гуннов повлияли на решение вестготов ограничиться лишь обороной в пределах своих границ; они отказывались переходить в наступление. Повсюду, где римляне медлили, они сталкивались с изменой среди тех племен, которые должны были быть их союзниками в борьбе против общего врага. Но Аэций не мог себе позволить опустить руки. Он обратился к вестготам: «Если нас разгромят, вы будете следующими, которых уничтожат; если же вы поможете нам одержать победу, то будете увенчаны славой». Ответ вестготов был такой: «Это не наше дело; занимайтесь им сами».

Они были не правы. Победа Рима была необходима для будущего.

На самом деле многое дало само присутствие Аэция в Галлии. Внезапно вся страна изменилась, повсюду люди брались за оружие – аристократы и крестьяне, городские жители, крепостные и свободные. Из Арморики пришел героический отряд, рипурианские и салические франки увидели руины римских городов по всей стране, в которых им было позволено разместиться, бургундцы тоже вернулись, храня верность старым союзникам, если они вообще уходили. В конечном итоге дипломатия Рима оказалась такой успешной, что, даже когда вернулся Сангибан, Аэций предпочел сделать вид, что не обратил внимания на его измену. Выдающийся военачальник тщательно подготовился к наступлению, но решил сделать все возможное, чтобы вестготы примкнули к его силам. Именно поэтому он наконец обратился за помощью к сенатору Авиту, знаменитому галльскому аристократу, который жил в Клермоне, главном городе провинции Овернь.

Авит представляет собой фигуру, которая среди обилия варваров, заполонивших Галлию, сразу же привлекает наше внимание. Его личность убеждает нас, что цивилизация Рима оставалась жить на Западе – с ней не справились дикари, она не была потеряна в тумане предрассудков. Авит резко выделялся бы даже во времена величия Рима, он напоминал римского аристократа времен Марка Аврелия. Богатый человек, отпрыск благородной семьи, которая издавна пользовалась высочайшим уважением и несла тяжелейший груз ответственности, ученый, эрудит, убежденный патриот, он, кроме того, был и солдатом, отличавшимся личной отвагой. Уже в 430 году он успешно заключил для

Рима договор с вестготами, и именно к нему в этот час огромной опасности снова обратился Аэций. Он нашел его на прекрасной вилле, где все дышало миром и покоем, у подножия гор Оверни. Он жил так, как впоследствии жили многие наши знаменитые аристократы восемнадцатого столетия – наполовину земледelec, наполовину ученый, эпикуреec до мозга костей, знающий себе цену, окруженный друзьями и семьей, в которую входили его сын и дочь, поэтами, учеными и прекрасными женщинами. Его сын Экдикиус был наследником и его богатства, и его ответственности. Дочь Папианелла была замужем за Сидониусом Аполлинарием из Лиона, выходцем из почтенной галло-римской семьи, который уже обрел известность как поэт. Именно этот человек, Авит, в критический момент ради блага цивилизации появился при дворе вестготов, – и у нас не могло быть более благородного представителя.

Его миссия увенчалась полным успехом; но по прошествии времени стало ясно, что Орлеану придется дорого заплатить за интересы вестготов. Город находился в плотном кольце окружения, он каждый день подвергался нападениям, и на него летели тучи гуннских стрел, – но не приходило никаких известий о снятии осады, и город был в отчаянии. Тщетно епископ Аниан во главе процессий носил церковные реликвии по улицам города и даже к войскам, стоявшим на укреплениях; они считали его предателем. Не теряя веры в Бога и в обещания Аэция, он ежедневно заставлял людей подниматься на последнюю высокую башню и смотреть, не идет ли помощь. Никто не подходил, не было ни следа армий Аэция. День ото дня широкие дороги, уходящие к югу, оставались пустынными и безжизненными. Наконец он тайком отправил посланника к Аэцию со следующими словами: «Сын мой, если ты не придешь сегодня, то будет поздно». Посланец так и не вернулся. Аниан и сам начал сомневаться и безропотно выслушивал увещевания советников сдаться, доверившись милости гунна. Но Атила был вне себя из-за столь длительного сопротивления города и не пошел бы ни на какие условия. Не оставалось ничего иного, как погибнуть или обречь себя на муки, худшие, чем смерть.

На следующее утро первые отряды кавалерии гуннов ворвались в город сквозь выломанные ворота. Начались убийства, насилия и разрушение города, но они подчинялись определенному порядку и носили систематический характер. Ничто не ускользало от внимания гуннов – ни дома граждан, ни их святые места, захватчиков не останавливали ни возраст, ни пол жертв. Казалось, что все обречено на гибель в волне вандализма и убийств.

Внезапно над хаосом кровопролития вознесся крик: «Орлы! Орлы!» И по мосту, который соединял берега Луары, с грохотом пронеслась римская кавалерия, в рядах которой развевались и готские знамена. Они явились, и ничто не могло остановить их натиск. Шаг за шагом они отвоевывали предместье, дрались на берегу, в воде, прорывались в проем ворот. Имперские войска захватывали улицу за улицей, дрались за каждый двор, все усиливая давление; над их головами блестели орлы. К ним в руки переходили дом за домом, улица за улицей, заваленные трупами; гунны дрогнули и пустились в бегство, давя конскими копытами упавших, но им не удавалось пробиться, и горы трупов продолжали расти. Испугался даже сам Атила и скомандовал дать сигнал к отступлению.

Этот бесконечный день, вошедший в историю, пришелся на 14 июня. Аэций сдержал слово. С Орлеана началось освобождение Галлии и Запада.

Глава 7

ОТСТУПЛЕНИЕ АТТИЛЫ И БИТВА НА КАТАЛАУНСКИХ ПОЛЯХ

Похоже, отступление Атиилы от Орлеана стало одним из самых ужасных, о которых до нас дошли сведения. Готский хроникер Иордан, писавший через сто лет после излагаемых событий, полностью или почти полностью полагался на готские легенды, хотя был довольно плохо информирован о фактах и подробностях, которые могли бы подкрепить его рассказ об ужасах и бедствиях хозяйничанья гуннов. Ясно, что отступление войск Атиилы должно было быть не только трудным, но и невозможным без бедствий, которые им пришлось перенести:

слишком много жестоких преступлений было совершено по отношению к измученному населению Северной Галлии, чтобы гуннам позволили так легко уйти из нее. Опустошенная страна не могла удовлетворять свои потребности; обездоленные люди повсюду жаждали мести; так что Аттиле со своими отрядами приходилось в беспорядке пробиваться к Рейну, а Аэций и Теодорих наседали на него с флангов.

Нельзя сказать, что он уходил, избегая сражений. Легионы империи, следовавшие за ним по пятам, не давали ему передышки ни на один день, и, учитывая состояние, в котором находились его войска, он был в полном отчаянии, когда наконец добрался до города Труа, лежавшего более чем в ста милях от Орлеана. Город открыл ворота, и Аттила надеялся, что у него будет время на грабеж, и он сможет в какой-то мере вернуть уверенность своим войскам и привести их в порядок. То, что он оставил Труа в покое, является лучшим подтверждением той энергии, с которой силы империи преследовали его. Но тут мы снова встречаемся с прочти невероятным вмешательством той высшей силы, которая дала о себе знать в Реймсе, в Париже и не в последнюю очередь в Орлеане. Должно быть, именно она и сыграла главную роль в торопливом отступлении Аттилы, когда он уходил из Галлии к северо-востоку, чтобы успеть дать отдых своей армии в Труа, а оттуда идти по большой дороге к Сене и переправляться через нее. То, что он был не в состоянии этого сделать, без сомнения, объясняется главным образом давлением, которое Аэций оказывал на него с флангов. Однако, как мы знаем, было и нечто большее. Подобно тому как Аниан из Орлеана молитвами спас свой город, то же самое сделал и Люпус из Труа. Он, епископ, а теперь, скорее, правитель города, представ перед Аттилой, настолько смутил его открытым и смелым взглядом, что суеверный варвар оставил Труа в покое и лишь, уходя от города, забрал с собой, как пленника, епископа. «И делаю я это потому, – сказал он, при всех своих страхах издеваясь над ним, – что если прихвачу с собой такого святого человека, то удача не покинет меня и на Рейне».

Аттила ушел. Он форсировал Сену, и теперь его ждала переправа через Об. Именно здесь авангард императорских армий впервые вошел в соприкосновение с теми, кого преследовал. Была ночь. Охранять переправу Аттила оставил гепидов, и именно они приняли на себя первый удар Аэция, авангард которого состоял из франков. Сражение длилось всю ночь, и к утру переправа перешла в руки Аэция. На поле битвы осталось лежать примерно 15000 тел убитых и раненых. Аттила пересек Шампань, но императорская армия продолжала следовать за ним по пятам. Ему пришлось вступить в бой. Это сражение стало одним из самых известных, а также едва ли не самым важным в истории Европы, ибо здесь было спасено ее будущее. Битва развернулась по всему обширному пространству Шампани между Обом и Марной, но центром его в конечном итоге стали внушительные укрепления у Шалона, которые и сейчас еще зовут Лагерем Аттилы. Сражение это осталось в истории как битва на Каталаунских полях.

Вполне возможно, что бой у Оба дал Аттиле время возвести эти земляные укрепления – одни из самых высоких и внушительных сооружений в Европе, которые, вздымаясь над пустынными пространствами Шампани, создают впечатление, что созданы они не человеческими руками. Здесь он и остановился. Убедившись наконец, что сражения не избежать, он расположил лагерь свое войско и приготовился к бою.

Именно в этом жутком и трагическом месте Аттила собрал совет. Как и всегда в решающие моменты своего жизненного пути, он был полон суеверий, и перед ним прошла бесконечная процессия ясновидцев, гадалей и предсказателей, которые пророчили исход битвы по полету птиц и по внутренностям животных. Колдуны наконец осмелились сообщить Аттиле, что его ждет поражение, но, наверное, чтобы спасти свои головы, они добавили, что и главный его враг погибнет в сражении. Страх, который он внушал гунну, был убедительным доказательством талантов Аэция. И когда Аттила услышал эти слова, он, расставшись с огорчением, немедленно преисполнился радости и довольства. Если Аэций расплатится за его поражение своей жизнью, почему бы ему, Аттиле, не оправиться от него, поскольку главного противника больше не будет!

С легкой душой он стал готовиться к предстоящему сражению. Иордан, за рассказом которого мы вынуждены следовать, поскольку он является единственным авторитетом в повествовании о сокрушительном поражении гуннов в Галлии, описал нам, хотя и довольно туманно, расположение сил и ход сражения. Тем не менее, следуя за ним, необходимо помнить, что он был готом и большей частью придерживался готских традиций; кроме того, не стоит забывать и о собственном здравом смысле.

Иордан рассказал, что Аттила старался как можно дольше избегать сражения, но, хотя он не был свободен от страха и трепета, все же в три часа дня атаковал, считая, что, если фортуна и отвернется от него, приход ночи поможет бегству. Затем хроникер описал поле битвы. Между двух армий, если я правильно понял его, шла возвышенность, которая давала немалые преимущества той стороне, что владела им. Его занимало правое крыло сил гуннов, а правое крыло императорской армии состояло из вспомогательных частей.

Правый фланг римской армии держали Теодорих и его вестготы, слева стояли Аэций и римляне; между ними, защищая центр и находясь под присмотром Аэция и Теодориха, располагался ненадежный вождь аланов Сангибан.

Гунны расположили свои войска в другом порядке. В середине, окруженный своими самыми лучшими закаленными воинами, стоял Аттила, как всегда озабоченный своей личной безопасностью. Крылья его армии полностью состояли из союзников, возглавляемые своими вождями – остгот Валамир и гепиды со своим королем Ардариком, которого Аттила любил больше всех прочих и доверял ему. Остальные, сборище королей и вождей бесчисленных племен, ждали слова Аттилы, потому что царь царей Аттила возглавлял их и от него одного зависел исход сражения.

Как утверждает Иордан, оно началось битвой за ту самую возвышенность между двух армий. Удача сопутствовала вестготам под командой Торизмунда, которые смяли гуннов и оттеснили их.

Подался назад и Аттила и, видя, что его воины отступают, обратился к ним с призывом, смысл которого передает Иордан.

«После таких побед над многими народами, когда вы завоевали почти весь мир, я думаю, смешно воодушевлять вас словами, словно вы не знаете, как драться. Пусть этим занимаются новые командиры, которым приходится иметь дело с новичками. Вам это не нужно. Ибо кто вы, если не воины? Что еще вы умеете делать, кроме как драться, и что может быть слаще для вас, чем месть, которую вы творите собственными руками? Так что мужественно атакуем врага, потому что первыми в бой идут лишь самые отважные. Разгромите это сборище племен, у которых нет ничего общего между собой, кроме страха перед нами. Еще до того, как они столкнутся с нами, страх заставит их убегать все выше, чтобы закрепиться над этим широким полем.

Мы знаем, как слабы римляне в бою; они теряют мужество даже не от первой раны, а едва только увидев пыль на поле сражения. До того как они собрались воедино, до того как они сомкнули щиты, атакуйте их, опрокиньте аланов и ударьте с тыла по вестготам. И к нам придет быстрая победа. Если они дрогнут, то их ряды ослабеют и падут, и вы переломаете им кости. Да наполнятся ваши сердца отвагой! Покажите присущее вам мужество, которое никогда не покидало гуннов! Оно обеспечено вашим оружием. Пусть даже раненый не падает, прежде чем не убьет врага, пусть те, кто останется в живых, потонут в горах трупов. Того, кто обречен жить, ничто не сломит, и конец его жизни придет не в бою. И разве те победы, что гунны одержали над племенами и народами, не подготовили их к этой самой главной битве? Разве не наши предки привели нас из забытых болот Азова на это поле сражения? Ничто не может обмануть меня; здесь, на этой равнине нас ждет слава, а это неисчислимое воинство, собранное по воле случая, не осмелится взглянуть в глаза гуннам. Я первый обрушу свой меч на врага, и если кто-то помедлит пойти в бой за Аттилой, то, значит, он мертв и его ждет погребение».

Эти слова, говорит Иордан, настолько воспламенили сердца гуннов, что все они, как один, ринулись в битву.

Доподлинно мы ничего не знаем об этом ужасающем столкновении, но его исходом стало спасение западного мира. Правда, Иордан представил подробный отчет, но мы не можем определить, что в нем соответствует действительности, а что является плодом его фантазии. Мы знаем, что жестокое сражение охватило все пространство; Иордан утверждает, что равных этой битве не было и мир не видел такого количества павших. Он рассказывает, что ручей, протекавший через поле боя, бурлил кровавыми водоворотами: «те, кто, мучимые жаждой, пили из него, пили смерть и убийства». По рассказу Иордана, именно в этот ручей упал с коня Теодорих, король вестготов, и, растоптанный копытами, пал под ударами мечей, исполнив тем самым пророчество, которое Аттила слышал от своих колдунов. Но гибель короля настолько разъярила вестготов – хотя тут мы должны с осторожностью следовать за Иорданом, – что они сошлись с врагом врукопашную и едва не зарубили самого Аттилу. Именно их отчаянный натиск оттеснил предводителя гуннов и его охрану, стоявших в самом центре боя, к земляным укреплениям, которые при всех их размерах не смогли остановить гневных вестготов. Спустившаяся ночь позволила сопернику укрыться под их защитой.

Этой ночью Торизмунд, сын Теодориха, пропал и нашелся снова. В горячке ночного боя Аэций тоже отделился от своих воинов и, как и Торизмунд, обнаружил, что находится среди вражеских кибиток, но, подобно Торизмунду, все же нашел путь обратно и провел остаток ночи среди готов.

Занявшийся рассвет позволил союзникам увидеть открывшееся перед ними зрелище. Обширная долина была усеяна умирающими и мертвыми. В этом бою пало 160000 человек, а за земляными укреплениями скрывались остатки гуннов, почти все раненые и злые от поражения.

Эта битва дорого обошлась империи. И речь идет не только о прямых потерях. Гибель Теодориха привела к большому расстройству в рядах вестготов, и в конечном итоге Аэций потерял своих готских союзников. Был созван военный совет. Он принял решение: удерживать Аттилу за его земляными укреплениями и уморить гуннов голодом. В это же время шел поиск тела Теодориха. Он занял много времени, но в конце концов павший король был найден «под плотной грудой мертвых тел». Его похоронили скрытно от глаз врагов, и готы «хриплыми голосами разразились шумными сетованиями». Можно только предположить, где именно был захоронен Теодорих. Но вполне возможно, что кости, оружие, золотые украшения и драгоценности, найденные близ деревушки Поуан на Обе в 1842 году, и являются остатками погребения Теодориха, потому что сражение, без сомнения, велось на огромной территории и, конечно, враг не должен был видеть, где погребают короля. С другой стороны, эти кости могли принадлежать и королю франков, который тоже пал в этой битве у перехода через Об.

Но вот отчет Иордана о событиях, последовавших за похоронами Теодориха, вызывает самые серьезные сомнения. Он сообщил, что Торизмунд, сын и наследник Теодориха, решил атаковать гуннов и отомстить за смерть отца; но, когда он посоветовался с Аэцием как с главнокомандующим, тот, «опасаясь, что, если гунны будут окончательно разбиты, готы могут решительно восстать против империи, посоветовал Торизмунду возвращаться в Тулузу и позаботиться о троне своего королевства, пока братья не захватили его. И Торизмунд, не подозревая о двуличии Аэция, последовал его совету». Учитывая традиции готов, такое объяснение их предательства весьма сомнительно, хотя оно вполне устраивало Иордана. Поверить в него просто невозможно, потому что Аттила отнюдь не был полностью разбит и еще представлял для империи куда большую опасность, чем готы. Дать ему скрыться – а именно это и повлек бы за собой уход Торизмунда – было бы предательством, и не готов, а самой империи. Это устраивало не Аэция, а Торизмунда, не Рим, а готов, чья верность никогда не подвергалась сомнению, хотя они не очень были привержены заботам империи.

Но Аэций не удивился ни их уходу, ни поведению Торизмунда. Рим привык к ненадежности своих союзников из числа варваров, хотя они уже обрели способность принимать решения, да и по складу мышления уже перестали быть варварами. Изумился

Аттила. Он уже смирился с поражением, как вдруг, поднявшись на рассвете на темные земляные валы укреплений, он увидел, что лагерь вестготов пуст и безлюден. Этот вид заставил его «душу снова вернуться в тело». Пусть и разбитый, но он без малейшего промедления начал отступление. Аэций не мог ни пресечь его, ни превратить в окончательный разгром Аттилы. Во время этого длинного марша к Рейну все дороги были запружены больными, ранеными и погибшими гуннами, но главные силы полумиллионной армии вторжения вернулись в германские леса. Галлия была спасена, и вместе с ней – будущее Запада и цивилизации. Но Аттила не потерпел окончательного поражения.

Глава 8

НАСТУПЛЕНИЕ АТТИЛЫ И УХОД ИЗ ИТАЛИИ

Несмотря на все вышесказанное, довольно трудно ответить на вопрос, был ли Аттила окончательно разгромлен в Галлии или нет. Во всяком случае, не подлежит сомнению, что отступление от Орлеана до лагеря в Шалоне было для него катастрофой, и в великой битве, последовавшей за ним, он спасся от полного уничтожения лишь из-за ухода вестготов. Аттила спас то, что осталось от его армии после отступления и битвы, и без промедления решил вторгнуться в Италию. Его подгоняла необходимость доказать, что он остается «всеобщим тираном» и «бичом Божьим».

Историки падения и краха империи, хроникеры вторжений варваров дружно выражают удивление, часто смешанное с презрением и насмешкой, что Аттиле вообще позволили уйти. Но необходимо помнить, что такова была практически неизменная характеристика войн с варварами – захватчики отступали. Так Аларих постоянно избегал уничтожения от меча Стилихона; и, если уж у вестготов была возможность уйти, насколько больше она была у Аттилы, армии которого состояли большей частью из всадников. Можно сказать, что превосходство варваров крылось именно в их мобильности. Кроме того, грубые и жестокие люди, которые и составляли его войско, жили за счет страны, в которую они вторгались. Они не зависели, как имперские армии, от своих баз и линий снабжения и всегда были в полной готовности пуститься в очередную авантюру. В правительстве империи, раздираемом интригами и постоянными ссорами и развращенном коррупцией, было много тех, кто из личной ненависти и амбиций, а то и из-за измены осуждал и поносил Аэция за бегство Аттилы, хотя в глубине души сам рассчитывал на него. Годится любое оружие, чтобы пустить его в ход против выдающегося военачальника, который не был ни дураком, ни предателем и, кроме того, обладал такими же способностями и амбициями, как и Стилихон. Как только на него не клеветали! Вспомнили, что он был в близких отношениях с Роасом, дядей Аттилы, было высказано предположение, что он сознательно спас гуннов от разгрома.

Вся эта грязь усугублялась и действиями самого Аэция. Безмерно гордый, как и Стилихон, он намеревался просить руки принцессы Евдоксии, дочери императора Валентиниана, для своего сына; более того, среди мер, принимаемых им против нового нападения Аттилы, был и замысел перемещения императора в Галлию, – чтобы самому занять его место, как заявляли враги Аэция. Оппозиция так яростно протестовала против этого замысла, что от него пришлось отказаться. Аэций согласился, чтобы император перебрался в Рим, пока он со своей армией будет оборонять Равенну и границу по реке По.

В первой главе этой книги я кратко объяснил имперскую теорию обороны Италии. И здесь я должен очень бегло напомнить, что по этой теории русло По, вся Цизальпинская долина, лежащая между Альпами и Апеннинскими горами, совершенно правильно считалась защитой Италии. Голые и в то время непроходимые хребты Апеннин противостояли вторжению, их неприступность защищала от прорывов с востока, где дорога Виа Эмилия шла между горами и морем в Римини. Этот узкий проход удерживался не городом Римини, оборонять который было невозможно, а Равенной. Учитывая ее положение среди болот, Равенну невозможно было ни захватить, ни даже подступиться к ней. Именно своевременная и мудрая оценка всех этих факторов и заставила императора Гонория перенести свою резиденцию в Равенну, когда

Аларих перешел через Альпы. И с тех пор этот город считался ключом ко всей системе обороны Италии; оставался он таковым и сейчас, хотя Аэций отошел от него, собрав свою армию вдоль Виа Эмилия за По, где и остался ждать последней авантюры Аттилы.

Тому не удалось разгромить Восточную империю, неудачей кончилось его вторжение в западные провинции, и теперь Аттиле оставалось лишь одно – попытаться изнасиловать и уничтожить дух и цитадель цивилизации, Италию и Рим. Это было сложнейшей задачей из всех, за которые он брался, тем более при его осторожности, которую он никогда не терял. Этот удар был его последним шансом. Если он потерпит поражение, то оно будет настолько сокрушительным, что в сравнении с ним его кампании на Востоке и Западе будут выглядеть триумфами. Аттила возмещал недостаток реальных сил хвастовством и проклятиями. Он не имел достоверной информации, не обращал внимания на подлинную природу и мощь противостоящих ему сил; он преувеличивал уровень коррупции в империи, полагаясь на нее; и кроме того, он отказывался видеть, что будущее, нахмурившись, мрачно смотрит на него из-за Альп.

Аэций правильно учел традицию, гласившую, что оборона Италии должна осуществляться в Цизальпинской Галлии; он настаивал, что именно она должна стать полем битвы. Он решил держать оборону по реке По, так же как оборонял границу по Луаре; и не стоило, сомневаться в его успехе. Сколько варвары ни вторгались сюда, их всегда ждал разгром на этих бескрайних полях. Тем не менее Аэций подстраховал и себя, и Рим. Сделал он это с помощью Константинополя. На восточном троне больше не восседал Феодосий Каллиграф; он принадлежал Маркиану, воину. К нему Валентиниан и отправил послов. Маркиан выслушал их и пообещал войско. В том случае, если Аэций сможет заманить Аттилу достаточно далеко, – но не слишком, чтобы не подвергать Италию опасности, – и если сможет остановить его на Цизальпинских полях, Маркиан успеет подойти из Паннонии и отрезать Аттиле путь к отступлению. Наконец гунн будет разгромлен наголову, и груды костей его орды будут белеть на берегах рек Ломбардии. Во всяком случае, таково наилучшее объяснение последовавших событий.

Еще до окончания зимы 451/452 года Аттила, покинув земли варваров над Дунаем, двинулся на юго-запад, по широкой римской дороге наконец пересек Паннонию, как Аларих до него перевалил через Альпы и осадил первую большую итальянскую крепость Аквилею, столицу провинции Венеции, что, может быть, уберегло Равенну. Стены этой могучей крепости, которая располагалась примерно в шестидесяти стадиях от моря, омывались реками Натисо и Туррус. Аквилея считалась самым укрепленным поселением во всей Италии. Она была таковой к концу четвертого столетия, но и с давних пор считалась третьей среди итальянских крепостей, уступая только Милану и Капуе. Хотя расположена она была на равнине, ее защищали такие мощные стены и башни, что Аквилея считалась неприступной. И Алариху, и Радагайсу пришлось отступить от нее, но Аттила осадил ее ранней весной 452 года. Три месяца он тщетно пытался справиться с ней. Ни одна из осадных машин не могла проломить эти римские стены, и, что бы он ни придумывал, на какие бы хитрости ни шел, ворота крепости оставались нетронутыми. Он надеялся уморить осажденных голодом, но через три месяца состояние его войска, уже опустошившего и разграбившего всю окружающую местность, стало беспокоить его куда больше, чем осажденный город. Он мог голодать вместе с воинами, жившими за счет сельской местности, но тут в этих болотах стала усиливаться жара, а в его армии возникло разочарование. Гунны, которые рассчитывали на добычу в Италии, стали вспоминать осаду Орлеана и битву у Шалони.

Разъяренный и отпором осажденных, и настроением своих войск, а может быть, больше всего злясь на самого себя, гунн уже был готов отступить, как в свое время Аларих, хотя сейчас опасность была куда больше, чем во времена готов. Но как рассказывает легенда, как-то вечером, когда спала дневная жара, он мрачно ехал верхом в виду стен и башен добычи, до которой никак не мог добраться, и случайно увидел аиста. Тот вместе с выводком собирался покинуть гнездо на одной из башен и улетать в глубь страны. Его вид внушил

Аттиле уверенность в победе. На рассвете он в очередной раз погнал своих гуннов на приступ; и с того дня никому из живущих не удавалось найти даже руины Аквилеи. Это было не просто поражение. Это было полное уничтожение – город сровняли с землей и подожгли со всех сторон. Жестокость гуннов была ужасна. В истории остался рассказ о молодой и красивой девушке Дугне. Спасаясь от преследования банды гуннов, она обернула голову накидкой и бросилась со стены в воды Натисо.

Падение Аквилеи, уничтожение ее жителей и другие злодеяния сковали ужасом Венецию. Аттила двинулся дальше. Алтинум и Конкордию постигла та же судьба – они исчезли со страниц истории. Падуа и Модена были разграблены и сожжены. Верона, Брешия, Бергамо, Милан и Павия открыли ворота, и их жители, пусть и ограбленные, сменили смерть на рабство. В течение этой долгой ночи каждый, кто мог убежать, скрывался, и ему оставалось полагаться лишь на милость Господа.

Глядя на оставленные им руины, Аттила считал, что уже одержал победу. Одна из фресок на стене дворца в Милане изображала двух римских императоров, которые, облаченные в пурпур, восседали на тронах, а у их ног, моля о милости, были покорно простерты какие-то варвары, гунны или скифы. Эту картину Аттила приказал содрать со стены, а на ее месте изобразить самого себя на троне, у подножия которого два римских императора высыплют золото из больших мешков, которые они притащили на спинах. Насмешка была пусть и грубой, но остроумной – и, тем не менее, тщетной, потому что вдоль По по-прежнему блестели орлы легионов Аэция, а из-за Альп уже доносились слухи о подходе армий Византии.

И скорее всего, в сердце Аттилы было больше страха, чем надежды, страха перед гневом богов этой странной и прекрасной страны, которую он уничтожал, богов этих болотистых пространств, что насылали на его воинов лихорадку, этих богов – Петра и Павла (в Галлии он уже понял, что их стоит опасаться), чей город, самый древний и самый святой город мира, он всем сердцем хотел разграбить и разрушить. В нем жил страх перед своими собственными ордами, отягощенными награбленными богатствами и добычей. Они рвались домой, но им угрожал голод, потому что они разграбили и опустошили страну. А еще он больше всего боялся своей собственной судьбы. «А что, – спрашивал он сам себя, – если я все завоюю, как Аларих, только для того, чтобы, как и он, погибнуть?»

Не стоит сомневаться, что само имя Рима навело ужас на варваров. Они боялись его. Тем не менее гордость Аттилы и его амбиции преодолели страх его воинов перед именем Рима и опасения за свою судьбу. Он решил двигаться дальше и приказал своим войскам собраться из Падуи, Вероны, Брешии, Бергамо, Милана и Павии к Мантуе, где решил форсировать По, скорее всего, у Хостилии, откуда по Виа Эмилия выйти к Болонье.

Это его намерение, похоже, серьезно обеспокоило Рим. Враги Аэция пользовались большим доверием императора, и их влияния на правительство было достаточно, чтобы выразить глубокое беспокойство стратегией выдающегося военачальника. Они помнили Алариха и Радагайса, они упоминали судьбу Орлеана и отступление после битвы у Шалони, кроме того, они перешептывались об Аквилее, Алтинуме и Конкордии, которых больше не существовало. В таком паническом состоянии они отказали Аэцию в доверии. Они забыли об армии Маркиана, которая уже была на марше; они целиком отвергли стратегию собственного полководца и свои же собственные традиции. Они решили послать беспрецедентное посольство к Аттиле и предложить ему выкуп за безопасность Италии. Послом они избрали папу.

Это решение не должно нас удивлять, потому что нам часто доводилось видеть нечто подобное в Галлии. Поступки Аниана из Орлеана, Люпуса из Труа должны были подготовить нас к выдающемуся деянию святого Льва Великого. И что бы они ни делали, мы уже убедились, что не в состоянии полностью понять то время. Более того, это великое посольство было не первым, в котором Лев принял участие ради благополучия императорского двора. Во время понтификата Сикста III (432–440 гг.), когда Лев занимал высокий церковный пост в Риме, Валентиниан III послал его в Галлию, где ему предстояло

разобраться в ситуации и добиться примирения между Аэцием и главным военным начальником этой провинции. Сикст III умер 19 августа 440 года, когда Лев был в Галлии, и посол был избран его наследником.

Великий папа не в одиночку отправился в свою последнюю и столь важную миссию. Вместе с ним были два блестящих патриция – консул Геннадий Авиен, который после императора считался самым знаменитым патрицием на Западе, и префект Тригетий. Из Рима они направились по Виа Фламиния. Как и собирались, они встретились с Атилиой до того, как тот форсировал По, в Минция рядом с Мантуей – место это называлось Кампус Амбулейус. Именно здесь и состоялась одна из самых важных и серьезных встреч в Европе того времени.

Послы были в официальной одежде. На Льве было папское облачение, золотая митра, пурпурная риза и плащ архиепископа. Мы не знаем, как он вел разговор с Атилиой, но тот увенчался полным успехом. Не только армии Аэция спасли Италию и вместе с ней все ценности мира, но и этот старый безоружный человек, папа Лев, ибо потом гунн утверждал, что видел, как высоко в небе его оберегают могучие фигуры святых Петра и Павла, – и он склонил голову. Атила согласился отступить и вывести свои войска из Италии и империи. Этого потребовал от него новый глава церкви, цивилизации и христианства. Им был папа.

Условия заключенного договора были весьма сомнительны и даже позорны для старых римских идей, потому что они безоговорочно оговаривали ежегодную дань гуннам и, более того, не было оговорено никакой компенсации за разрушения, причиненные Атилиой. Но все это меркло перед тем главным, чего добился Лев. Италия, воплощавшая дух Запада, была спасена. И хотя, как можно предполагать, Аэций не имел прямого отношения к этому успеху, и он, и Маркиан косвенным образом способствовали ему не меньше, чем сам Лев. Разве римские армии ничего собой не представляли, разве не существовало угрозы Византии перерезать линии снабжения Атилы?

Атила отступил потому, что, как и другим варварам, ему «не оставалась ничего иного». Но даже и в этом случае он не осмелился пересекать Альпы по своим старым следам, потому что Маркиан уже в полной готовности был в Мёзии, горя желанием столкнуться с Атилиой и покарать его. Вместо этого путь отступления гунна лежал через Верону, которую он разрушил; там же он пересек Альпы и, опустошив Аугсбург, пропал, как выяснилось, навсегда, уйдя в темноту своих варварских краев, где бушевали северные бури.

Глава 9

АТТИЛА ВОЗВРАЩАЕТСЯ ДОМОЙ

Таково было возвращение, увенчавшее неудачу Атилы. Он хотел взимать дань со всего мира, но, в последний раз пересекая Дунай, знал, что его желания не исполнились, а надежды мертвы. Первый удар он нанес по Востоку и почти уничтожил его, но так и не смог взять Константинополь. Он вторгся в Галлию, превратив ее города в груды развалин, но не разгромил армии Аэция. Он мечтал покорить Рим, что стало бы предметом его гордости, но папа Лев заставил повернуть его обратно еще до того, как Атила форсировал По. Каждое его нападение кончалось долгим отступлением; пусть даже он обратил в руины сотни городов империи, в конечном итоге он ничего не добился. Сломленным человеком он вернулся за свой деревянный часток в сердце Венгрии – ничто из его надежд не исполнилось, все успехи обратились в прах.

И то, что он не осознал в полной мере свои неудачи, лишь подчеркивает тот факт, что он был и остался варваром. Вне всякого сомнения, разрушения и грабежи, развалины и добычи означали для него конец войны. Даже в этот свой последний час он не попытался осознать, что представляла собой империя. И если мы зададимся вопросом, чего же на самом деле достигла огромная энергия вторжения гуннов в первой половине пятого столетия, то будем вынуждены ответить – ничего. Они ни к чему прямо и сознательно не стремились. Тем не менее косвенным образом, не отдавая себе отчета в этом, бесконечная жестокость Роаса и

Аттилы привела к созданию двух крупных и даже фундаментальных факторов: она была причиной превращения Британии в Англию и послужила основой для создания республик в лагуне, из которых выделилась Венеция, королева Адриатики.

Аттила не подозревал обо всем этом. Как и о том, что его неудача стала причиной столь странных достижений. Он вернулся домой как завоеватель, и перед его деревянным дворцом для него было устроено пышное пиршество. По рассказу Иордана, его приветствовали точно так же, как и раньше, когда он возвращался и с руин Востока, и после неудачной попытки взять Константинополь. Он сделал Запад своим данником; он был нагружен золотом и добычей, награбленной в Северной Италии. Этого ему было достаточно, и он радостно готовился к свадьбе с очередной женой, которой предстояло пополнить гарем его наложниц; ею была не Гонория, которая стала бы доказательством его победы, а другая, что стала не наградой, а скорее добычей, – прекрасная Ильдико, вызывавшая жалость своей молодостью и хрупкостью. Немецкие легенды называют ее Хильдегард. Возможно, она была франкской или бургундской принцессой.

Говорят – мы не знаем, сколько в этом рассказе правды, – что, когда после долгого последнего отступления он пересекал реку Лех у Аугсбурга, какая-то старуха с космами распущенных волос, то ли колдунья, то ли прорицательница, трижды крикнула проезжавшему мимо вождю гуннов: «Аттила в прошлом!» Это часть тех легенд, которых было так много в его истории.

Той ночью, которую можно назвать или последней оргией, или празднованием свадьбы, Аттила, по своему обыкновению, выпил немереное количество вина и решил увидеть на своем ложе прекрасную и чистую Ильдико, последнюю свою жертву и добычу. Мы так никогда и не узнаем, что произошло на том страшном брачном ложе. Утром царило мертвое молчание, и, когда наконец охранники Аттилы вломились в комнату, они увидели, что их мертвый вождь плавает в луже крови – то ли убитый своей жертвой, то ли скончавшийся от апоплексического удара. Это так и осталось неизвестным. Говорят, Ильдико было за что мстить – за убийство ее родителей и братьев, за свою поруганную честь.

Вынеся из этой наводящей ужас комнаты тело своего предводителя, гунны под унылые звуки своих песнопений погребли его в тайном месте. Могила была выкопана рабами, которых по окончании работы всех перебили. Иордан сохранил для нас или сам сочинил величественную погребальную песнь, которая сопровождала последний обряд варваров. В ней прославлялись триумфальные победы Аттилы над Скифией и Германией, которые покорно несли его ярмо, и над двумя императорами, которые платили ему дань.

Памятью от него остался ужас, написанный столбами дыма и языками пламени сожженных городов, и та традиция «устрашения», о которой кайзер Вильгельм впервые напомнил своим войскам, отправлявшимся в Китай, и которую он сегодня практикует по всей Европе. После смерти Аттилы его обширная варварская империя распалась на части. Бесчисленные мятежи и восстания разрушили ее, но само ее существование было забыто лишь много лет спустя.

Приложение Э. ГИББОН ОБ АТТИЛЕ⁷

ХАРАКТЕР, ЗАВОЕВАНИЯ И ДВОР ЦАРЯ ГУННОВ АТТИЛЫ. СМЕРТЬ ФЕОДОСИЯ МЛАДШЕГО. ВОЗВЕДЕНИЕ МАРКИАНА В ЗВАНИЕ ВОСТОЧНОГО ИМПЕРАТОРА

⁷ Цит. по: Э. Гиббон. История упадка и разрушения Римской империи. Пер. В. Н. Неведомского. М., 1883–1886. Главы XXXIV, XXXV.

Гунны (376–433 гг.). – Их поселение в современной Венгрии. – Царствование Аттилы (433–453 гг.). – Его наружность и характер. – Он находит меч Марса. – Он подчиняет своей власти Скифию и Германию. – Гунны вторгаются в Персию (430–440 гг.). – Они нападают на Восточную империю. – Опустошают Европу до Константинополя. – Скифские, или татарские, войны. – Положение пленных. – Заключение мира между Аттилой и Восточной империей (446 г.). – Храбрость жителей Азимунция. – Аттила отправляет послов в Константинополь. – Максимин отправляется послом к Аттиле (448 г.). – Царская деревня и дворец. – Обращение Аттилы с римскими послами. – Царский пир. – Заговор римлян против Аттилы. – Он делает выговор императору и прощает его. – Смерть Феодосия Младшего (450 г.). – Ему наследует Маркиан

Западный мир страдал под гнетом готов и вандалов, бежавших перед гуннами, но подвиги самих гуннов не соответствовали их могуществу и блеску первых успехов. Их победоносные орды расселялись от Волги до Дуная; но их силы истощались от вражды между самостоятельными вождями, их мужество бесполезно тратилось на незначительные хищнические набеги, и они нередко унижали свое национальное достоинство, становясь под знамена своих побежденных врагов из жадности к добыче. В царствование Аттилы⁸ гунны снова стали наводить ужас на весь мир, и я теперь должен заняться описанием характера и подвигов этого грозного варвара, нападавшего попеременно то на восточные, то на западные провинции и ускорившего быстрое разрушение Римской империи.

Среди потока переселенцев, стремительно катившегося от пределов Китая к пределам Германии, самые могущественные и самые многочисленные племена обыкновенно останавливались на границе римских владений. Их напор на время сдерживался искусственными преградами, а снисходительность императоров не удовлетворяла, а поощряла наглые требования варваров, успевших приобрести сильное влечение к удобствам цивилизованной жизни. Венгры, с гордостью вносящие имя Аттилы в список своих туземных королей, могут основательно утверждать, что орды, признавшие над собою власть его дяди Роаса, или Ругиласа, стояли лагерем в теперешней Венгрии,⁹ на такой плодородной территории, которая в избытке удовлетворяла нужды народа, состоявшего из охотников и пастухов. Занимая такое выгодное положение, Ругилас и его храбрые братья постоянно что-нибудь прибавляли к своему могуществу и к своей славе и могли по своему произволу то вступать в мирные переговоры с двумя империями, то предпринимать против них войны. Его союз с Западной империей был скреплен его личной дружбой со знаменитым Аэцием, который был уверен, что всегда найдет в лагере варваров гостеприимство и сильную поддержку. По просьбе Аэция шестьдесят тысяч гуннов приблизились к границам Италии, чтобы поддержать узурпатора Иоанна; и их приближение, и их отступление дорого стоили империи, и Аэций из признательности предоставил своим верным союзникам обладание Паннонией. Для Восточной империи были не менее страшны военные предприятия Ругиласа, угрожавшие не только провинциям, но даже столице. Некоторые церковные историки

⁸ Достоверные материалы для истории Аттилы можно найти у Иордана (*De Rebus Gelicis*, гл. 34–50) и у Приска (*Excerpta de Legationibus*, Париж, 1648, с. 33–76). Я не читал ни жизнеописания Аттилы, написанного в двенадцатом столетии Ювенком–Целием–Каланом–Далматином, ни того, которое было написано в шестнадцатом столетии Николаем Олаусом, архиепископом Грана (см.: Маску, *История древних германцев*, IX, 23; Маффей, *Osservazioni Letterarie*, т. I, с. 88, 89). Все, что прибавили к этим данным новейшие венгерцы, отзывается вымыслом, и они, как кажется, не отличались большим искусством в сочинении выдумок. Они полагают, что, когда Аттила вторгся в Галлию и Италию и взял множество женщин в жены и пр., ему было сто двадцать лет (*The wrocz, Chron.*, ч. I, гл. 22; *in Script. Hungar.*, т. I, с. 76).

⁹ В Венгрии поселялись одна за другой три скифские колонии: 1) Аттиловы гунны, 2) арабы в шестом столетии и 3) турки или маджары, А. Д. 889, – эти непосредственные и настоящие предки современных венгров, связь которых с двумя первыми народами чрезвычайно слаба и отдаленна. *Prodromus* и *Notitia* Матвея Белия, как кажется, содержат богатый запас сведений о древней и новой Венгрии. Я видел извлечения из этих сочинений в *Bibliolheque Antienne et Moderne* (т. XXII, с. 1–51) и в *Bibliotheque Raisonnee* (т. XVI, с. 127–175).

пытались истребить варваров молнией и Мировой язвой,¹⁰ но Феодосий был вынужден прибегнуть к более скромным мерам: он обязался выплачивать им ежегодно по триста пятьдесят фунтов золота и прикрыл эту постыдную дань званием генерала, которое соблаговолил принять царь гуннов. Общественное спокойствие часто нарушалось буйством варваров и коварными интригами византийского двора. Четыре подчиненные нации, в числе которых мы можем отметить баваров, отвергли верховенство гуннов, а римляне поощряли и поддерживали это восстание своим содействием, пока грозный Ругилас не заявил своих основательных притязаний через посредство своего посла Эслава. Сенаторы единогласно высказались за мир; их декрет был утвержден императором, и были назначены два посла – генерал скифского происхождения, но консульского ранга Плинтас и опытный государственный деятель квестор Эпиген, который был выбран по рекомендации своего честолюбивого сотоварища.

Смерть Ругиласа прервала ход мирных переговоров. Два его племянника Аттила и Бледа, занявшие престол своего дяди, согласились на личное свидание с константинопольскими послами, но так как они из гордости не хотели сходить с коней, то переговоры велись на обширной равнине возле города Марга, в Верхней Мёзии. Цари гуннов присвоили себе как все почетные отличия, так и все существенные выгоды состоявшейся сделки. Они продиктовали мирные условия, и каждое из этих условий было оскорблением достоинства империи. Кроме пользования безопасным и обильным рынкам на берегах Дуная, они потребовали, чтобы ежегодная дань была увеличена с трехсот пятидесяти до семисот фунтов золота, чтобы за каждого римского пленника, спасшегося бегством от своего варварского повелителя, уплачивался денежный штраф или выкуп в размере восьми золотых монет, чтобы император отказался от союза и всяких сношений с врагами гуннов и чтобы все беглецы, укрывшиеся при дворе или во владениях Феодосия, были отданы на суд своего оскорбленного государя. Этот суд вынес свой безжалостный приговор над несколькими несчастными юношами царского происхождения: по требованию Аттилы они были распяты на кресте на императорской территории, и лишь только царь гуннов заставил римлян трепетать при его имени, он оставил их на короткое время в покое и занялся покорением мятежных или независимых племен Скифии и Германии.¹¹

Сын Мундзука Аттила вел свое знатное и, быть может, царское происхождение¹² от древних гуннов, когда-то воевавших с китайскими монархами. Черты его лица, по замечанию одного готского историка, носили на себе отпечаток национального происхождения, и наружность Аттилы отличалась всегда уродливыми особенностями, свойственными современным нам калмыкам.¹³ У него была большая голова, смуглый цвет лица, маленькие, глубоко ввалившиеся глаза, приплюснутый нос, несколько волос вместо бороды, широкие плечи и коротенькое толстое туловище, одаренное сильными мускулами,

¹⁰ Сократ, VII, 43; Феодорет, V, 36. Тильмон, всегда полагающийся на авторитет церковных писателей, упорно настаивает на том (*Hist. des Empereurs*, т. VI, с. 136–607), что здесь идет речь о других войнах и других личностях.

¹¹ См.: Приск, с. 74, 48; *Hist. des Peuples de l'Europe*, т. VII, гл. 12–15.

¹² Приск, с. 39. Венгерцы нашего времени ведут его происхождение, в тридцать пятом колене, от Ноева сына Хама; однако им неизвестно даже имя его отца (де Гинь, *Histoire des Huns*, т. II, с. 297).

¹³ Ср. Иордана (гл. 35, с. 66) с *Hist. Naturelle* Бюффона (111, 380). Первый из них основательно заметил: «Originis suae signa restituens». Описание характера и наружности Аттилы, вероятно, заимствованы от Кассиодора. [Кассиодор, без всякого сомнения, заимствовал свой рассказ от Приска, который сопровождал посла, ездившего из Константинополя для переговоров с Аттилой. Поскольку Приск имел случай делать личные наблюдения, то его история имеет особую цену, и весьма жаль, что значительная часть утрачена (см. по поводу этого предмета: Шмидт, *Geschichte der Deutschen*, ч. I, с. 171). – *Изд.*]

хотя и непропорциональное по своим формам. В гордой походке и манере себя держать царя гуннов выражалось сознание его превосходства над всем человеческим родом, и он имел обыкновение свирепо поводить глазами, как будто желая насладиться страхом, который он наводил на окружающих. Однако этот дикий герой был доступен чувству сострадания: враги, молившие его о пощаде, могли положиться на его обещания мира или помилования, и подданные Аттилы считали его за справедливого и снисходительного повелителя. Он находил наслаждение в войне, но, после того как он вступил на престол в зрелых летах, завоевание севера было довершено не столько его личной храбростью, сколько его умом, и он с пользой для себя променял репутацию отважного воина на репутацию предусмотрительного и счастливого полководца. Личная храбрость дает блестящие результаты только в поэзии и в романах, и даже у варваров победа зависит от умения возбуждать и направлять страсти толпы на пользу одного человека. Скифские завоеватели Аттила и Чингис возвышались над своими грубыми соотечественниками не столько своей храбростью, сколько своим умом, и можно заметить, что монархия гуннов, точно так же, как и монархия монголов, была основана на фундаменте народных суеверий. Чудесное зачатие, которое приписывалось девственной матери Чингиса обманом или легковерию, возвысило его над уровнем человеческой натуры, а голый порок, провозгласивший его от имени Божества повелителем вселенной, воодушевил монголов непреодолимым энтузиазмом.¹⁴ Аттила прибегнул к религиозному подлогу, который был так же хорошо приспособлен к характеру его времени и его отечества. Нетрудно понять, что скифы должны были чтить бога войны с особым благоговением, но поскольку они не были способны ни составить себе отвлеченное о нем понятие, ни изобразить его в осязательной форме, то они поклонялись своему богу-покровителю под символическим изображением железного палаша.¹⁵ Один из гуннских пастухов заметил, что одна из телок, которые паслись на лугу, ранила себя в ногу; он пошел по оставленным ею следам крови и нашел в высокой траве острый конец меча, который он выкопал из земли и поднес Аттиле. Этот великодушный или, вернее, хитрый царь принял этот небесный дар с благочестивой признательностью и в качестве законного обладателя меча Марса заявил свои божественные и неопровержимые права на всемирное владычество.¹⁶ Если в этом торжественном случае были исполнены скифские обряды, то на обширной равнине был поставлен высокий алтарь или, вернее, навалена груда хвороста длиною и шириною в триста ярдов, и меч Марса был поставлен на вершине этого жертвенника, ежегодно освящавшегося кровью овец, лошадей и сотого из пленных.¹⁷ Входили ли человеческие жертвоприношения в состав религиозного поклонения Аттилы, или же он умилялся богу войны теми жертвами, которые беспрестанно приносил ему на полях сражений, – в любом случае фаворит Марса скоро приобрел священный характер,

¹⁴ *Abulpharag. Dynast. vers. Pocock.*, с. 281; Абульгази Багадур-хан, *Генеалогическая история татар*, ч. II, гл. 15; ч. IV, гл. 3; Пети де Ла Круза, *Vie de Gengiscan*; кн. I, гл. 1, 6. В донесениях миссионеров, посещавших Татарию в тринадцатом столетии (см. седьмую часть *Histoire des Voyages*), описаны язык и мнения этого народа; Чингис называется Сыном Божиим и пр.

¹⁵ «Nec templum apud eos visitur, aut delubrum, ne tugurium quidem cutrno. tectum cerni usquam potest; sed gladius barbarico ritu humi figitur nudus, eumque ut Martem regionum quas circumcircant praesulem verecundius colunt» (Аммиан Марцеллин, XXXI, 2 и примеч. Линденброгия и Валуа).

¹⁶ Приск рассказывает эту замечательную историю и в своем собственном тексте (с. 65), и в цитате, проводимой Иорданом (гл. 35, с. 662). Он мог бы объяснить нам традицию или вымысел касательно этого знаменитого меча и мог бы познакомить нас с именем и с атрибутами скифского бога, которого он превратил в Марса греков и римлян.

¹⁷ Геродот, IV, 62. Ввиду бережливости я придерживался самой умеренной мерки. Когда они приступили к человеческим жертвоприношениям, они отрезали плечо и руку у несчастной жертвы, затем вскидывали ее на воздух и из того, как она падала на кучу хвороста, извлекали разные предсказания и предзнаменования.

благодаря которому его завоевания сделались более легкими и более прочными, а варварские князья, из благочестия или из лести, стали сознаться, что их глаза не могли пристально смотреть на божественное величие царя гуннов.¹⁸ Его брат Бледа, царствовавший над значительной частью нации, был вынужден отказаться от скипетра и был лишен жизни. Но даже этот бесчеловечный поступок приписывался сверхъестественному внушению, и энергия, с которой Атила употреблял в дело меч Марса, распространила общее убеждение, что этот меч был предназначен только для его непобедимой руки.¹⁹ Но обширность его владений служит единственным доказательством многочисленности и важности его побед, и, хотя скифский монарх не был способен понимать цену наук и философии, он, может быть, сожалел о том, что его необразованные подданные не владели такими искусствами, с помощью которых можно было бы увековечить воспоминание о его подвигах.

Если бы мы отделили чертой цивилизованные страны земного шара от тех, которые находились в диком состоянии, а занимавшихся возделыванием земли городских жителей от охотников и пастухов, живших в палатках, то Аттиле можно было бы дать титул верховного и единственного монарха варваров.²⁰ Из всех завоевателей древних и новых времен он один соединял под своей властью обширные страны Германии и Скифии, а эти неопределенные названия, в применении к тому времени, когда он царствовал, должны быть принимаемы в самом широком значении. Тюрингия, простиравшаяся вне своих теперешних пределов до берегов Дуная, была в числе его владений; в качестве могущественного соседа он вмешивался во внутренние дела франков, а один из его военачальников наказал и почти совершенно истребил живших на берегах Рейна бургундов.²¹ Он подчинил своей власти острова океана и скандинавские государства, окруженные водами Балтийского моря и отделенные этими водами от европейского материка, и гунны могли собирать подати в виде мехов с тех северных стран, которые до тех пор были защищены от всяких завоевательных попыток суровостью своего климата и храбростью своего населения. С восточной стороны трудно установить пределы владычества Аттилы над скифскими степями, однако нам

¹⁸ Приск, с. 55. Даже более цивилизованному герою – самому Августу – очень нравилось, когда те, на кого он устремлял свои взоры, были, по-видимому, не способны выдержать их божественного блеска (Светоний, *in August.*, 79).

¹⁹ Граф де Буа (*Hist. des Peuples de l'Europe*, т. VII, с. 428, 429) старается оправдать Аттилу в убийстве брата и почти готов отвергнуть единогласное свидетельство Иордана и современных хроник.

²⁰ «Fortissimarum gentium dominus, que inaudita ante se potentia, solus Scythica et Germanica regna possedit» (Иордан, гл. 49, с. 684; Приск, с. 64, 65). Де Гинь, благодаря своему знакомству с историей Китая, имел (т. II, с. 295–301) верное понятие о могуществе Аттилы. [По мнению Нибура (*Лекции о римской истории*, ч. III, с. 339), это «описание могущества Аттилы составляет один из слабых пунктов Гиббонова рассказа». Варварский вождь бесспорно владычествовал повсюду, где появлялся; но следов постоянного владычества нельзя найти нигде, кроме тех стран, из которых готы были вытеснены гуннами за шестьдесят лет перед этим. Слухи о награбленной в римских провинциях добыче дошли до гуннов и возбудили в них желание получить из этой добычи свою долю. Атила и постарался собрать для этой цели многочисленные военные силы; он убедил германцев и сарматов соединиться под его начальством, а это и подало повод думать, что он утвердил свое владычество над всеми народами, вступившими с ним в союз для названной цели. Гиббон был введен в заблуждение догадками де Гиня, неосновательность которых теперь уже доказана. Шмидт (ч. I, с. 173) хотя отчасти и преклонялся перед тем же авторитетом, однако сознался, что в истории Аттилы много вымышленного. – *Изд.*]

²¹ [Откуда взялись эти жившие на берегах Рейна бургунды? Главные силы бургундов уже задолго перед этим поселились на постоянное жительство в Галлии и владели такой территорией, которая была более чем достаточна для них. В следующей главе мы увидим, что они принимали участие в великой битве между Аэцием и Атилиой. Служившие под начальством Аттилы вожди обошлись жестокосердно с городами, лежавшими на берегах Рейна, и весьма возможно, что жители этих городов, называвшиеся *Burgers* или *Burgwohners*, были по ошибке приняты за особый народ, носивший такое название. – *Изд.*]

известно, что он владычествовал на берегах Волги, что царя гуннов боялись не только как воина, но и как волшебника,²² что он победил хана грозных геугов, и что он отправил послов для ведения переговоров с Китайской империей о союзе на равных с обеих сторон правах. Среди народов, признавших над собою верховную власть Аттилы и при его жизни никогда не пытавшихся вернуть свою самостоятельность, гепиды и остроготы отличались своей многочисленностью, своим мужеством и личными достоинствами своих вождей. Знаменитый царь гепидов Ардарих был преданным и прозорливым советником монарха, который уважал его неустранимость, хотя в то же время питал сочувствие к кротким и скромным достоинствам царя остроготов благородного Валамира. Толпа менее важных царей, владычествовавших над теми воинственными племенами, которые служили под знаменем Аттилы, теснилась вокруг своего повелителя, занимая при нем различные должности телохранителей и служителей. Они следили за каждым его движением, дрожали от страха, когда он морщил свои брови, и по первому сигналу исполняли его грозные и безусловные приказания без ропота и без колебаний. В мирное время подчиненные ему цари поочередно дежурили в его лагере со своими национальными войсками, но, когда Аттила собирал все свои военные силы, он мог выставить в поле армию из пятисот тысяч варваров, а по мнению иных, даже из семисот тысяч.²³

Послы гуннов могли встревожить Феодосия напоминанием, что они были его соседями и в Европе, и в Азии, так как их владения простирались с одной стороны до Дуная, а с другой – до Танаиса. В царствование его отца Аркадия отряд гуннских удальцов опустошил восточные провинции и ушел оттуда с богатой добычей и с множеством пленников.²⁴ Они пробрались по секретной тропинке вдоль берегов Каспийского моря, перешли покрытые снегом горы Армении, переправились через Тигр, через Евфрат и через Галию, пополнили ряды своей тяжелой кавалерии превосходной породой каппадокийских коней, заняли гористую Киликию и прервали веселые песни и танцы антиохийских граждан. Египет трепетал от страха при их приближении, а монахи и пилигримы приготовились покинуть святые места и сели на корабли, чтобы спастись от их ярости. Воспоминание об этом нашествии было еще свежо в умах восточных жителей. Подданные Аттилы могли с более

²² См.: де Гинь, *Histoire des Huns*, т. II, с. 296. Геуги были уверены, что гунны могли по своему произволу вызывать бурю с ветром и дождем. Это явление приписывали действию камня *gezi*; его магической силе татарские магометане приписывали в четырнадцатом столетии поражения в битвах (см.: Херофедин Али, *Hist. de Timur Bec*, т. I, с. 82, 83).

²³ Иордан, гл. 35, с. 661; гл. 37, с. 667; Тильмон, *Hist. des Empereurs*, т. VI, с. 129–138. Корнель описал гордое обхождение Аттилы с подчиненными ему царями, и его трагедия начинается следующими двумя странными стихами:

Ils ne sont pas venus deux rois! qu' on leur die
Qu'ils se font trop attendre, et qu' Attila s'ennuie.

Два царя гепидов и остроготов представлены глубокомысленными политиками и нежными любовниками, а все это произведение обнаруживает недостатки поэта, несколько не знакомя нас с его гением.

24

...alii per Caspia claustra
Armeniasque nives, inopino tramite ducti
Invadunt Orientis opes; jam pascua fumant
Cappadocum, volucrumque parens Argaeus equorum.
Jam rubet altus Halys, nec se defendit iniquo
Monte Cilix; Syriae tractus vastantur amoeni;
Assuetumque choris et lacta plebe canorum
Proterit imbellem sonipes hostilis Orontem.

Клавдиан, *in Rufin.*, II, 28–35

См. также: *in Eutrop.*, I, 26; *ad Ocean.*, 220). Филосторгий (II, 8) упоминает об этом нашествии.

значительными силами осуществить предприятие, так смело начатое этими удалцами, и вопрос о том, обрушится ли буря на римские или на персидские владения, скоро сделался предметом тревожных догадок. Некоторые из главных вассалов царя гуннов, сами принадлежавшие к числу могущественных царей, были посланы с поручением заключить союз и военный договор с западным императором или, вернее, с генералом, который управлял Западом. Во время своего пребывания в Риме они рассказывали подробности экспедиции, которую они предпринимали незадолго перед тем на Восток. Пройдя степи и болота, которые, по мнению римлян, были не что иное, как Меотийское озеро, они перешли через горы и через две недели достигли пределов Мидии; там они проникли до неизвестных городов Базика и Курсика.²⁵ Они встретились с персидской армией на равнинах Мидии, и, по их собственному выражению, воздух омрачился тучей стрел. Но гунны были вынуждены отступить перед многочисленными неприятельскими силами. Их трудное отступление было совершено другим путем; они лишились большей части собранной добычи и наконец возвратились в царский лагерь с некоторым знанием местности и с нетерпеливым желанием отмщения. В интимной беседе императорских послов, рассуждавших во время своего пребывания при дворе Атилы о характере и планах их грозного врага, константинопольские уполномоченные выразили надежду, что можно было отвлечь его силы, вовлекая их в продолжительную и сомнительную борьбу с монархами из дома Сасана. Более прозорливые итальянцы уверяли своих восточных сотоварищей, что исполнение такого намерения было бы и безрассудным и опасным, что мидяне и персы были не способны сопротивляться гуннам и что это легкое и важное приобретение увеличило бы и гордость и могущество завоевателя. Вместо того чтобы довольствоваться умеренной данью и военным титулом, который ставил его на одну ногу только с генералами Феодосия, Атила наложил бы унижительное и невыносимое иго на опозоренных и поработанных римлян, владения которых были бы окружены со всех сторон гуннами.²⁶

В то время как правители и Европы и Азии заботились о предотвращении угрожавшей опасности, союз с Атилой обеспечил вандалам обладание Африкой. Дворы равеннский и константинопольский вошли в соглашение с целью отнять у варваров эту важную провинцию, и в портах Сицилии уже собрались военные и морские силы Феодосия. Но хитрый Гензерих, повсюду заводивший переговоры, уничтожил их замысел, убедив царя гуннов вторгнуться во владения восточного императора, а одно ничтожное происшествие сделалось мотивом или предлогом опустошительной войны.²⁷ В силу заключенного в Марге

²⁵ [Декан Мильман обвиняет Гиббона в том, что он по ошибке принял двух вождей гуннов за два «неизвестных города». То место у Приска, на которое ссылается Гиббон, может быть понято двояко: оно может быть понято в том смысле, что «вожди гуннов проникли в Мидии до Базика и Курсика», и может быть понято в том смысле, что «вожди гуннов Базик и Курсик проникли далеко в глубь Мидии». Впрочем, весь этот рассказ носит на себе такой отпечаток, что он недостоин занимать какое-либо место в серьезной истории. Он был передан Приску кем-нибудь приехавшим из Рима и, вероятно, был не более чем хвастливой ложью, рассказанной на плохо понимаемом диалекте каким-нибудь хвастливым гунном, который желал внушить слушателям высокое понятие о могуществе его нации и с этой целью преувеличил какой-нибудь незначительный хищнический набег. Стихи Клавдиана также не что иное, как разукрашенное поэтом описание какой-нибудь хищнической экспедиции, временно нарушившей спокойствие какой-нибудь местности, а не рассказ о систематически веденном и обширном военном предприятии. — *Изд.*]

²⁶ См. подлинный разговор у Приска, с. 64, 65.

²⁷ Приск, с. 331. Написанная им история заключала в себе подробное и изящное описание этой войны (Евагрий, I, 17), но до нас дошли только извлечения из нее, касающиеся отправки посольств. Впрочем, с содержанием сочинения были знакомы те писатели, от которых мы заимствовали наши неполные сведения, а именно: Иордан, Феофан, граф Марцеллин, Проспер Тиро и автор Александрийской, или Пасхальной, хроники. Де Буа (*Hist. des Peuples de l'Europe*, т. VII, гл. 15) расследовал причины, подробности и продолжительность этой войны и полагает, что она окончилась не позже 444 г.

договора на северной стороне Дуная был открыт вольный рынок, который охранялся римской крепостью, носившей название Констанция. Отряд варваров нарушил безопасность торговли, частью умертвил, частью разогнал купцов и разрушил крепость до основания. Гунны оправдывали это оскорбление тем, что будто оно было вызвано жаждой мщения; они утверждали, что епископ Марга, пробравшись на их территорию, открыл и похитил спрятанное сокровище их царей, и грозно требовали возвращения сокровища и выдачи как преступного епископа, так и подданных Аттилы, спасшихся бегством от его правосудия. Отказ византийского двора послужил сигналом для войны. Жители Мёзии сначала одобряли благородную твердость своего государя, но оробели при известии о разрушении Виминация и соседних с ним городов и решили придерживаться более выгодного принципа, что для безопасности страны следует жертвовать жизнью частного человека, как бы он ни был невинен и достоин уважения. Епископ Марга, не отличавшийся самоотвержением мучеников, догадался об их замысле и решил предупредить его исполнение. Он не побоялся вступить в переговоры с вождями гуннов, обеспечил себе путем торжественных клятвенных обещаний помилование и награду, поставил многочисленный отряд варваров в засаде у берегов Дуная и в условленный час собственноручно отворил ворота своей епископской резиденции. Этот достигнутый путем вероломства успех послужил прелюдией для более честных и решительных побед. Иллирийская граница была прикрыта рядом замков и укреплений, которые хотя и состояли большей частью из одной башни, занятой небольшим гарнизоном, однако вообще были достаточны для отражения и для пресечения отступления такого неприятеля, который не был знаком с искусством ведения правильной осады или не имел достаточно терпения для предприятий этого рода. Но эти легкие преграды были мгновенно разрушены напором гуннов.²⁸ Варвары опустошили огнем и мечом многолюдные города Сирмий и Сингидун, Ратиарию и Маркианополь, Нэсс и Сердику, в которых и воспитание населения, и постройка зданий были мало-помалу приспособлены к одной цели – к отражению внешнего нападения. Мириады варваров, предводимых Аттилой, внезапно наводнили и опустошили Европу на пространстве более пятисот миль, отделявших Эвксинский Понт от Адриатического моря. Однако ни общественная опасность, ни общественные бедствия не заставили Феодосия прервать его развлечения и подвиги благочестия или лично стать во главе римских легионов. Но войска, посланные против Гензериха, были торопливо отозваны с Сицилии, гарнизоны, стоявшие на персидской границе, были уменьшены до крайности, и в Европе были собраны военные силы, которые были бы страшны и своей храбростью, и своей многочисленностью, если бы генералы умели командовать, а солдаты – повиноваться. Армии восточного императора были разбиты в трех следовавших одна вслед за другой битвах, и движение Аттилы можно проследить по полям сражений. Два первых сражения происходили на берегах Ута и под стенами Маркианополя, на обширной равнине, лежащей между Дунаем и Гемскими горами. Теснимые победоносным неприятелем, римляне имели неосторожность отступить к Херсонесу Фракийскому, и этот узкий полуостров, составляющий крайнюю оконечность материка, сделался сценой их третьего и непоправимого поражения. С уничтожением этой армии Аттила сделался полным хозяином над всеми странами от Геллеспонта до Фермопил и до предместий Константинополя и стал опустошать их беспрепятственно и без всякого милосердия. Гераклея и Адрианополь, быть может, спаслись от страшного нашествия гуннов, но мы не преувеличим бедствий, постигших семьдесят городов Восточной империи,²⁹ если скажем,

²⁸ Прокопий, *De Aedificiis*, IV, 5. Эти укрепления впоследствии были восстановлены, усилены и расширены императором Юстинианом, но они скоро были разрушены арабами, унаследовавшими могущество и владения гуннов. [Гунны превосходили всех других варваров в искусстве брать укрепления (см.: Шмидт, ч. I, с. 171). – *Изд.*]

²⁹ «Septuaginta civitates, – говорит Проспер Тиро, – depraedatione vastatae». Выражения графа Марцеллина еще более энергичны: «Pene totam Europam, invasis excisisque civitatibus atque castellis, conrasit». [Нибур (ч. III, с. 339) говорит: «Гунны в противоположность готам причиняли страшные опустошения и безжалостно проливали

что эти города были совершенно уничтожены и стерты с лица земли. Феодосия, его двор и трусливое население столицы охраняли константинопольские городские стены, но эти стены были расшатаны недавним землетрясением, и от разрушения пятидесяти восьми башен образовалась широкая и наводившая ужас брешь. Это повреждение, правда, было торопливо исправлено, но этому несчастному случаю придавало особую важность суеверное опасение, что само Небо предавало императорскую столицу в руки скифских пастухов, незнакомых ни с законами, ни с языком, ни с религией римлян.³⁰

При всех нашествиях скифских пастухов на цивилизованные южные страны их толкала вперед лишь дикая страсть разрушения. Законы войны, удерживающие от грабежа и убийств, основаны на двух принципах личного интереса – на сознании прочных выгод, доставляемых воздержным пользованием своей победой, и на основательном опасении, что за опустошение неприятельской страны нам могут отплатить опустошением вашей собственной. Но эти соображения, основанные, с одной стороны, на ожидании будущих благ, а с другой – на опасении будущих бедствий, почти вовсе незнакомы народам, живущим пастушеской жизнью. Гуннов Аттилы можно без оскорбления для них сравнить с монголами и татарами, прежде чем первобытные нравы последних были изменены религией и роскошью, а свидетельство восточной истории бросает некоторый свет на краткие и неполные летописи Рима. После того как монголы завоевали северные провинции Китая, было серьезно предложено – и не в момент победы и раздражения, а в минуту спокойного размышления – истребить всех жителей этой многолюдной страны для того, чтобы можно было обратить свободные земли в пастбища для скота. Твердость китайского мандарина,³¹ умевшего внушить Чингису некоторые принципы более здравой политики, отклонила завоевателя от исполнения этого ужасного замысла. Но в азиатских городах, подпавших под власть монголов, бесчеловечное злоупотребление правами победителя совершалось с правильными формами дисциплины, и можно полагать, хотя на это и нет столь же убедительных доказательств, что точно так же поступали и победоносные гунны. Жителям безусловно сдавшегося города приказали очистить их дома и собираться на прилегающей к городу равнине, где и разделяли побежденных на три разряда. Первый разряд состоял из гарнизонных солдат и из молодых людей, способных к военной службе; их судьба решалась немедленно: или их завербовывали на службу к монголам, или же их умерщвляли на месте войска, которые окружали массу пленников с направленными на них копьями и с натянутыми луками. Второй разряд, состоящий из молодых и красивых женщин, из ремесленников всякого ранга и всяких профессий и из самых богатых или знатных граждан, от которых можно было ожидать выкупа, делился между варварами или на равные части, или соразмерно со служебным положением каждого из них. Остальные жители, и жизнь и смерть которых была одинаково бесполезна для победителей, получали дозволение возвратиться в

кровь; они были грабителями в полном смысле слова». Это служит новым доказательством того, что их целью был грабеж, а не владычество. Аделунг в своем Митридатe (I, 449) относит их к одному разряду с монголами и калмыками, о которых замечает, что они совершенно опустошали завоеванные страны и никогда не имели в виду поселиться в них на постоянное жительство или утвердить над ними постоянное владычество. – *Изд.*]

³⁰ Тильмон (*Hist. des Empereurs*, т. VI, с. 106, 107) обратил большое внимание на это достопамятное землетрясение, которое чувствовалось на большом расстоянии от Константинополя – в Антиохии и в Александрии – и которое было прославлено всеми церковными писателями. В руках популярного проповедника землетрясение составляет такое орудие, с помощью которого можно достигать удивительных результатов.

³¹ Он обратил внимание монгольского императора на тот факт, что приобретенные им четыре провинции (Печели, Хантонг, Ханзи и Лиотонг) могут при мягкой системе управления ежегодно доставлять пятьсот тысяч унций серебра, четыреста тысяч мер риса и восемьсот тысяч кусков шелковых материй (Gaubil., *Hist. de la Dynastie des Mongous*, с. 58, 59). Иелучусай (так назывался мандарин) был мудрым и добродетельным министром, спасшим свое отечество и цивилизовавшим победителей.

город, из которого уже было вывезено все, что имело какую-нибудь цену, и этих несчастных облагали налогом за дозволение дышать их родным воздухом. Таково было поведение монголов, когда они не находили надобности прибегать к чрезвычайным мерам строгости.³² Но самое ничтожное раздражение, самый пустой каприз или расчет нередко служили поводом к избиению всех жителей без разбору, а разрушение некоторых цветущих городов было совершено с таким непреклонным ожесточением, что, по собственному выражению варваров, лошадь могла пробежать, не спотыкаясь, по тому месту, на котором прежде стояли эти города. Три большие столицы Хорасана Мару, Нейзабур и Герат были разрушены армиями Чингиса, и было с точностью вычислено, что при этом было убито четыре миллиона триста сорок семь тысяч человек.³³ Тимур, или Тамерлан, родился в менее варварском веке и был воспитан в магометанской религии; однако если Аттила только равнялся с ним жестокостью и опустошениями,³⁴ то прозвище Бич Божий одинаково идет и к татарину, и к гунну.³⁵

Можно смело утверждать, что население римских провинций очень уменьшилось вследствие того, что гунны увели множество римских подданных в плен. В руках мудрого правителя такая трудолюбивая колония могла бы распространить в степях Скифии зачатки полезных наук и искусств, но эти захваченные на войне пленники распределялись случайным образом между ордами, признававшими над собою верховную власть Аттилы. Оценку их достоинств делали непросвещенные варвары со своей наивной простотой и без всяких предубеждений. Они не могли ценить достоинств богослова, изощившегося в спорах о Троице и Воплощении, но они уважали священнослужителей всех религий, и, хотя предприимчивое усердие христианских миссионеров не находило доступа к особе или во дворец монарха, они успешно распространяли знание Евангелия.³⁶ Пастушеские племена, незнакомые с распределением земельной собственности, не могли понимать ни пользы гражданской юриспруденции, ни ее злоупотреблений, и искусство красноречивого юриста

³² Можно было бы привести бесчисленное множество примеров, но любознательный читатель может сам отыскать их в Жизнеописании Чингисхана Пети де Ла Круа, в *Histoire des Mongous* и в пятнадцатой книге *Histoire des Huns*.

³³ В Мару было убито миллион триста тысяч человек, в Герате – миллион шестьсот тысяч, в Нейзабуре – миллион семьсот сорок семь тысяч (д'Эрбело, *Bibliothèque Orientale*, с. 380, 381). (Я придерживаюсь орфографии географических карт Анвилля.) Впрочем, следует полагать, что персы были расположены преувеличивать свои потери, а монголы были расположены преувеличивать свои подвиги.

³⁴ У его раболепного панегириста Херефеддина Али можно найти много отвратительных подробностей. В своем лагере около Дели Тимур умертвил сто тысяч индийских пленников, *улыбавшихся*, увидев армию своих соотечественников (*Hist. de Timur Bec*, т. III, с. 90). Население Испагани доставило семьдесят тысяч человеческих черепов для возведения нескольких высоких башен (*Ibid.*, т. I, с. 434). Такую же подать уплатило взбунтовавшееся население Багдада (т. III, с. 370), а точная цифра убитых, которой Херефеддин не мог достать от исполнявших эту работу офицеров, определена другим историком (Ахмед Арабсиад, т. II, с. 175, *vers. Manger*) в девяносто тысяч голов.

³⁵ Древние писатели Иордан, Приск и др. не были знакомы с этим прозвищем. Новейшие венгерцы полагают, что оно было дано Аттиле одним галльским пустынножителем и что Аттила с удовольствием присвоил его к своим царским титулам (Маску, IX, 23; Тильмон, *Hist. des Empereurs*, т. VI, с. 143).

³⁶ Миссионеры, посланные св. Иоанном Златоустом, обратили в христианство множество скифов, живших по ту сторону Дуная в палатках и в повозках (Феодорет, V, 31; Фотий, с. 1517). И магометане, и несториане, и латинские христиане были уверены, что им удастся привлечь на свою сторону сыновей и внуков Чингиса, относившихся одинаково милостиво к представителям всех этих соперничавших между собой вероисповеданий.

могло возбуждать в них лишь презрение или отвращение.³⁷ Находившиеся в постоянных сношениях друг с другом гунны и готы передавали одни другим знакомство с двумя национальными диалектами, и варвары старались научиться латинскому языку, который был военным языком даже в Восточной империи.³⁸ Но они пренебрегали языком и научными познаниями греков, и тщеславный софист или серьезный философ, наслаждавшийся в школах лестными рукоплесканиями, был глубоко оскорблен при виде того, что варвары отдавали предпочтение физической силе находившегося вместе с ним в плену его прежнего раба. Механические искусства поощрялись и уважались, так как они удовлетворяли нужды гуннов. Архитектор, состоявший в услужении у одного из фаворитов Аттілы Онегезия, построил баню, но это сооружение было редким образчиком роскоши частного человека, и для кочующего народа были гораздо более полезны кузнецы, слесари и оружейные мастера, снабжавшие его и орудиями для мирных занятий, и оружием для войны. Но знания доктора пользовались всеобщим сочувствием и уважением; варвары, презиравшие смерть, боялись болезней, и надменный завоеватель дрожал от страха в присутствии пленника, которому он приписывал, быть может, воображаемую способность продолжить или сохранить его жизнь.³⁹ Гунны могли дурно обходиться с прогневавшими их рабами, над которыми они пользовались деспотической властью,⁴⁰ но их нравы не допускали утонченной системы угнетений, и нередко случалось, что рабы награждались за свое мужество и усердие дарованием свободы. К историку Приску, посольство которого служит источником интересных сведений, подошел в лагере Аттілы иностранец, приветствовавший его на греческом языке, но по своему одеянию и внешнему виду походивший на богатых скифов. Во время осады Виминация этот иностранец – как он сам рассказал – лишился и своего состояния, и свободы: он сделался рабом Онегезия, но за услуги, оказанные им в делах с римлянами и с акатцирами, он был мало-помалу поставлен на одну ногу с гуннскими уроженцами, с которыми он связал себя семейными узами, взяв среди них жену и прижив нескольких детей. Благодаря военной добыче он восстановил и улучшил свое личное состояние; он садился за стол своего прежнего господина, и этот отрекшийся от своей веры грек благословлял тот час, когда попал в плен, так как это привело его к тому счастливому и самостоятельному положению, которое он приобрел, заняв почетную военную должность. Это соображение вызвало спор о хороших и дурных сторонах римского управления, которое

³⁷ Германцы, истребившие легионы Вара, были в особенности недовольны и римскими законами, и римскими юристами. Один из варваров вырезал у адвоката язык и, зашив ему рот, с удовольствием заметил, что впредь эта змея уже не будет в состоянии шипеть (Флор, IV, 12).

³⁸ Приск, с. 95. Гунны, как кажется, предпочитали готский и латинский языки своему собственному, который, вероятно, был грубым и бедным. [Аделунг (*Mitridat*, ч. 1, с. 499) полагает, что первобытный язык гуннов был монгольским или калмыцким диалектом. С тех пор как они перешли в Европу, я в особенности после смерти Аттілы, между ними было введено много перемен, благодаря которым они приобрели некоторое сходство с готами, с которыми находились в постоянных сношениях. Не имея почти никаких собственных законов, они заимствовали законы от своих соседей; родственные с ними племена подчинялись этим законам по мере того как присоединялись к ним, пока не основали в десятом столетии Венгерское королевство. Галлам (*Европа в Средние века*, II, 147) замечает, что «их система управления была в значительной степени похожа на систему управления готов»; Блаквелль также указывает на многие пункты сходства (Малле, *Северные древности*, изд. Бона, с. 41, 279, 293). – Изд.]

³⁹ Филипп де Комин в своем превосходном рассказе о последних минутах Людовика XI (*Memoires*, кн. 6, гл. 12) описывает наглость его доктора, который в течение пяти месяцев получил от этого грозного и жадного тирана путем вымогательства пятьдесят четыре тысячи крон и богатое епископство.

⁴⁰ Приск (с. 61) превозносит справедливость римских законов, охранявших жизнь раба. «Occidere solent, – говорит Тацит о германцах, – non discipline et severitate, sed impetu et ira, ut inimicum, nisi quod impune» (*De Moribus Germanorum*, гл. 25). Герулы, которые были подданными Аттілы, пользовались правом жизни и смерти над своими рабами. См. замечательный пример, приводимый во второй книге Агафия.

вероотступник горячо порицал, а Приск защищал многословной и пустой болтовней. Вольноопущенник Онегезия описал верными и яркими красками пороки разрушавшейся империи, от которых он сам так долго страдал, – бесчеловечное безрассудство римских монархов, неспособных защитить своих подданных от общественного врага и не позволяющих им браться за оружие для своей собственной обороны; чрезвычайную тяжесть налогов, сделавшуюся еще более невыносимой благодаря запутанной или произвольной системе их взыскания; сбивчивость бесчисленных и противоречивых законов; утомительные и дорогостоящие формальности судебного производства; пристрастное отправление правосудия и всеобщую нравственную испорченность, усиливавшую влияние богачей и подвергавшую бедняков новым лишениям. В конце концов чувство патриотизма заговорило в душе счастливого изгнанника, и он пролил потоки слез, скорбя о преступности или бессилии должностных лиц, извративших самые мудрые и самые благодетельные учреждения.⁴¹

Трусливая или себялюбивая политика западных римлян предоставила Восточную империю во власть гуннов.⁴² Потеря армий и отсутствие дисциплины или воинских доблестей не возмещались личными достоинствами монарха. Феодосий мог по-прежнему принимать и тон и титул Непобедимого Августа, тем не менее он был вынужден просить пощады у Аттилы, который повелительно продиктовал ему следующие тяжелые и унижительные мирные условия. I. В силу письменного договора или молчаливого согласия император уступил ему обширную и важную территорию, простиравшуюся вдоль южных берегов Дуная от Сингидуна, или Белграда, до Нов во фракийском диоцезе. Ширина этой территории была определена неточным размером пятнадцатидневного пути, но из сделанного Аттилой предположения перенести национальный рынок в другое место скоро обнаружилось, что он включал в пределы своих владений разоренный город Нэсс. II. По требованию царя гуннов получавшаяся им ежегодная дань или субсидия была увеличена с семисот фунтов золота до двух тысяч ста, и он выговорил немедленную уплату шести тысяч фунтов золота на покрытие расходов войны или в наказание за то преступление, которым она была вызвана. Можно было подумать, что такое требование, едва ли превышавшее денежные средства некоторых частных лиц, будет легко удовлетворено богатой Восточной империей, но вызванные им затруднения служат замечательным доказательством объединения или по меньшей мере расстроенного положения финансов. Налоги, которые взыскивались с народа, большей частью задерживались или перехватывались во время своего прохождения по разным грязным каналам в направлении к константинопольскому казначейству. Доходы тратились Феодосием и его фаворитами на тщеславную и безрассудную роскошь, прикрытую названиями императорского великолепия и христианского милосердия. Наличные денежные средства были истощены непредвиденными расходами на военные приготовления. Чтобы немедленно удовлетворить нетерпеливую жадность Аттилы, не оставалось другого способа, как обложить членов сенаторского сословия тяжелым и произвольным налогом, а бедность аристократов заставила их прибегнуть к позорной продаже с публичного торга драгоценных камней их жен и доставшегося им по наследству роскошного убранства их дворцов.⁴³ III. Царь гуннов, как кажется, принял за основное правило национальной юриспруденции, что он никогда не

⁴¹ См. содержание этого разговора у Приска, с. 59–62.

⁴² «Nova iterum Orienti assurgit ruina... quum nulla ab Occidentalibus ferrentur auxilia». Проспер Тиро писал свою хронику на Западе, и его замечание равносильно порицанию.

⁴³ Если верить рассказу или, скорее, сатире Иоанна Златоуста, продажа находившихся в Византии предметов роскоши должна была доставить очень значительные суммы. В доме каждого зажиточного человека можно было найти полукруглый стол из цельного серебра, который с трудом могли поднять два человека, сосуд из цельного золота весом в сорок фунтов, чаши и блюда из того же металла и пр.

может утратить однажды приобретенного им права собственности над лицами, добровольно или поневоле подчинившимися его власти. Из этого основного принципа он выводил то умозаключение – а все умозаключения Атиллы были непреложными законами, – что гунны, попавшие в плен во время войны, должны быть отпущены на свободу немедленно и без всякого выкупа, что каждый римский военнопленный, осмелившийся искать спасения в бегстве, должен купить свое право на свободу ценою двенадцати золотых монет и что все варвары, покинувшие знамена Атиллы, должны быть возвращены без всяких обещаний или условий помилования. При исполнении этого бесчеловечного и позорного договора императорские офицеры были вынуждены лишить жизни многих преданных империи знатных дезертиров, не желавших обречь себя на верную смерть, и римляне лишили себя всяких прав на доверие со стороны которого-либо из скифских племен вследствие этого публичного признания, что у них не было ни достаточно добросовестности, ни достаточно силы, чтобы охранять жизнь тех, кто прибегал к покровительству Феодосия.⁴⁴

Непоколебимое мужество одного города – столь незначительного, что историки и географы упоминают о нем только по этому случаю, – выставило в ярком свете унижительное положение императора и империи. Азим, или Азимунций, – небольшой фракийский городок, лежавший на иллирийской границе,⁴⁵ – отличался воинственным духом своей молодежи, искусством и прекрасной репутацией избранных этой молодежью вождей и ее блестящими подвигами в борьбе с бесчисленными толпами варваров. Вместо того чтобы трусливо ожидать неприятельского приближения, жители Азимунция часто делали удачные вылазки против гуннов, которые стали избегать этого опасного соседства; они отняли у гуннов добычу и пленников и пополнили свои ряды добровольным в них вступлением беглецов и дезертиров. После заключения мирного договора Атила не переставал грозить империи беспощадной войной, если жителей Азимунция не уговорят или не заставят подчиниться тем мирным условиям, которые были приняты их государем. Министры Феодосия со стыдом чистосердечно сознались, что они утратили всякую власть над людьми, так мужественно отстаивавшими свою независимость, и царь гуннов согласился вступить в переговоры с гражданами Азимунция об обмене пленников. Они потребовали выдачи нескольких пастухов, случайно захваченных вместе со скотом. Было дозволено строгое расследование, оказавшееся бесплодным; но прежде чем возвратить варварам двух их соотечественников, задержанных в качестве заложников за безопасность пропавших пастухов, они заставили гуннов поклясться, что среди их пленников нет ни одного жителя Азимунция. Атила, со своей стороны, был удовлетворен и вовлечен в заблуждение их торжественным уверением, что все остальные пленники были лишены жизни и что они постоянно держатся правила немедленно отсылать римлян и дезертиров, обращающихся к ним за покровительством. Эта вызванная человеколюбивой предусмотрительностью ложь может быть предметом или порицания, или одобрения со стороны казуистов, смотря по тому, придерживаются ли они строгих правил св. Августина или более мягких мнений св. Иеронима и св. Иоанна Златоуста, но всякий военный человек и всякий государственный деятель должен сознаться, что, если бы раса азимунцийских граждан сохранилась и размножилась, варвары перестали

⁴⁴ Статьи договора, изложенные без достаточной последовательности и ясности, можно найти у Приска (с. 34–37, 53, 54). Граф Марцеллин сообщает два утешительных сведения: во-первых, что сам Атила просил мира и тех подарков, которых он сначала не хотел принять, и, во-вторых, что почти в то же время послы, прибывшие из Индии, подарили императору Феодосию прекрасного и большого ручного тигра.

⁴⁵ Приск, с. 35, 36. В числе ста восьмидесяти двух фракийских укреплений или замков, перечисляемых Прокопием (*De Aedificiis*, IV, 92), есть один, по имени *Esimontou*, неподалеку от Анхиала и Эвксинского Понта, географическое положение которого неточно указано. И название Азимунций, и его стены, быть может, существовали до времен царствования Юстиниана, но потомство его храбрых зачинщиков было тщательно истреблено завистью римских государей.

бы попирать величие империи.⁴⁶

Действительно, было бы странно, если Феодосий купил бы ценою своей чести безопасное и прочное спокойствие или если его трусость не вызвала бы новых оскорблений. К византийскому двору были отправлены одно вслед за другим пять или шесть унижительных для него посольств,⁴⁷ уполномоченные Атилы настаивали на скором и точном исполнении условий последнего договора, требовали поименного списка беглецов и дезертиров, все еще пользовавшихся покровительством империи, и объявляли с притворной скромностью, что, если их государь не получит полного и немедленного удовлетворения, он будет не в состоянии, даже если бы захотел, сдерживать раздражение своих воинственных народов. Кроме гордости и личного интереса, заставлявших царя гуннов не прерывать этих переговоров, им также руководило постыдное желание обогатить своих фаворитов за счет врага. Императорская казна истощала свои денежные средства на приобретение дружеской услужливости послов и главных членов их свиты, так как от содержания их донесений зависело сохранение мира. Варварский монарх был польщен тем, что его послы были приняты с большим почетом, с удовольствием взвешивал ценность и великолепие полученных ими подарков, строго требовал исполнения всех обещаний, которые могли доставить им какую-либо выгоду, и заботился о бракосочетании своего секретаря Констанция как о важном государственном деле.⁴⁸ Этот искатель приключений был родом из Галлии, его рекомендовал царю гуннов Аэций, и он обещал константинопольским министрам свое содействие с тем условием, чтобы его наградили за это богатой и знатной женой. Дочь графа Сатурнина была выбрана для исполнения лежавшего на ее отечестве обязательства. Ее сопротивление, семейные раздоры и несправедливая конфискация ее состояния охладили любовный пыл корыстолюбивого Констанция, но он потребовал от имени Атилы другой богатой невесты, и, после разных отговорок и отлагательств, Византийский двор был вынужден принести этому наглomu иноземцу в жертву вдову Армация, которая по своему происхождению, богатству и красоте принадлежала к числу самых знатных римских дам. Атила потребовал, чтобы в оплату за эти докучливые и взыскательные посольства к нему были присланы послы; он с недоверчивым высокомерием взвешивал личные достоинства и общественное положение императорских уполномоченных, но снизошел до того, что обещал выехать до Сердики навстречу таким послам, которые облечены консульским званием. Советники Феодосия отклонили это предложение под тем предлогом, что Сердика находится в печальном положении совершенно разоренного города, и даже позволили себе заметить, что всякий офицер, служащий в императорской армии или при императорском дворе, занимает достаточно высокое положение для того, чтобы вести переговоры с самыми могущественными скифскими князьями. Всеми уважаемый царедворец Максимин,⁴⁹ выказавший свои дарования и на гражданской и на военной службе, неохотно

⁴⁶ Спор между св. Иеронимом и св. Августином, старавшимися разными способами согласовать кажущееся разномыслие двух апостолов, св. Петра и св. Павла, имел предметом разрешение важного вопроса (Сочинения Мидлетона, т. II, с. 5–10), о котором нередко спорили католические и протестантские богословы и даже юристы и философы всех веков.

⁴⁷ Монтескье (*Considerations sur la Grandeur etc.*, гл. 19) обрисовал смелыми и резкими штрихами некоторые из самых выдающихся примеров гордости Атилы и унижения римлян. Он заслуживает похвалы за то, что читал отрывки Приска, к которым относились с крайним пренебрежением.

⁴⁸ См.: Приск, с. 69, 71–73. Я охотно поверил бы тому, что этот искатель приключений впоследствии возбудил подозрение в измене и был распят на кресте по приказанию Атилы; но Приск (с. 57) слишком ясно различает два лица, носивших имя Констанций, которых нетрудно спутать вследствие сходных подробностей их жизни.

⁴⁹ При заключении в 442 г. мирного договора с Персией благоразумный и красноречивый Максимин был помощником Ардабурия (Сократ, VII, 20). Когда Маркиан вступил на престол, Максимин был возведен в

принял на себя трудное и даже опасное поручение смягчить гневное настроение царя гуннов. Его друг историк Приск⁵⁰ воспользовался этим случаем, чтобы ознакомиться с характером варварского героя в мирной домашней жизни, но тайная цель посольства – цель пагубная и преступная – была вверена только переводчику Вигилию. Два последних гуннских посла – знатный уроженец паннонийской провинции Орест и храбрый вождь племени скифов Эдекон – возвращались в то же время из Константинополя в царский лагерь. Их негромкие имена впоследствии приобрели громкую известность благодаря блистательной судьбе и противоположности характеров их сыновей; один из этих слуг Атиллы сделался отцом последнего римского императора, царствовавшего на Западе, а другой – отцом первого варварского короля Италии.

Послы, имевшие при себе множество людей и лошадей, сделали первый привал в Сердице, на расстоянии трехсот пятидесяти миль или тринадцати дней пути от Константинополя. Поскольку уцелевшая часть Сердики находилась внутри пределов империи, то на римлянах лежали обязанности гостеприимства. При помощи жителей провинции они доставили гуннам достаточное число баранов и быков и пригласили их на роскошный или, по меньшей мере, обильный ужин. Но обоюдные предубеждения и нескромность скоро нарушили общее веселье. Величие императора и империи горячо отстаивалось представителями Феодосия, а гунны с такой же горячностью отстаивали превосходства своего победоносного монарха; ссора разгорелась от опрометчивой и неуместной лстивости Вигилия, презрительно отвергнувшего всякие сравнения между простым смертным и божественным Феодосием, и лишь после больших усилий Максимины и Приска удалось обратить разговор на другой предмет и успокоить раздраженных варваров. Когда встали из-за стола, императорский посол поднес Эдекону и Оресту в подарок богатые шелковые одежды и нитки индийского жемчуга, которые они приняли с признательностью. Но Орест не мог воздержаться от того, чтобы не заметить, что с ним не всегда обходились с таким уважением и с таким великодушием, а оскорбительное различие, с которым относились к его гражданской должности и к наследственному рангу его сотоварища, как кажется, сделало Эдекона ненадежным другом, а Ореста – непримиримым врагом. После упомянутого угощения послы проехали около ста миль, отделяющих Сердику от Нэсса. Этот когда-то цветущий город, бывший родиной великого Константина, был разрушен до основания; его жители частью погибли, частью разбежались, а вид нескольких больных, которым позволяли жить среди развалин церквей, лишь увеличивал ужас, который внушало это зрелище. Вся страна была усеяна костями убитых, и послы, направлявшиеся к северо-западу, были вынуждены перебраться через горы современной нам Сербии, прежде чем спуститься на плоскую и болотистую местность, оканчивающуюся Дунаем. Гунны были хозяевами великой реки, они совершили переправу на больших лодках, из которых каждая была выдолблена из ствола одного дерева; Феодосиевы уполномоченные благополучно высадились на противоположном берегу, а их варварские спутники тотчас отправились в лагерь Атиллы, устроенный так, что он был приспособлен и к охотничьим забавам, и к требованиям войны. Едва успел Максимин отъехать около двух миль от Дуная, как ему пришлось испытать на себе прихотливую наглость победителя. Ему было строго запрещено раскинуть палатки в красивой долине из опасения, чтобы он этим не нарушил издали уважения к царскому жилищу. Министры Атиллы настоятельно требовали, чтобы он

звание главного камергера и именован в публичном эдикте в числе четырех главных государственных сановников (*Novell, ad calc, Кодекс Феодосия*, с. 31). Он исполнял в восточных провинциях гражданские и военные поручения, а дикари Эфиопии, которых он заставил прекратить их набеги, оплакивали его смерть (см.: Приск с. 40, 41).

⁵⁰ Приск был родом из Пания во Фракии и своим красноречием приобрел почетное место среди софистов своего времени. Его История Византия, описывавшая события его времени, состояла из семи книг (см.: Фабриций, *Bibliothec. Graec*, VI, 235. 236). Несмотря на снисходительные отзывы его критика, я подозреваю, что Приск был язычником.

познакомил их с целью своей поездки и с содержанием инструкций, которые он намеревался сообщить лишь самому царю. Когда Максимин стал в сдержанных выражениях ссылаться на то, что это было бы несогласно с принятыми у всех народов правилами, он с удивлением узнал, что какой-то изменник уже сообщил общественному врагу постановления Тайного совета – те секретные постановления, которых (по словам Приска) не следовало бы разоблачать даже перед богами. Вследствие его отказа подчиниться таким унижительным требованиям императорскому послу было приказано немедленно отправиться домой; это приказание было отменено, затем еще раз повторено, и гунны не раз возобновляли эти бесплодные попытки сломить терпеливое упорство Максимиана. В конце концов, благодаря посредничеству Онегезиева брата Скотты, дружба которого была приобретена щедрыми подарками, Максимин был допущен в присутствие царя, но, вместо того чтобы получить какой-нибудь решительный ответ, был вынужден предпринять далекое путешествие на север для того, чтобы Атила мог удовлетворить свою гордость приемом в одном и том же лагере и послов Восточной империи, и послов Западной. Его поездкой руководили проводники, которые заставляли его то останавливаться, то ускорять свое движение вперед, то уклоняться в сторону от прямой дороги, сообразно с тем, как это было угодно царю. Римляне полагали, что, когда они проезжали через равнины Венгрии, им приходилось переправляться через несколько судоходных рек или на лодках, или на шлюпках, которые переносились на руках; но есть основание подозревать, что извилистое течение Тисы, или Тибиска, встречалось ими несколько раз под различными названиями. Из соседних деревень им постоянно доставлялись обильные запасы провианта – мед вместо вина, пшено вместо хлеба и какой-то напиток, который назывался *samius* и, по словам Приска, выкуривался из ячменя.⁵¹ Такая пища, вероятно, казалась грубой и невкусной тем, кто привык к столичной роскоши, но среди этих временных лишений послы находили утешение в любезности и гостеприимстве тех самых варваров, которые были так страшны и беспощадны в войне. Они расположились лагерем на краю обширного болота. Сильная буря с вихрем и дождем, с громом и молнией опрокинула их палатки, залила их багаж и домашнюю утварь и рассеяла их свиту, которая бродила среди ночного мрака, сбившись с дороги и опасаясь какой-нибудь беды, пока ее жалобные крики не были услышаны жителями соседней деревни, принадлежавшей вдове Бледы. Услужливые поселяне осветили им путь и зажгли костер, около которого они могли согреться; не только нужды, но все малейшие желания римлян были предупредительно удовлетворены, и их, как кажется, смутила странная любезность вдовы Бледы, приславшей им если не в подарок, то по меньшей мере для временного пользования, достаточное число красивых и услужливых девушек. Следующий день послы употребили на отдых; они собрали и высушили свой багаж, освежили силы прислуги и лошадей, но вечером, перед выступлением в дальнейший путь, выразили щедрой владелице селения свою признательность тем, что прислали ей в подарок серебряные чаши, выкрашенную в красный цвет шерсть, сухие фрукты и индийский перец. Вскоре после этого приключения они догнали свиту Атилы, с которым не имели никаких сообщений в течение почти шести дней, и затем стали медленно подвигаться к столице такой империи, на которой не встречалось ни одного города на протяжении нескольких тысяч миль.

Из неясных и сбивчивых географических сведений, доставленных нам Приском, можно заключить, что эта столица находилась между Дунаем, Тисой и Карпатскими горами на равнинах Верхней Венгрии и, по всей вероятности, неподалеку от Ясберена, Атрии или Токая.⁵² В своем первоначальном виде это, вероятно, было не что иное, как случайно

⁵¹ Сами гунны все еще пренебрегали земледельческими занятиями; они употребляли во зло привилегии победителей, а их трудолюбивые подданные готы, занимавшиеся возделыванием земли, опасались их соседства так же, как опасаются соседства хищных зверей (Приск, с. 45). Точно таким же образом сарты и таджики добывают пропитание и для самих себя, и для своих ленивых и алчных повелителей – татарских узбеков (см.: *Генеалогическая история татар*, с. 423, 455, 456).

⁵² Приск, очевидно, переправился через Дунай и через Тису, но не достиг подножия Карпатских гор. Агрия,

раскинутый лагерь, который, вследствие продолжительного и частого пребывания Аттилы, мало-помалу разросся в большое селение для помещения его двора, состоявших при его особе войск и пестрой толпы частью праздных, частью деятельных рабов и прислужников.⁵³ Там не было ни одного каменного здания, кроме построенных Онегезием бань, для которых были доставлены материалы из Паннонии, а так как в окрестностях не было крупного строевого леса, то следует полагать, что здания, служившие жилищами для низшего люда, строились из соломы, глины или хвороста. Деревянные жилища более знатных гуннов были построены и убраны с грубым великолепием, смотря по рангу, состоянию или вкусу владельцев. Они, как кажется, были расположены в некотором порядке и с симметрией, и занимаемое ими место считалось тем более почетным, чем ближе оно было к жилищу монарха. Дворец Аттилы, превосходивший своими размерами все другие здания, был весь построен из дерева и покрывал большое пространство. Внешней оградой служила высокая стена или забор, сделанный из обтесанных четырехугольных бревен и пересекавшийся высокими башнями, предназначенными не столько для обороны, сколько для украшения. Внутри этой стены, как кажется, опоясывавшей скат холма, было множество различных деревянных зданий, приспособленных к царским нуждам. Каждая из многочисленных жен Аттилы имела отдельный дом, и, вместо того чтобы томиться в суровом затворничестве, которому азиаты подвергают своих жен из ревности, они любезно принимали римских послов в своем обществе, приглашали их на обеды и даже одаривали их невинными поцелуями. Когда Максимин был принят главной царицей Черкой для поднесения ей подарков, он восхищался странной архитектурой ее дома, вышиной круглых колонн, размерами и красотой украшений из резного, точеного или полированного дерева, и его внимательные взоры были способны подметить некоторый вкус в убранстве и некоторую правильность в размерах. Пройдя мимо стоявшей у дверей стражи, посланники вступили во внутренние апартаменты Черки. Жена Аттилы приняла их сидя или, вернее, лежа на мягкой софе; пол был покрыт коврами, прислуга стояла вокруг царицы, а состоявшие при ней девушки сидели на полу, занимаясь различными вышиваниями, которые служили украшением для одеяний варварских воинов. Гунны из честолюбия выставляли на вид те богатства, которые были плодом или доказательством их побед: на сбруе их лошадей, на их мечях и даже на их обуви были украшения из золота и драгоценных камней, а на их столах были расставлены тарелки, стаканы и сосуды, сделанные греческими артистами из золота и серебра. Один монарх из гордости придерживался простоты своих скифских предков.⁵⁴ И одежда Аттилы, и его оружие, и сбруя его коня были просты, без всяких украшений и одного цвета. За царским столом напитки и кушанья подавались в деревянных чашах и на деревянных блюдах, мясо было его единственной пищей, и роскошь завоевателя севера никогда не доходила до употребления хлеба.

Когда Аттила в первый раз давал римским послам аудиенцию на берегах Дуная, его палатка была наполнена многочисленной стражей. Сам монарх сидел на деревянном стуле. Его суровый вид, гневные жесты и звучащее в голосе раздражение поразили мужественного

Токай и Ясберень лежат на равнинах, пределы которых не заходят далее этой местности. Де Буа (*Histoire des Peuples etc.*, т. VII, с. 461) стоял за Токай, а ученый венгр Отрокосчи (с. 180, *apud Mascon*, IX, 23) предпочитал Ясберень, находившийся почти в тридцати шести милях к западу от Буды и Дуная.

⁵³ Царскую деревню Аттилы можно сравнить с городом Каракорумом, который был резиденцией преемников Чингиса и хотя, как кажется, был более постоянной резиденцией, однако не мог бы соперничать с великолепием города и аббатства Сен-Дени в тринадцатом столетии (см.: Рубруквис, *in Histoire Generale des Voyages*, т. VII, с. 286). В лагере Авренгзеба, в том виде, как он описан у Бернье (т. II, с. 217–235), нравы Скифии соединялись с великолепием и роскошью Индостана.

⁵⁴ Когда монголы выставили на Тонкатском сейме напоказ награбленную в Азии добычу, трон Чингиса был по-прежнему покрыт тем черным войлочным ковром, на котором он сидел в то время, когда его воинственные соотечественники избрали его в предводители (см.: *Vie de Gengiscan*, ч. IV, гл. 9).

Максимиана, но Вигилий имел более оснований дрожать от страха, когда услышал из уст царя угрозу, что, если бы Атила не уважал международных законов, он распял бы на кресте вероломного переводчика и оставил бы его труп на съедение ястребам. Варварский монарх соблаговолил предъявить тщательно составленный список, которым доказывалась наглая ложь Вигилия, утверждавшего, что нельзя было отыскать более семнадцати дезертиров. Но он высокомерно заявил, что опасался лишь одного унижения – необходимости вступать в борьбу с беглыми рабами, так как презирал их бессильные старания защищать вверенные им оружие Феодосиевы провинции. «Разве на обширном пространстве Римской империи, – присовокупил Атила, – найдется такая крепость или такой город, который мог бы положиться на свою безопасность и считать себя неприступным в том случае, если бы я захотел стереть его с лица земли?» Впрочем, он отпустил переводчика, который отправился обратно в Константинополь с решительным от имени Атилы требованием возвратить всех беглецов и прислать более блестящее посольство. Гнев Атилы мало-помалу стих, а домашнее счастье, которое он вкусил благодаря отпразднованному на пути бракосочетанию с дочерью Эслама, вероятно, смягчило природную свирепость его характера. Въезд Атилы в его царскую деревню ознаменовался очень оригинальной церемонией. Многочисленная толпа женщин вышла навстречу своему герою и царю. Они шли впереди его длинными и правильными рядами, промежутки между этими рядами были прикрыты покрывалами из тонкого полотна, которые поддерживались с обеих сторон поднятыми кверху руками женщин и составляли нечто вроде балдахина над хором молодых девушек, распевавших гимны и стихотворения на скифском языке. Жена царского фаворита Онегезия в сопровождении своей женской прислуги приветствовала Атилу у дверей своего дома, в то время как он направлялся ко дворцу, и, по местному обычаю, выразила ему почтительную преданность тем, что предложила отведать приготовленных для его приема вина и мяса. Лишь только монарх милостиво принял ее гостеприимное предложение, его слуги подняли небольшой серебряный столик на одну вышину с его лошадью; Атила поднес ко рту стакан с вином, еще раз поклонился жене Онегезия и поехал далее. Во время своего пребывания в столице империи он не тратил своего времени на праздное затворничество в серале; напротив того, царь гуннов был в состоянии поддерживать свое достоинство, не скрывая свою особу от глаз публики. Он часто созывал своих приближенных на совещания и давал аудиенции послам, а его подданные могли обращаться к его суду, который он совершал в определенные эпохи перед главным входом в свой деревянный дворец. Римские послы, и восточные и западные, были два раза приглашены на банкеты, на которых Атила угощал скифских князей и вельмож. Максимин и его сотоварищи были остановлены на пороге, пока не совершили благоговейного возлияния вина за здоровье и благополучие царя гуннов, и после этой церемонии были отведены на свои места в обширной зале. Царский стол и царское ложе, покрытые коврами и тонким холстом, были поставлены в середине залы на возвышении в несколько ступенек; один из его сыновей и один из его дядей или, может быть, один из его любимых князей разделяли с Атилой его простой обед. Два ряда маленьких столиков, за каждым из которых могли поместиться трое или четверо гостей, были в порядке расставлены по обеим сторонам; правая сторона считалась самой почетной, но римляне откровенно сознавались, что их посадили по левую сторону и что какой-то неизвестный вождь, по имени Верик, который, по всей вероятности, был готом, имел первенство над представителями Феодосия и Валентиниана. Варварский монарх принял от своего виночерпия кубок с вином и провозгласил тост за самого знатного из гостей, который встал со своего места и выразил таким же способом свои верноподданнические и почтительные пожелания. Такая же церемония была исполнена в честь каждого из гостей или, по меньшей мере, в честь самых знатных среди них, и на это, должно быть, потребовалось много времени, так как все это повторялось три раза при каждой перемене кушаний. Но вино оставалось на столе после того, как были унесены мясные блюда, и гунны удовлетворяли свою страсть к спиртным напиткам долго после того, как воздержные и скромные послы двух империй покинули это ночное пиршество. Однако до своего ухода они

имели случай видеть, чем развлекаются гунны на своих пирушках. Два скифа подошли к ложу Атиллы и стали декламировать стихи, которые они сочинили для прославления его храбрости и его побед. В зале царствовало глубокое молчание; внимание гостей было поглощено вокальной гармонией, которая освежала и увековечивала в их памяти воспоминание об их собственных подвигах; воинственный огонь горел в глазах воинов, пылавших желанием сразиться, а слезы стариков выражали их благородное отчаяние, что они уже не могут участвовать ни в опасностях, ни в славе сражений.⁵⁵ За развлечениями, которые можно было считать школой воинских доблестей, следовал фарс, унижительный для человеческого достоинства. Один мавританский и один скифский буффон поочередно смешили грубых зрителей своими уродливыми лицами, странной одеждой, забавным кривляньем, нелепой болтовней и непонятным смешиванием языков латинского, готского и гуннского. Вся зала оглашалась громкими и неудержимыми взрывами хохота. Среди этого гвалта лицо одного Атиллы неизменно сохраняло свое серьезное выражение, пока не вошел в комнату младший из его сыновей по имени Ирнак; он обнял юношу с отцовской нежностью, ласково потрепал его по щеке и обнаружил свою пристрастную к нему привязанность, основанную на уверении прорицателей, что Ирнак будет опорой и его семейства, и его империи. Через два дня после этого послы получили повторное приглашение и на этот раз имели основание восхвалять не только гостеприимство, но и вежливость Атиллы. Царь гуннов вступил в продолжительный и интимный разговор с Максиминем, но его любезности перемешивались с грубыми выражениями и высокомерными упреками, и он с неприличным усердием поддерживал из личных расчетов притязания своего секретаря Констанция. «Император, – говорил Атилла, – давно уже обещал ему богатую жену; Констанций не должен быть обманут в своих ожиданиях, а римский император не должен никому давать права назвать его лгуном». На третий день послов отпустили; вследствие их настоятельных просьб нескольким пленникам была дана свобода за умеренный выкуп и, помимо царских подарков, им было позволено принять от каждого из скифских вельмож почетный и полезный подарок – коня. Максимин возвратился в Константинополь той же дорогой, по которой приехал, и, хотя между ним и новым послом Атиллы Бериком произошла случайная размолвка, он ласкал себя надеждой, что его тяжелая поездка упрочила мир и союз между двумя нациями.⁵⁶

Но римский посол ничего не знал о коварном замысле, который скрывался под личиной официальных переговоров. Удивление и удовольствие, которые испытал Эдекон при виде великолепия Константинополя, дали переводчику Вигилию смелость устроить для него

⁵⁵ По словам Плутарха (*in Demetrio*, V, 24), скифы имели обыкновение на своих пиршествах пробуждать Свое мужество воинственными звуками, которые они извлекали из тетивы своих луков. [Некоторые из этих песен, сохранившихся у гуннов путем устной передачи и впоследствии изложенные письменно, вероятно, впоследствии были переведены на готский язык и доставили те материалы, при помощи которых певцы Нибелунгов (Нибур, *Лекции о римской истории*, ч. I, с. 85) сделали из Атиллы (Elzel) одного из своих героев. Нибур (*Ibid.*, ч. III, с. 317) говорит, что эти поэтические произведения были «по своему происхождению готскими»; но лишь указанным выше путем барды могли узнать о существовании царя гуннов, которого они присоединили к другим героям, не принадлежавшим к одной с ним эпохе. В десятом столетии рассказ о нем вошел в состав написанного на латинском языке поэтического вымысла Вальфария (*Ibid.*, с. 13 и примеч. издателя). Герберт подробно говорит об этой поэме в своем историческом трактате, приложенном к его сочинению об Атилле (с. 540–544), но он уменьшает ее достоинства, замечая, что «в ней, как кажется, нет ни одного слова исторической правды». Он, по-видимому, придерживается того мнения, что «сказочный Артур» был «мистическим названием Атиллы». – *Изд.*]

⁵⁶ Можно найти у Приска (с. 49–70) интересный рассказ об этом посольстве, который не требовал большой наблюдательности и который нельзя проверить никакими побочными свидетельствами. Я не ограничился тем же порядком изложения, а предварительно собрал исторические факты, имевшие менее тесную связь с поездкой римских послов и с возложенным на них поручением.

тайное свидание с евнухом Хризафием,⁵⁷ который управлял и императором и империей. После предварительного обмена мыслями и взаимного клятвенного обещания хранить разговор в тайне евнух, не почерпнувший высоких понятий об обязанностях министра ни из своего собственного сердца, ни из опыта, решился заговорить об умерщвлении Аттилы как о такой важной услуге, за которую Эдекон был бы награжден в значительном размере теми богатствами и роскошью, которыми он так восхищался. Посол гуннов выслушал это соблазнительное предложение и с притворным усердием заявил и о своей способности, и о своей готовности совершить это злодеяние; об этом замысле было сообщено министру двора, и благочестивый Феодосий дал свое согласие на умерщвление его непобедимого врага. Но притворство или раскаяние Эдекона расстроило все дело, и, хотя он, быть может, преувеличивал свое отвращение к изменническому предприятию, которое сначала, по-видимому, одобрялось, очень ловко поставил себе в заслугу скорое и добровольное сознание своей вины. Если мы теперь вникнем во все подробности, относящиеся к посольству Максимиана и к поведению Аттилы, мы должны будем похвалить варвара, который уважал законы гостеприимства и великодушно принял и отпустил представителя такого монарха, который готовил покушение на его жизнь. Но опрометчивость Вигилия покажется еще более удивительной, когда мы скажем, что, несмотря на сознание своей виновности и угрожавшей ему опасности, он возвратился в царский лагерь в сопровождении своего сына и привез с собою набитый золотом кошелек, который был дан ему любимым евнухом для того, чтобы удовлетворить требования Эдекона и подкупить телохранителей. Переводчик был тотчас схвачен и приведен под трибунал Аттилы; там он отстаивал свою невинность с необыкновенной твердостью до тех пор, пока угроза подвергнуть его сына смертной казни не заставила его чистосердечно сознаться в его преступном замысле. Жадный царь гуннов принял под видом выкупа или конфискации двести фунтов золота за помилование изменника, к которому он относился с таким презрением, что даже не считал нужным его казнить. Он направил свое основательное негодование на более знатного виновного. Его послы Эслав и Орест были немедленно отправлены в Константинополь с инструкциями, которые было более безопасно исполнить, чем нарушить. Они смело явились к императору с роковым кошельком, висевшим на шее Ореста, который обратился к стоявшему возле императорского трона евнуху Хризафию с вопросом, узнаёт ли он это доказательство своего преступного намерения. Но обязанность сделать выговор самому императору была возложена на более высокого по своему рангу Эслава, который обратился к Феодосию со следующими словами: «Феодосий – сын знатного и почтенного отца, Аттила – также знатного происхождения и умел поддержать своим поведением достоинство, унаследованное от его отца Мундзука. Но Феодосий унижил достоинство своих предков и, согласившись на уплату дани, низвел самого себя до положения раба. Поэтому он должен был уважать человека, поставленного выше его и фортуной, и личными достоинствами, а не составлять, как какой-нибудь презренный раб, заговоры против жизни своего повелителя». Сын Аркадия, слух которого привык только к голосу лести, с удивлением выслушал суровый голос истины; он покраснел от стыда, задрожал от страха и не осмелился решительно отказать в казни Хризафия, которой настоятельно требовали Эслав и Орест согласно с данными им инструкциями. Торжественное посольство, снабженное всеми нужными полномочиями и великолепными подарками, было торопливо отправлено к Аттиле для того, чтобы смягчить его гнев, а гордость царя гуннов была польщена выбором двух министров консульского и патрицианского ранга – Номия и Анатолия, из которых один был главным казначеем, а другой – главным начальником восточных армий. Он соблаговолил выехать навстречу этим послам к берегу реки Дренко, и хотя сначала держал себя сурово и

⁵⁷ Тильмон очень кстати составил список камергеров, которые управляли один за другим от имени Феодосия. Хризафий был последним и, по единогласному свидетельству историков, самым отвратительным из этих фаворитов (см.: *Hist. des Empereurs*, т. VI, с. 117–119; *Mem. Ecclesiast.*, т. XV, с. 438). Его пристрастная привязанность к его крестному отцу епископу побудила его притеснять православную партию.

высокомерно, но его раздражение мало-помалу стихло благодаря их красноречию и щедрости. Он согласился простить императора, евнуха и переводчика, дал клятвенное обещание исполнять мирные условия, отпустил на волю множество пленников, оставил беглецов и дезертиров на произвол судьбы и отказался от лежавшей на юге от Дуная обширной территории, которая уже была совершенно опустошена гуннами и покинута жителями. Но этот договор был куплен такими денежными пожертвованиями, которых было бы достаточно для ведения энергичной и успешной войны, и подданные Феодосия были обложены за спасение жизни недостойного фаворита обременительными налогами, которые уплачивались бы ими более охотно за его казнь.⁵⁸

Император Феодосий ненадолго пережил самое позорное происшествие его бесславной жизни. В то время когда он ездил верхом или охотился в окрестностях Константинополя, лошадь сбросила его в реку Лик; он повредил при падении спину и через несколько дней после этого умер на пятидесятом году жизни и на сорок третьем году своего царствования.⁵⁹ Его сестра Пульхерия, подчинявшаяся и в делах гражданского, и в делах церковного управления пагубному влиянию евнухов, была единодушно провозглашена восточной императрицей, и римляне в первый раз подчинились владычеству женщины. Тотчас после своего вступления на престол Пульхерия удовлетворила и свое собственное, и публичное негодование актом справедливости. Евнух Хризафий был казнен перед городскими ворот без всякого судебного разбирательства, а накопленные этим жадным фаворитом громадные богатства послужили лишь тому, что ускорили и оправдали его казнь.⁶⁰ Среди радостных приветствий духовенства и народа императрица не забыла, какие существуют в обществе предубеждения против лиц ее пола, и благоразумно решила предупредить общий ропот выбором такого товарища, который всегда уважал бы более высокий ранг своей супруги и ее девственное целомудрие. Ее выбор пал на сенатора Маркиана, которому было около шестидесяти лет, и этот номинальный супруг Пульхерии был торжественно облечен в императорскую порфиру. Усердие, с которым Маркиан поддерживал православные верования в том виде, как они были установлены Халкедонским собором, уже само по себе должно было вызывать со стороны католиков признательность и одобрение. Но поведение Маркиана и в частной жизни, и впоследствии в императорском звании дает право думать, что он был способен поддержать и укрепить империю, почти совершенно развалившуюся от слабодушия двух царствовавших друг за другом наследственных монархов. Он родился во Фракии и посвятил себя военной профессии, но в молодости Маркиан много терпел от нужды и огорчений, так как все его денежные средства состояли, когда он в первый раз прибыл в Константинополь, из двухсот золотых монет, которые он занял у одного приятеля. Он провел девятнадцать лет на домашней и военной службе при Аспаре и его сыне Ардабурии, сопровождал этих даровитых генералов в войнах персидской и африканской и, благодаря их влиянию, получил почетное звание трибуна и сенатора. Его мягкий характер и полезные дарования, не возбуждая зависти в его покровителях, доставили ему их уважение и дружеское расположение; он видел и, быть может, испытал на самом себе злоупотребления

⁵⁸ У Приска (с. 37–39, 70–72) можно найти описание подробностей этого заговора и его важных последствий. Хронология этого историка не отличается точными указаниями времени, но ряд переговоров, происходивших между Атилией и Восточной империей, должен быть отнесен к трех- или четырехлетнему периоду времени, оканчивающемуся в 450 г. смертью Феодосия.

⁵⁹ Феодор Чтец (см.: Валда, Hist. Ecclesiast, т. III, с. 563) и Пасхальная хроника упоминают о падении с лошади, но ничего не говорят об ушибе; но так как эта подробность весьма правдоподобна и, по всей вероятности, не была выдумана, то мы можем положиться на свидетельство грека четырнадцатого столетия Никифора Каллиста.

⁶⁰ «Pulcheriae nutu, – говорит граф Марцеллин, – sua cum avaritia interemptus est». Она предоставила евнуха мщению сына, отец которого пострадал по его вине.

продажной и притеснительной администрации, и его собственный пример придавал вес и силу тем законам, которые он издал для исправления нравов.⁶¹

ВТОРЖЕНИЕ АТТИЛЫ В ГАЛЛИЮ. ОН ОТРАЖЕН АЭЦИЕМ И ВИЗИГОТАМИ. АТТИЛА ВТОРГАЕТСЯ В ИТАЛИЮ И ОЧИЩАЕТ ЕЕ. СМЕРТЬ АТТИЛЫ, АЭЦИЯ И ВАЛЕНТИНИАНА III

Аттила угрожает обеим империям и готовится к вторжению в Галлию (450 г.). – Характер Аэция и его управление (433–454 гг.). – Его сношения с гуннами и с аланами. – Визиготы в Галлии во время царствования Теодорика (419–451 гг.). – Готы осаждают Нарбонну и пр. (435–439 гг.). – Франки в Галлии под управлением королей Меровингов (420–451 гг.). – Приключения принцессы Гонории. – Аттила вторгается в Галлию и осаждает Орлеан (451 г.). – Союз римлян с визиготами. – Аттила отступает на равнины Шампани. – Битва при Шалоне. – Отступление Аттилы. – Аттила вторгается в Италию (452 г.). – Основание Венецианской республики. – Аттила дарует римлянам мир. – Смерть Аттилы (453 г.). – Распадение его владений. – Валентиниан убивает патриция Аэция и насилует жену Максима (454 г.). – Смерть Валентиниана (455 г.). – Признаки упадка и разрушения римского владычества

Маркиан держался того мнения, что войн следует избегать, пока есть возможность сохранять надежный мир без унижения своего достоинства; но он вместе с тем был убежден, что мир не может быть ни почетным, ни прочным, если монарх обнаруживает малодушное отвращение к войне. Это сдержанное мужество и внушило ему ответ, данный на требования Аттилы, который нагло торопил его уплатой ежегодной дани. Император объявил варварам, что они впредь не должны оскорблять достоинство Рима употреблением слова «дань», что он готов с надлежащей щедростью награждать своих союзников за их преданность, но что, если они позволят себе нарушать общественное спокойствие, они узнают по опыту, что у него есть достаточно и войск, и оружия, и мужества, чтобы отразить их нападения. Таким же языком выражался, даже в лагере гуннов, его посол Аполлоний, смело отказавшийся от выдачи подарков, пока не будет допущен до личного свидания с Аттилой, и обнаруживший по этому случаю такое сознание своего достоинства и такое презрение к опасности, каких Аттила никак не мог ожидать от выродившихся римлян.⁶² Аттила грозил, что накажет опрометчивого Феодосиева преемника, но колебался, на которую из двух империй прежде всего направить свои неотразимые удары. В то время как человечество с трепетом ожидало его решений, он отправил ко дворам равеннскому и константинопольскому послов, которые обратились к двум императорам с одним и тем же высокомерным заявлением: «И мой и твой повелитель Аттила приказывает тебе немедленно приготовить дворец для его приема».⁶³ Но

⁶¹ Прокопий, *De Bello Vandal.*, I, 4; Евагрий, II, 1; Феофан, с. 90, 91; *Novel, ad calcem Кодекс Феодосия*, т. VI, с. 30. Похвалы, которыми осыпали Маркиана св. Лев и католики, были тщательно переписаны Баронием для поощрения будущих монархов. [Зонара, на которого ссылается Нибур (*Лекции о римской истории*, ч. I, с. 65), очень подробно излагает (XIII, 45) условия, на которых Пульхерия предложила Маркиану императорское звание и которые он принял. Он царствовал в течение трех лет в качестве ее супруга, а после ее смерти и до конца своей жизни оставался всеми признанным повелителем Востока. Его строгие эдикты против еретиков могут быть приписаны ее влиянию и тревожному положению церкви. Впрочем, он старался понемногу сдерживать честолюбие духовенства. По его совету Халкедонский собор отменил постановление Эфесского собора, низложил свирепого египетского архиепископа Диоскура и восстановил в их прежнем звании Феодорета и других изгнанных епископов. – *Изд.*]

⁶² См.: Приск, с. 39–72.

⁶³ Александрийская, или Пасхальная, хроника, относящая это дерзкое требование к тому времени, когда еще был жив Феодосий, могла ошибиться указанием времени; но тупоумный летописец был не способен подделаться под отличительный тон Аттилы.

поскольку варварский монарх презирал, или делал вид, что презирает, восточных римлян, которых так часто побеждал, то он скоро объявил о своей решимости отложить легкое завоевание до тех пор, пока не доведет до конца более блестящего и более важного предприятия. Когда гунны вторгались в Галлию и в Италию, их естественным образом влекли туда богатство и плодородие тех провинций; но мотивы, вызвавшие нашествие Атиллы, можно объяснить лишь тем положением, в котором находилась Западная империя в царствование Валентиниана или, выражаясь с большей точностью, под управлением Аэция.⁶⁴

После смерти своего соперника Бонифация Аэций из предосторожности удалился к гуннам и был обязан их помощи и своей личной безопасностью, и тем, что власть снова перешла в его руки. Вместо того чтобы выражаться умоляющим тоном преступного изгнанника, он стал просить помилования, став во главе шестидесяти тысяч варваров, а императрица Плацидия доказала слабостью своего сопротивления, что ее снисходительность должна быть приписана не милосердию, а ее бессилию и страху. Она отдала и себя, и своего сына Валентиниана, и всю Западную империю в руки дерзкого подданного и даже была не в состоянии оградить Бонифациева зятя, добродетельного и преданного ей Себастиана,⁶⁵ от неумолимого преследования, которое заставило его переходить из одной провинции в другую до тех пор, пока он не лишился жизни на службе у вандалов. Счастливый Аэций, немедленно вслед за тем возведенный в звание патриция и три раза удостаивавшийся отличий консульского звания, был назначен главным начальником кавалерии и пехоты и сосредоточил в своих руках всю военную власть, а современные писатели иногда давали ему титул герцога или военачальника западных римлян. Скорее из благоразумия, чем из сознания своего долга он оставил порфиру на плечах Феодосиева внука, так что Валентиниан мог наслаждаться в Италии спокойствием и роскошью, в то время как патриций выдвигался вперед во всем блеске героя и патриота, в течение почти двадцати лет поддерживавшего развалины Западной империи. Готский историк простодушно утверждает, что Аэций был рожден для спасения Римской республики,⁶⁶ а следующий портрет хотя и нарисован самыми привлекательными красками, тем не менее содержит в себе более правды, чем лести. «Его мать была богатой и знатной итальянкой, а его отец Гауденций, занимавший выдающееся место в скифской провинции, мало-помалу возвысился из звания военного слуги до должности начальника кавалерии. Их сын, почти с самого детства зачисленный в гвардию, был отдан в качестве заложника сначала Алариху, а потом гуннам и мало-помалу достиг при дворе гражданских и военных отличий, на которые ему давали право его высокие личные достоинства. Обладая приятной наружностью, Аэций был небольшого роста, но его сложение вполне отвечало требованиям физической силы, красоты и ловкости, и он отличался особенным искусством в воинских упражнениях – в верховой езде, стрельбе из лука и метании дротика. Он мог терпеливо выносить лишение пищи и сна, и как его ум, так и

⁶⁴ Вторая книга *Histoire Critique de Vétablissement de la Monarchie Française dans les Gaules* (ч. I, с. 189–424) бросает яркий свет на положение Галлии в то время, когда она подверглась нашествию Атиллы; но ее остроумный автор аббат Дюбо слишком часто запутывается в разных системах и догадках.

⁶⁵ Виктор Витенский (*de Persecut. Vandal.*, I, 6) называет его *acer consilio et strenuus in bello*; но когда его постигли несчастья, его мужество считалось за безрассудную опрометчивость, и Себастиану дали, быть может, заслуженное прозвание *proceps* (Сидоний Аполлинарий, *Carmina*, IX, 181). О его похождениях в Константинополе, на Сицилии, в Галлии, Испании и Африке лишь слегка упоминается в хрониках Марцеллина и Идация. В то время когда он находился в бедственном положении, его постоянно сопровождали многочисленные приверженцы, так как он был в состоянии опустошать берега Геллеспонта и Пропонтиды и овладеть городом Барселоной.

⁶⁶ «*Reipublicae Romanae singulariter natus, qui super biam Suevorum Francorumque barbariem immensis caedibus servire imperio Romano coegisset*» (Иордан, *De Rebus Geticis*, гл. 34).

его тело были одинаково способны к самым напряженным усилиям. Он был одарен тем неподдельным мужеством, которое способно презирать не только опасности, но и обиды, а непоколебимую честность его души нельзя было ни подкупить, ни ввести в заблуждение, ни застрашать».⁶⁷ Варвары, поселившиеся в западных провинциях на постоянное жительство, мало-помалу привыкли уважать добросовестность и мужество патриция Аэция. Он укрощал их страсти, применялся к их предрассудкам, взвешивал их интересы и сдерживал честолубие. Своевременно заключенный им с Гензерихом мирный договор предохранил Италию от нашествия вандалов; независимые британцы молили его о помощи и сознавали всю цену оказанного им покровительства; в Галлии и в Испании императорская власть была восстановлена, и он заставил побежденных им на поле брани франков и свевов сделаться полезными союзниками республики.

И из личных интересов, и из признательности он старательно поддерживал дружеские сношения с гуннами. В то время как он жил в их палатках в качестве заложника и в качестве изгнанника, он был в близких отношениях с племянником своего благодетеля самим Аттилой; эти два знаменитых антагониста, как кажется, были связаны узами личной дружбы и военного товарищества, которые были впоследствии скреплены обоюдными подарками, частыми посольствами и тем, что сын Аэция Карпилион воспитывался в лагере Аттилы. Изъявлениями своей признательности и искренней привязанности патриций старался прикрывать опасения, которые внушал ему скифский завоеватель, угрожавший обеим империям своими бесчисленными армиями. Требования Аттилы Аэций или удовлетворял, или устранял под благовидными предложениями. Когда тот заявил свои притязания на добычу завоеванного города, – на какие-то золотые сосуды, захваченные обманным образом, – гражданский и военный губернаторы Норика были немедленно командированы с поручением удовлетворить его желания,⁶⁸ а из разговора, происходившего у них в царской деревне с Максиминем и Приском, видно, что ни мужество, ни благоразумие Аэция не спасли западных римлян от позорной необходимости уплачивать дань. Впрочем, изворотливая политика Аэция продлила пользование выгодами мира, а многочисленная армия гуннов и аланов, которым он успел внушить личную к себе привязанность, помогала ему в обороне Галлии. Две колонии этих варваров он предусмотрительно поселил на территориях Валенсии и Орлеана,⁶⁹ а их ловкая кавалерия оберегала важные переправы через Рону и Луару. Правда, эти варварские союзники были не менее страшны для подданных Рима, чем для его врагов. Они расширяли свои первоначальные поселения путем необузданных насилий, а провинции, через которые они проходили, терпели все бедствия неприятельского нашествия.⁷⁰ Не имея ничего общего ни с императором, ни с республикой,

⁶⁷ Автор этой характеристики – Ренат Фригерид, современный историк, известный только по некоторым отрывкам, которые сохранились у Григория Турского (II, 8). Ренат превозносил достоинства Аэция, вероятно, или по обязанности, или по меньшей мере из личных интересов, но с его стороны было бы более прилично не настаивать на терпимости Аэция и его готовности прощать обиды.

⁶⁸ Это посольство состояло из графа Ромула, из президента Норика Промота и военного герцога Романа. Их сопровождал знатный гражданин из находившегося в той же провинции города Петовио Татулл, отец Ореста, женатого на дочери графа Ромула (см.: Приск, с. 57, 65). Кассиодор (*Variorum*, IV) упоминает о другом посольстве, которое состояло из его отца и Аэдиева сына Карпилиона, а так как в ту пору Аттилы уже не было в живых, то послы могли безопасно хвастаться неустрашимостью, выказанной ими при свидании с царем гуннов.

⁶⁹ «Deserta Valentinae urbis rura Alanis partienda traduntur» (*Хроника* Проспера Тиро в *Historiens de France*, т. I, с. 639). Несколькими строками ниже Проспер замечает, что для аланов были отведены земли в Галлии *ulterior*. Основательное предположение, что существовали две колонии или два гарнизона аланов, подтвердит доводы Дюбо и устранит его возражения, не требуя согласия на его поправки (т. I, с. 300).

⁷⁰ См.: Проспер Тиро, с. 639. Сидоний Аполлинарий (*Panegy. Avit.*, 246) высказывает следующие жалобы от имени своей родины Оверни:

поселившиеся в Галлии аланы были преданы лишь честолюбивому Аэцию, и, хотя он мог опасаться, что в случае борьбы с самим Атилией они снова станут под знамя своего национального повелителя, патриций старался не разжигать, а сдерживать их ненависть к готам, бургундам и франкам.

Королевство, основанное визиготами в южных провинциях Галлии, мало-помалу окрепло и упрочилось, а поведение этих честолюбивых варваров как в мирное, так и военное время требовало постоянной бдительности со стороны Аэция. После смерти Валлии готский скипетр перешел к сыну великого Алариха⁷¹ Теодориду, а благополучное, продолжавшееся более тридцати лет царствование Теодорида над буйным народом может быть принято за доказательство того, что его благоразумие опиралось на необычайную энергию, и умственную и физическую. Не довольствуясь тесными пределами своих владений, Теодорид пожелал присоединить к ним богатый центр управления и торговли – Арль, но этот город был спасен благодаря благовременному приближению Аэция; а после того как готский царь был вынужден снять осаду не без потерь и не без позора, его убедили принять приличную субсидию с тем условием, что он направит воинственный пыл своих подданных на войну в Испании. Тем не менее Теодорид выжидал благоприятную минуту для возобновления своей попытки и, лишь только она представилась, немедленно ею воспользовался. Готы осадили Нарбонну, меж тем как бельгийские провинции подверглись нападению бургундов, и можно было подумать, что враги Рима сговорились одновременно напасть на империю со всех сторон. Но деятельность Аэция и его скифской кавалерии оказала со всех сторон мужественное и успешное сопротивление. Двадцать тысяч бургундов легли на поле сражения, и остатки этой нации смиренно согласились поселиться среди гор Савойи в зависимости от императорского правительства.⁷² Стены Нарбонны сильно пострадали от осадных машин и жители уже были доведены голодом до последней крайности, когда граф Литорий неожиданно подошел к городу и, приказав каждому кавалеристу привязать к седлу

Litorius Scythicos equites tunc forte subacto
Celsus Aremorico, Geticum rapiebat in agmen
Per terras, Arverne, tuas, qui proxima quaeque
Discursu, flammis, ferro, feritate, rapinis,
Delebant; pacis fallentes nomen inane.

Другой поэт, Павлин из Перигора, подтверждает эти жалобы (см.: Дюбо, т. I, с. 330):

Nam socium vix ferre queas, qui durior hoste.

⁷¹ Сын Теодорида Теодорих объявил Авиту о своей решимости исправить или загладить ошибки, сделанные его дедом.

Quae noster peccavit avus, quem fuscet id unum,
Quod te, Roma, capit.

Сидоний Аполлинарий, *Panegy. Avit.*, 505

Эти черты, применимые только к великому Алариху, устанавливают генеалогию готских царей, но до сих пор оставались без внимания. [Нет никаких указаний на то, что Аларих оставил после себя сына, а употребленное Сидонием Аполлинарием выражение так неопределенно, что из него нельзя делать такого вывода. Феодосий I был пожилым человеком в 451 г., когда он пал в битве при Шалоне («matura senectute», Иордан, гл. 40). Если бы он был законным наследником престола, его не заменил бы в 410 г. его дядя Адольф, а в 415 г. Валлий. – *Изд.*]

⁷² У Аммиана Марцеллина впервые встречается название *Sapaudia*, от которого произошло название Савойи, а *Notitia* удостоверяют, что в этой провинции содержались два военных поста; в Гренобле, в Дофинэ, стояла одна когорта, а в Эбредунуме, или Ивердоне, стоял флот из мелких судов, господствовавший на Невшатальском озере (см.: Валуа, *Notit. Galliarum*, с. 503; Анвилль, *Notice de l'Ancienne Gaule*, с. 284–579).

по два мешка муки, пробился сквозь укрепления осаждающих. Готы немедленно сняли осаду и лишились восьми тысяч человек в более решительном сражении, успех которого приписывался личным распоряжениям самого Аэция. Но в отсутствие патриция, торопливо отозванного в Италию какими-то общественными или личными интересами, главное начальство перешло к графу Литорию; его самоуверенность скоро доказала, что для ведения важных военных действий требуются совершенно иные дарования, чем для командования кавалерийским отрядом. Во главе армии гуннов он опрометчиво приблизился к воротам Тулузы с беспечным пренебрежением к такому противнику, который научился в несчастьях осмотрительности и находился в таком положении, что был доведен до отчаяния. Предсказания авгуров внушили Литорию нечестивую уверенность, что он с триумфом вступит в столицу готов, а доверие к его языческим союзникам побудило его отвергнуть выгодные мирные условия, которые были неоднократно предложены ему епископами от имени Теодорида. Король готов, напротив того, выказал в этом бедственном положении христианское благочестие и умеренность и только для того, чтобы готовиться к бою, отложил в сторону свою власяницу и пепел, которым посыпал свою голову. Его солдаты, воодушевившись и воинственным и религиозным энтузиазмом, напали на лагерь Литория. Борьба была упорна, и потери были значительны с обеих сторон. После полного поражения, которое могло быть приписано только его неспособности и опрометчивости, римский генерал действительно прошел по улицам Тулузы, но не победителем, а побежденным, а бедствия, испытанные им во время продолжительного нахождения в позорном плену, возбуждали сострадание даже в варварах.⁷³ В стране, давно уже истощившей и свое мужество, и свои финансы, было нелегко загладить такую потерю, и готы, в свою очередь воодушевившиеся честолюбием и жадной мщеньем, водрузили бы свои победоносные знамена на берегах Роны, если бы присутствие Аэция не ободрило римлян и не восстановило среди них дисциплину.⁷⁴ Обе армии ожидали сигнала к решительной битве, но каждый из главнокомандующих сознавал силу своего противника и не был уверен в своем собственном превосходстве; поэтому они благоразумно вложили свои мечи в ножны на самом поле сражения, и их примирение было прочным и искренним. Король визиготов Теодорид, как кажется, был достоин любви своих Подданных, доверия своих союзников и уважения человеческого рода. Его трон был окружен шестью храбрыми сыновьями, с одинаковым старанием изучавшими и упражнения варварского лагеря, и то, что преподавалось в галльских школах: изучение римской юриспруденции познакомило их по меньшей мере с теорией законодательства и отправления правосудия, а чтение гармоничных стихов Вергилия смягчило врожденную суровость их нравов.⁷⁵ Две дочери готского короля были

⁷³ Сальвиан попытался объяснить нравственное управление Божества; чтобы выполнить эту задачу, стоит только предположить, что бедствия, постигающие негодных людей, суть обвинительные приговоры, а бедствия, постигающие людей благочестивых, суть испытания.

74

...Capto terrarum damna patebant
Litorio, in Rhodanum proprios producere fines,
Theudoridae fixum; nec erat pugnare necesse,
Sed migrare Getis; rabidam trux asperat iram
Victor, quod sensit Scythicum sub moenibus hostem
Imputat, et nihil est gravius, si forsitan unquam
Vincere contingat, trepido...

Panegy. Avit. , 300

Затем Сидоний Аполлинарий, по долгу панегириста, приписывает все заслуги не Аэцию, а его министру Авиту.

⁷⁵ Теодорих уважал в лице Авита своего наставника.

...Mihi Romula dudum

выданы замуж за старших сыновей тех королей свевов и вандалов, которые царствовали в Испании и в Африке, но эти блестящие браки привели лишь к преступлениям и к раздорам. Королеве свевов пришлось оплакивать смерть мужа, безжалостно убитого ее братом. Вандальская принцесса сделалась жертвой недоверчивого тирана, которого она называла своим отцом. Жестокосердый Гензерих заподозрил жену своего сына в намерении отравить его; за это воображаемое преступление она была наказана тем, что у нее отрезали нос и уши, и несчастная дочь Теодорида была с позором отправлена назад в Тулузу в этом безобразном виде. Этот бесчеловечный поступок, который показался бы неправдоподобным в цивилизованном веке, вызывал слезы из глаз каждого зрителя, но Теодорид и как отец и как царь захотел отомстить за такое непоправимое зло. Императорские министры, всегда радовавшиеся раздорам между варварами, охотно снабдили бы готов оружием, кораблями и деньгами для африканской войны, и жестокосердие Гензериха могло бы оказаться гибельным для него самого, если бы хитрый вандал не привлек на свою сторону грозные силы гуннов. Его богатые подарки и настоятельные просьбы разожгли честолюбие Атиллы, и вторжение в Галлию помешало Аэцию и Теодориду привести в исполнение их намерения.⁷⁶

Франки, до тех пор еще не успевшие расширить пределы своей монархии далее окрестностей Нижнего Рейна, имели благоразумие упрочить за знатным родом Меровингов⁷⁷ наследственное право на престол. Этих монархов поднимали на щите, который был символом военачальства,⁷⁸ а обыкновение носить длинные волосы было отличительным признаком их знатного происхождения и звания. Их тщательно расчесанные белокурые локоны развевались над спиной и плечами, меж тем как все их подданные были обязаны, в силу или закона или обычая, выбривать свои затылки, зачесывать волосы наперед и довольствоваться ношением небольших усиков.⁷⁹ Высокий рост франков и их голубые

Per te jura placent: parvumque ediscere jussit
Ad tua verba pater, dociti quo prisca Maronis
Carminе molliret Scythicos mini pagina mores.

Сидоний Аполлинарий, *Panegy. Avit.*, 495

⁷⁶ При описании царствования Теодорида авторитетами служат для нас: Иордан, *De Rebus Geticis* (гл. 34–36), *Хроники* Идация и два Проспера, произведения которых помещены в первом томе *Historiens de France* (с. 612–640). К этим источникам мы можем прибавить Сальвиана (*De Gubernatione Dei*, IV, 243–245) и написанный Сидонием Аполлинарием *Панегирик Авиту*.

⁷⁷ «Reges Grinitos se creavisse de prima, et ut ita dicam nobiliore suorum familia» (Григорий Турский, кн. II, гл. 9, с. 166 во втором томе *Historiens de France*). Сам Григорий не упоминает имени Меровингов, которое, однако, было с начала седьмого столетия отличительным названием королевского семейства и даже французской монархии. Один остроумный критик утверждал, что Меровинги происходили от великого Марободуя, и ясно доказал, что этот монарх, давший свое имя первому королевскому роду, был древнее Хильдерихова отца (см.: *Memoires de l'Academie des Inscriptions*, т. XX, с. 52–90; т. XXX, с. 557–587). [Этот «остроумный критик» – герцог Нивернуа. О наследственном праве рода на верховную власть уже было упомянуто в гл. XXXI как об одном из очень древних готских обычаев или законов. Поэтому возможно, что это право существовало у франков еще во времена Марободуя. Но оно подверглось у них изменениям, так что территория умершего монарха делилась поровну между его сыновьями. Мнения, высказанные об этом предмете Гиббоном в другом примечании, можно сопоставить с мнениями Галлама (ч. I, с. 5), который приходит к тем же выводам. Ссора между Меровеєм и его братом, вероятно, была вызвана спорами о доле каждого из них. – *Изд.*]

⁷⁸ Этот германский обычай можно проследить со времен Тацита до времен Григория Турского; в конце концов он был усвоен константинопольскими императорами. На основании одной рукописи десятого столетия Монфокон описал подобную церемонию, которую по невежеству того времени относили к царю Давиду (см.: *Monumens de la Monarchie Francaise*, т. I, *Discours Preliminaire*).

⁷⁹ «Caesaries proluxa... crinium flagellis per terga dimissis, etc.» (см. предисловие к третьей части *Historiens de France* и диссертацию аббата ле Бёфа, т. III, с. 47–79). О существовании этого обычая Меровингов свидетельствуют и туземные и иностранные писатели: Приск (т. I, с. 608), Агафий (II, 49) и Григорий Турский

глаза обнаруживали их германское происхождение; их узкое платье обрисовывало формы их тела; они носили тяжелый меч, висевший на широкой перевязи, и прикрывали себя большим щитом; эти воинственные варвары с ранней молодости учились бегать, прыгать и плавать, учились с удивительной меткостью владеть дротиком или боевой секирой, не колеблясь нападать на более многочисленного неприятеля и, даже умирая, поддерживать воинскую репутацию своих предков.⁸⁰ Первый из их длинноволосых королей Клодион, имя и подвиги которого имеют историческую достоверность, постоянно жил в Диспаргуме⁸¹ – деревне или крепости, находившейся, по всей вероятности, между Лувеном и Брюсселем. От своих шпионов король франков узнал, что Бельгия Вторая, при своем беззащитном положении, будет не в состоянии отразить самое слабое нападение его храбрых подданных. Он отважно проник сквозь чащу и болота Карбонарийского леса,⁸² занял Дорник и Камбрэ – единственные города, существовавшие там в пятом столетии, и распространил свои завоевания до реки Соммы, над безлюдной местностью, которая только в более позднее время была возделана и населена.⁸³ В то время как Клодион стоял лагерем на равнинах Артуа⁸⁴ и праздновал с тщеславной беззаботностью чье-то бракосочетание, – быть может, бракосочетание своего сына, – свадебное пиршество было прервано неожиданным и неуместным появлением Аэция, перешедшего через Сомму во главе своей легкой кавалерии. Столы, расставленные под прикрытием холма вдоль берегов живописной речки, были опрокинуты; франки были смяты прежде, чем успели взяться за оружие и выстроиться для битвы, и их бесполезная храбрость оказалась гибельной лишь для них самих. Следовавший за ними обоз доставил победителю богатую добычу, а случайности войны отдали невесту и окружавших ее девушек в руки новых любовников. Этот успех, достигнутый Аэцием благодаря его искусству и предприимчивости, мог бы набросить некоторую тень на воинскую предусмотрительность Клодиона, но король франков скоро восстановил свои силы и свою репутацию и удержал за собой обладание галльским королевством от берегов Рейна до берегов Соммы.⁸⁵ В его царствование, по всей вероятности, вследствие неусидчивого

(III, 18; VI; 24; VIII, 10; т. II, с. 196, 278, 316).

⁸⁰ См. оригинальное описание внешности, одеяния, вооружения и характера древних франков у Сидония Аполлинария (*Panegy. Majorian.*, 238–254); такие описания хотя и грубы, но имеют существенное внутреннее достоинство. Отец Даниэль (*Hist. de la Milice Francaise*, т. I, с. 2–7) пояснил это описание.

⁸¹ Дюбо, *Hist. Critique ets.*, т. I, с. 271, 272. Некоторые географы полагали, что Диспаргум находился на германской стороне Рейна (см. примеч. бенедиктинских издателей к *Historiens de France*, т. II, с. 166).

⁸² Карбонарийский лес составлял ту часть большого Арденнского леса, которая лежит между Шельдой и Маасом (*Valua, Notit. Galliarum*, с. 126).

⁸³ Григорий Турский, II, 9; т. II, с. 166, 167; Фредегарий, *Epitom.*, гл. 9, с. 395; *Gesta Regnum Francorum*, т. II, с. 544; *Vit. St. Remig. ad Hincmar*, т. III, с. 373.

84

...Francus qua Cloio patentes
Atrebatum terras pervaserat...

Panegy. Majorian., 212

Это был город или деревня, носившая название *Vicus Helena*; новейшие географы отыскиали и это название, и это место в Ленсе (Lens) (см.: *Valua, Notit. Galliarum*, с. 246; Лонгерю, *Description de la France*, т. II, с. 88).

⁸⁵ См. неясный рассказ об этом сражении у Сидония Аполлинария в *Panegy. Majorian.* (212–230). Французские критики, торопившиеся основать свою монархию в Галлии, извлекали сильный аргумент из молчания Сидония, не осмелившегося заметить, что побежденные франки были вынуждены обратно перейти за Рейн (Дюбо, т. I, с. 332).

характера его подданных, три столицы – Майнц, Трир и Кёльн – испытали на себе вражеское жестокосердие и алчность. Бедственное положение Кёльна продолжалось довольно долго вследствие того, что он оставался под властью тех самых варваров, которые удалились из разрушенного Трира, а Трир, в течение сорока лет подвергшийся четыре раза осаде и разграблению, старался заглушить воспоминание о пережитых бедствиях пустыми развлечениями цирка.⁸⁶ После смерти Клодиона, царствовавшего двадцать лет, его королевство сделалось театром раздоров и честолюбия двух его сыновей. Младший из них, Мервей,⁸⁷ стал искать покровительства Рима; он был принят при императорском дворе как союзник Валентиниана и как приемный сын патриция Аэция и возвратился на родину с великолепными подарками и с самыми горячими уверениями в дружбе и в готовности оказать ему помощь. Его старший брат, в его отсутствие, искал с таким же рвением помощи Аттилы, и царь гуннов охотно вступил в союз, облегчавший ему переправу через Рейн и доставлявший ему благовидный предлог для вторжения в Галлию.⁸⁸

Когда Аттила объявил о своей готовности вступить за своих союзников вандалов и франков, этот варварский монарх, увлекаясь чем-то вроде романтического рыцарства, в то же время выступил в качестве любовника и витязя принцессы Гонории. Сестра Валентиниана воспитывалась в равеннском дворце, а поскольку ее вступление в брак могло в некоторой мере грозить опасностью для государства, то ей был дан титул «августа»⁸⁹ для того, чтобы никто из подданных не осмеливался заявлять притязания на ее сердце. Но едва успела прекрасная Гонория достигнуть пятнадцати лет, как ей стало невыносимо докучливое величие, навсегда лишавшее ее наслаждений искренней сердечной привязанности. Гонория томилась тоской среди тщеславной и не удовлетворявшей ее роскоши и наконец, отдавшись своим естественным влечениям, бросилась в объятия своего камергера Евгения. Признаки беременности скоро обнаружили тайну ее вины и позора (такова нелепая манера выражаться, усвоенная деспотизмом мужчин), но бесчестие императорского семейства сделалось всем известным вследствие непредусмотрительности императрицы Плацидии, которая подвергла свою дочь строгому и постыдному затворничеству, а затем отправила ее в ссылку в Константинополь. Несчастливая принцесса провела лет двенадцать или четырнадцать в

⁸⁶ Сальвиан (*de Gubernatione Dei*, VI) описал туманным и напыщенным слогом бедствия этих трех городов, ясно рассказанные у Маску в его *Истории древних германцев* (IX, 21). [Трир был резиденцией императоров и, вероятно, должен был более других городов пострадать от опустошительных нашествий. Если же он подвергся четырем таким нашествиям в течение сорока лет, то, вероятно, или быстро от них оправился, или не представлялось повода для возобновления этих нападений. Тот факт, что там был цирк и находились денежные средства для устройства в нем игр, не может служить доказательством его бедственного положения, которое становится еще более сомнительным ввиду того, что своим безуспешным сопротивлением он попытался остановить наступление Аттилы (Шмидт, I, 175). О древнем великолепии Трира см.: Виттенбах, *Римские древности города Трира*. изд. Даусона Тернера, Лондон, 1839. – Изд.]

⁸⁷ Приск, описывая эту вражду, не называет двух братьев по имени; второго из них он видел в Риме безбородым юношей с длинными развевающимися волосами (*Historiens de France*, т. I, с. 607, 608). Бенедиктинские издатели склоняются к тому мнению, что это были сыновья какого-нибудь неизвестного короля франков, царствовавшего на берегах Неккера, но аргументы Фонсеманя (*Mem. de l'Academie ets.*, т. VIII, с. 464), по-видимому, доказывают, что наследство Клодиона оспаривалось его двумя сыновьями и что младший из этих сыновей был отец Хильдериха Мервей.

⁸⁸ Под управлением рода Мервингов престол был наследственным, но все сыновья умершего монарха имели право на равную долю из его сокровищ и из его территориальных владений (см. диссертации Фонсеманя в шестом и восьмом томах *Mem. de l'Academie ets.*).

⁸⁹ До сих пор сохранилась медаль с изображением красавицы Гонории, украшенной титулом «августа»; на оборотной стороне медали, вокруг монограммы Христа, сделана неуместная надпись: *Salus Reipublicae* (см.: Дюканж, *Familiae Byzantinae*, с. 67–73). [Эктель (VIII, 189) приписывает льстивые надписи на ее медалях, которые, вероятно, были вычеканены в то время, когда ей было только три года. – Изд.]

скучном обществе сестер Феодосия и их избранных подруг, не имея никакого права на украшавший их венец целомудрия и неохотно подражая монашескому усердию, с которым они молились, постились и присутствовали на всенощных бдениях. Соскучившись таким продолжительным и безвыходным безбрачием, она решилась на странный и отчаянный поступок. Имя Атиллы было всем хорошо знакомо в Константинополе и на всех наводило страх, а часто приезжавшие гуннские послы постоянно поддерживали отношения между его лагерем и императорским двором. Своим любовным влечениям или, вернее, своей жаждой мщения дочь Плацидии принесла в жертву и свои обязанности, и свои предубеждения; она предложила отдаться в руки варвара, который говорил на незнакомом ей языке, у которого была почти нечеловеческая наружность и к религии и нравам которого она питала отвращение. Через одного преданного ей евнуха она переслала Атилле кольцо в залог своей искренности и настоятельно убеждала его предъявить на нее свои права как на свою законную невесту, с которой он втайне помолвлен. Однако эти непристойные заискивания были приняты холодно и с пренебрежением, и царь гуннов не переставал увеличивать число своих жен до тех пор, пока более сильные страсти – честолюбие и корыстолюбие – не внушили ему любовного влечения к Гонории. Формальное требование руки принцессы Гонории и полагающейся ей доли из императорских владений предшествовало вторжению в Галлию и послужило для него оправданием. Предшественники Атиллы, древние танжу, нередко обращались с такими же высокомерными притязаниями к китайским принцессам, а требования царя гуннов были не менее оскорбительны для римского величия. Его послам было решительно отказано, но в мягкой форме. Хотя в пользу наследственных прав женщин и можно было бы сослаться на недавние примеры Плацидии и Пульхерии, эти права были решительно отвергнуты, и на притязания скифского любовника ответили, что Гонория уже связана такими узами, которые не могут быть расторгнуты.⁹⁰ Когда ее тайные сношения с царем гуннов сделались известны, преступная принцесса была выслана из Константинополя в Италию, как такая личность, которая может возбуждать лишь отвращение; ее жизнь пощадили, но, после совершения брачного обряда с каким-то незнатным и номинальным супругом, она была навсегда заключена в тюрьму, чтобы оплакивать там те преступления и несчастья, которых она избежала бы, если бы не родилась дочерью императора.⁹¹

Галльский уроженец и современник этих событий ученый и красноречивый Сидоний, бывший впоследствии клермонским епископом, обещал одному из своих друзей написать подробную историю войны, предпринятой Атилой. Если бы скромность Сидония не отняла у него смелости продолжать этот интересный труд,⁹² историк описал бы нам с безыскусной правдивостью те достопамятные события, на которые поэт лишь вкратце намекал в своих неясных и двусмысленных метафорах.⁹³ Цари и народы Германии и Скифии от берегов

⁹⁰ См.: Приск, с. 39, 40. Можно было бы основательно сослаться на тот факт, что если бы лица женского пола могли вступать по наследству на императорский престол, то сам Валентиниан, будучи женатым на дочери и наследнице Феодосия Младшего, мог бы предъявить свои права на Восточную империю.

⁹¹ Приключения Гонории поверхностно описаны Иорданом (*De Successione Regnum*, гл. 97; *De Rebus Geticis*, гл. 42) и в *Хрониках* Проспера и Марцеллина; но в этих приключениях не было бы ни последовательности, ни правдоподобия, если бы мы не отделили любовную интригу Гонории с Евгением от ее обращения к Атилле промежутком времени и места.

⁹² «Exegeras mihi, ut promitterem tibi, Attilae bellum stylo me posteris intimaturum... coeperam scribere, sed operis arcepti fasce perspecto, taeduit inchoasse» (Сидоний Аполлинарий, VIII, 15).

Волги и, быть может, до берегов Дуная отзывались на воинственный призыв Аттилы. Из царской деревни, лежавшей на равнинах Венгрии, его знамя стало передвигаться к Западу, и, пройдя миль семьсот или восемьсот, он достиг слияния Рейна с Неккером, где к нему присоединились те франки, которые признавали над собой власть его союзника, старшего из сыновей Клодиона. Легкий отряд варваров, бродя в поисках добычи, мог бы дожидаться зимы, чтобы перейти реку по льду, но для бесчисленной кавалерии гуннов требовалось такое громадное количество фуража и провизии, которое можно было добыть только в более мягком климате; Герцинский лес доставил материалы для сооружения плавучего моста, и мириады варваров разлились с непреодолимой стремительностью по бельгийским провинциям.⁹⁴ Всю Галлию объял ужас, а традиция прикрасила разнообразные бедствия, постигшие ее города, рассказами о мучениках и чудесах.⁹⁵ Труа был обязан своим спасением заслугам св. Люпуса, св. Серваций переселился в другой мир для того, чтобы не быть свидетелем разрушения Тонгра, а молитвы св. Женевьевы отклонили наступление Аттилы от окрестностей Парижа. Но поскольку в галльских городах почти не было ни святых, ни солдат, то гунны осаждали их и брали приступом, а на примере Меца⁹⁶ они доказали, что придерживались своих обычных правил войны. Они убивали без разбору и священников у подножия алтарей, и детей, которых епископ спешил окрестить ввиду приближавшейся опасности; цветущий город был предан пламени, и одинокая капелла в честь св. Стефана обозначила то место, где он в ту пору находился. От берегов Рейна и Мозеля Аттила проник в глубь Галлии, перешел Сену подле Оксера и, после продолжительного и трудного похода, раскинул свой лагерь под стенами Орлеана. Он желал обеспечить свои завоевания приобретением выгодного поста, господствующего над переправой через Луару, и полагался на тайное приглашение короля аланов Сангибана,

Bructerus, ulvosa vel quem Nicer abluit unda
 Prorumpit Francus. Cecidit cilo secta bipenni
 Hercynia in lintres, et Rhenum texuit alno.
 Et jam terrificis diffuderat Attila turmis
 In campos se, Belga, tuos.

Panegy. Avit. , 319

⁹⁴ Самое достоверное и подробное описание этой войны находится у Иордана (*De Rebus Geticis* , гл. 36–41), который иногда сокращал, а иногда переписывал более подробный рассказ Кассиодора. Считаю нужным заметить раз и навсегда, что произведения Иордана следует исправлять и объяснять при помощи Григория Турского (II 5–7) и *Хроник* Идация, Исидора и двух Просперов. Все древние свидетельства собраны и помещены в *Historiens de France* , но читателя следует предупредить, что он должен с осторожностью относиться к мнимому извлечению из *Хроники* Идация (в числе отрывков Фредегария, т. II, с. 462), которое часто не сходится с подлинным текстом галльского епископа. [Многочисленные шайки, находившиеся под начальством Аттилы, должно быть, перешли через Рейн в нескольких местах. Тонгр, Вормс, Майнц, Трир, Шпейер и Страсбург были взяты приступом почти одновременно (Шмидт, I. 175). Вблизи от Ренена, в голландском Гвельдерланде, вершина высокой горы окружена старинной стеной, которая до сих пор сохранила название *De Hunnen-Schants* , – гуннского укрепления. Она, вероятно, была сооружена и снабжена гарнизоном для того, чтобы держать в страхе батавов, над островом которых она господствовала. – *Изд.*].

⁹⁵ Древние сочинители легенд заслуживают некоторого внимания, потому что они были вынуждены примешивать к своим вымыслам исторические факты своего времени (см. жизнеописание св. Лупа, св. Аниана, епископов Мецских, св. Женевьевы и др. в *Historiens de France* , т. I, с. 644, 645, 649; т. III с. 369).

⁹⁶ Сомнения, которые высказывает граф де Буа (*Hist. des Peuples de l'Europe* , т. VII, с. 539, 540), не могут быть согласованы ни с каким принципом здравого смысла или здоровой критики. Разве Григорий Турский не точен в своем описании разрушения Меца? Разве по прошествии только ста лет мог он ничего не знать и другие могли ничего не знать о судьбе, постигшей город, который был резиденцией их государей, королей Австразии? Ученый граф, как будто вознамерившись написать апологию Аттилы и варваров, ссылается на ложного Идация («*parcens civitatibus Germaniae et Galliae*») и забывает, что настоящий Идаций говорит «*plurimae civitates effractae*», в числе которых он называет и Мец.

обещавшего изменой выдать ему город и перейти под его знамя. Но этот заговор был открыт и не удался; вокруг Орлеана были возведены новые укрепления, и приступы гуннов были с энергией отражены храбрыми солдатами и гражданами, защищавшими город. Пастырское усердие епископа Аниана, отличавшегося первобытной святостью и необыкновенным благоразумием, истощило все ухищрения религиозной политики на то, чтобы поддержать в них мужество до прибытия ожидаемой помощи. После упорной осады городские стены стали разрушаться от действия метательных машин; гунны уже заняли предместья, а те из жителей, которые были не способны носить оружие, проводили время в молитвах. Аниан, тревожно считавший дни и часы, отправил на городской вал надежного гонца с приказанием посмотреть, не виднеется ли что-нибудь вдаль. Гонец возвращался два раза, не принося никаких известий, которые могли бы внушить надежду или доставить утешение, но в своем третьем донесении он упомянул о небольшом облачке, которое виднелось на краю горизонта. «Это помощь Божия!» – воскликнул епископ тоном благочестивой уверенности, и все присутствовавшие повторили вслед за ним: «Это помощь Божия!» Отдаленный предмет, на который были устремлены все взоры, принимал с каждой минутой более широкие размеры и становился более ясным; зрители стали мало-помалу различать римские и готские знамена, а благоприятный ветер, отнеся в сторону пыль, раскрыл густые ряды эскадронов Аэция и Теодорида, спешивших на помощь к Орлеану.

Легкость, с которой Аттила проник в глубь Галлии, может быть приписана столько же его вкрадчивой политике, сколько страху, который наводили его военные силы. Свои публичные заявления он искусно смягчал приватными заверениями и попеременно то успокаивал римлян и готов, то грозил им; а дворы равеннский и тулузский, относившиеся один к другому с недоверием, смотрели с беспечным равнодушием на приближение их общего врага. Аэций был единственным охранителем общественной безопасности, но самые благоразумные из его распоряжений встречали помеху со стороны партии, господствовавшей в императорском дворце до смерти Плацидии; итальянская молодежь трепетала от страха при звуке военных труб, а варвары, склонявшиеся из страха или из сочувствия на сторону Аттилы, ожидали исхода войны с сомнительной преданностью, всегда готовой продать себя за деньги. Патриций перешел через Альпы во главе войск, которые по своей силе и по своему числу едва ли заслуживали названия армии.⁹⁷ Но когда он прибыл в Арль или в Лион, его смутило известие, что визиготы, отказавшись от участия в обороне Галлии, решили ожидать на своей собственной территории грозного завоевателя, к которому они выказывали притворное презрение. Сенатор Авит, удалившийся в свои имения в Овернь после того, как с отличием исполнял обязанности преторианского префекта, согласился взять на себя важную роль посла, которую исполнил с искусством и с успехом. Он поставил Теодориду на вид, что стремившийся к всемирному владычеству честолюбивый завоеватель может быть остановлен только при энергичном и единодушном противодействии со стороны тех государей, которых он замыслил низвергнуть. Полное огня красноречие Авита воспламенило готских воинов описанием оскорблений, вынесенных их предками от гуннов, которые до сих пор с неукротимой яростью преследовали их от берегов Дуная до подножия Пиренеев. Он настоятельно доказывал, что на каждом христианине лежит обязанность охранять церкви Божьи и мощи святых от нечестивых посягательств и что в интересах каждого из поселившихся в Галлии варваров оберегать возделанные ими для своего пользования поля и виноградники от опустошения со стороны скифских пастухов. Теодорид преклонился перед очевидной основательностью этих доводов, принял те меры, которые

казались ему самыми благоразумными и согласными с его достоинством, и объявил, что в качестве верного союзника Аэция и римлян он готов рисковать и своей жизнью, и своими владениями ради безопасности всей Галлии.⁹⁸ Визиготы, находившиеся в ту пору на вершине своей славы и своего могущества, охотно отозвались на первый сигнал к войне, приготовили свое оружие и коней и собрались под знаменем своего престарелого царя, который решил лично стать во главе своих многочисленных и храбрых подданных вместе со своими двумя старшими сыновьями Торисмундом и Теодорихом. Примеру готов последовали некоторые другие племена или народы, сначала, по-видимому, колебавшиеся в выборе между готами и римлянами. Неутомимая деятельность патриция мало-помалу собрала под одно знамя воинов галльских и германских, которые когда-то признавали себя подданными или солдатами республики, а теперь требовали награды за добровольную службу и ранга независимых союзников; то были леты, арморицианы, брионы, саксы, бургундцы, сарматы или аланы, рипуарии и те из франков, которые признавали Меровея своим законным государем. Таков был разнохарактерный состав армии, которая, под предводительством Аэция и Теодорида, подвигалась вперед форсированным маршем для выручки Орлеана и для вступления в бой с бесчисленными полчищами Аттилы.⁹⁹

При ее приближении царь гуннов немедленно снял осаду и подал сигнал к отступлению для того, чтобы отозвать свои передовые войска, грабившие город, в который они уже успели проникнуть.¹⁰⁰ Мужеством Аттилы всегда руководило его благоразумие, а так как он предвидел пагубные последствия поражения в самом центре Галлии, то он обратно перешел через Сену и стал ожидать неприятеля на равнинах Шалона, которые, благодаря своей гладкой и плоской поверхности, были удобны для операций его скифской кавалерии. Но во время этого беспорядочного отступления авангард римлян и их союзников постоянно теснил поставленные Аттилой в арьергарде войска, а временами и вступал с ними в борьбу; среди ночной темноты колонны двух противников, вероятно, нечаянно сталкивались одна с другой вследствие сбивчивости дорог, а кровопролитное столкновение между франками и гепидами, в котором лишились жизни пятнадцать тысяч¹⁰¹ варваров, послужило прелюдией

⁹⁸ Политика Аттилы, Аэция и визиготов неудовлетворительно описана в *Панегирике* Авита и тридцать шестой главе Иордана. И поэт и историк подчинялись влиянию личных или национальных предрассудков. Первый из них превозносит личные достоинства и значение Авита: «Orbis, Avite, salus! etc»; а последний старается выставить готов в самом благоприятном свете. Впрочем, если понимать как следует то, в чем они сходятся, их единомыслие может быть принято за доказательство их правдивости.

⁹⁹ Состав армии Аэция описан Иорданом (гл. 36). *Леты* были смешанной расой варваров, родившихся или натурализовавшихся в Галлии; название *рипариев*, или *рипуариев*, происходило от занимаемой ими территории на берегах трех рек: Рейна, Мааса и Мозеля; *арморицианы* занимали независимые города между Сеной и Луарой. Одна колония *саксов* была поселена в округе Байё; *бургунды* жили в Савойе, а *брионы* были воинственным племенем ветов, жившим на восточной стороне Констанцкого озера. [Иордан ставит бургундов в число племен, входивших в состав армии Аэция, тогда как цитата из Сидония Аполлинария, приведенная в одном из предшествующих примечаний, ставит их под начальство Аттилы. Франков разъединяли внутренние раздоры, и потому было основание ставить одних на одну сторону, а других на другую. Но бургундов не разъединяли подобные раздоры. Свидетельство историка во всяком случае более надежно, чем свидетельство поэта. Кассиодор находился в таком положении, что мог получить положительные сведения от кого-нибудь из тех, кто был свидетелем битвы. Сидоний, вероятно, не нашел в своем списке такого имени, которое имело бы нужное для его стиха число слогов; поэтому он употребил на удачу имя бургундов. — *Изд.*]

¹⁰⁰ «Aurelia nensis urbis obsidio, oppugnatio, irruptio, nec direptio» (Сидоний Аполлинарий, VIII, 246). Спасение Орлеана нетрудно было приписать чуду, которое святой епископ вымолил и предсказал.

¹⁰¹ В большей части изданий стоит цифра XCM; но, основываясь на авторитете некоторых манускриптов (а в данном случае всякий авторитет может считаться достаточным), мы считаем более правдоподобной цифру XVM.

для более общего и более решительного сражения. Окружавшие Шалон Каталаунские поля,¹⁰² простиравшиеся, по приблизительному вычислению Иордана, на сто пятьдесят миль в длину и на сто миль в ширину, обнимали всю провинцию, носящую в настоящее время название Шампань.¹⁰³ Впрочем, на этой обширной равнине встречались местами неровности, и оба военачальника поняли важность одного возвышения, господствовавшего над лагерем Аттилы, и оспаривали друг у друга обладание им. Юный и отважный Торисмунд первый занял его; готы устремились с непреодолимой силой на гуннов, старавшихся взобраться на него с противоположной стороны, и обладание этой выгодной позицией воодушевило и войска, и их вождя уверенностью в победе. Встревоженный Аттила обратился за советом к своим гаруспикам. Рассказывают, будто гаруспики, рассмотрев внутренности жертв и соскоблив их кости, предсказали ему, в таинственных выражениях, его поражение и смерть его главного противника и что этот варвар, узнав, какое его ожидает вознаграждение, невольно выразил свое уважение к высоким личным достоинствам Аэция. Но обнаружившийся среди гуннов необыкновенный упадок духа заставил Аттилу прибегнуть к столь обычному у древних полководцев средству – к попытке воодушевить свою армию воинственной речью, и он обратился к ней с такими словами, какие были уместны в устах царя, так часто сражавшегося во главе ее и так часто одерживавшего победы.¹⁰⁴ Он напомнил своим воинам об их прежних славных подвигах, об опасностях их настоящего положения и об их надеждах в будущем. Та же самая фортуна, говорил он, которая очистила перед их безоружным мужеством путь к степям и болотам Скифии и заставила столько воинственных народов преклониться пред их могуществом, поберегла радости этого достопамятного дня для довершения их торжества. Осторожные шаги и тесный союз их врагов, равно как занятие выгодных позиций, он выдавал за результат не предусмотрительности, а страха. Одни визиготы составляют настоящую силу неприятельской армии, и гунны могут быть уверены в победе над выродившимися римлянами, которые обнаруживают свой страх, смыкаясь в густые и плотные ряды, и не способны выносить ни опасностей, ни трудностей войны. Царь гуннов старательно проповедовал столь благоприятную для воинских доблестей теорию предопределения, уверяя своих подданных, что воины, которым покровительствуют Небеса, остаются невредимыми среди неприятельских стрел, но что непогрешимая судьба поражает своих жертв среди бесславного спокойствия. «Я сам, – продолжал Аттила, – брошу первый дротик, а всякий негодяй, который не захочет подражать примеру своего государя, обречет себя на неизбежную смерть». Присутствие, голос и пример неустрашимого вождя ободрили варваров, и Аттила, уступая их нетерпеливым требованиям, немедленно выстроил их в боевом порядке. Во главе своих храбрых и лично ему преданных гуннов он занял центр боевой линии. Подвластные ему народы – ругии, герулы, туринги, франки и бургунды – разместились по обеим сторонам на обширных Каталаунских полях; правым крылом

¹⁰² Шалон, называвшийся сначала *Duro Catalaunum*, а впоследствии *Catalauni*, составлял первоначально часть территории Реймса, от которого отстоит только на двадцать семь миль (см.: Валуа, *Notit. Galliarum*, с. 136; Анвилль, *Notice de l'Ancienne Gaule*, с. 212. 279). [Нибур (*Лекции о римской истории*, III, 340) говорит: «Эта великая битва обыкновенно называется Шалонской, с чем я не могу вполне согласиться. Вся Шампань носила название *Campi Catalaunici*; но она так велика, что битва, быть может, происходила на некотором расстоянии от Шалона». – Изд.]

¹⁰³ Название Кампания, или Шампань, часто встречается у Григория Турского; эта обширная провинция, имевшая столицей Реймс, управлялась герцогом (Валуа, *Notit. Galliarum*, с. 120–123).

¹⁰⁴ Мне хорошо известно, что подобные воинственные речи обыкновенно сочиняются самими историками; но служившие под начальством Аттилы престарелые остготы могли сообщить Кассиодору содержание его речи; идеи и даже сами выражения носят на себе оригинальный скифский отпечаток, и я сомневаюсь, чтобы кто-нибудь из живших в шестом столетии итальянцев мог придумать такую фразу: «*Hujus certamimis gaudia*».

командовал царь гепидов Ардарих, а царствовавшие над остготами три храбрых брата поместились на левом крыле напротив родственного им племени визиготов. Союзники при распределении своих военных сил руководствовались иным принципом. Вероломный царь аланов Сангибан был поставлен в центре, так как там можно было строго следить за всеми его движениями и немедленно наказать его в случае измены. Аэций принял главное начальство над левым крылом, а Теодорид – над правым, меж тем как Торисмунд по-прежнему занимал высоты, как кажется, тянувшиеся вдоль фланга скифской армии и, может быть, охватывавшие ее арьергард. Все народы от берегов Волги до Атлантического океана собрались на Шалонской равнине, но многие из этих народов были разъединены духом партий, завоеваниями и переселениями, и внешний вид одинакового оружия и одинаковых знамен у людей, готовых вступить между собой в борьбу, представлял картину междоусобицы.

Военная дисциплина и тактика греков и римлян составляли интересную часть их национальных нравов. Внимательное изучение военных операций Ксенофонта, Цезаря и Фридриха Великого, когда эти операции описаны теми же гениальными людьми, которые их задумали и приводили в исполнение, могло бы способствовать усовершенствованию (если только желательно такое усовершенствование) искусства истреблять человеческий род. Но битва при Шалоне может возбуждать наше любопытство только своим важным значением, так как ее исход был решен смелым натиском варваров, а описывали ее пристрастные писатели, которые по своим профессиям принадлежали к разряду гражданских или церковных должностных лиц и потому вовсе не были знакомы с военным искусством. Впрочем, Кассиодор дружески беседовал со многими из участвовавших в этой достопамятной битве готских воинов; она была, по их словам, «ужасна, долго нерешительна, упорно кровопролитна и вообще такова, что другой подобной не было ни в те времена, ни в прошлые века». Число убитых доходило до ста шестидесяти двух тысяч, а по сведениям из другого источника, до трехсот тысяч;¹⁰⁵ эти неправдоподобные преувеличения были, вероятно, вызваны действительно громадными потерями людей, оправдывавшими замечание одного историка, что безрассудство царей может стирать с лица земли целые поколения в течение одного часа. После того как обе стороны неоднократно осыпали одна другую метательными снарядами, где скифские стрелки из лука могли выказать свою необыкновенную ловкость, кавалерия и пехота обеих армий вступили между собой в яростный рукопашный бой. Сражавшиеся на глазах своего царя гунны пробились сквозь слабый и не вполне надежный центр союзников, отрезали их оба крыла одно от другого и, быстро повернув влево, направили все свои силы на визиготов. В то время как Теодорид проезжал вдоль рядов, стараясь воодушевить свои войска, он был поражен насмерть дротиком знатного остгота Андага и свалился с лошади. Раненого царя сдавили со всех сторон среди общего смятения; его собственная кавалерия топтала его ногами своих коней, и смерть этого знатного противника оправдала двусмысленное предсказание гаруспиков. Аттила уже ликовал в уверенности, что победа на его стороне, когда храбрый Торисмунд спустился с высот и осуществил остальную часть предсказания. Визиготы, приведенные в расстройство бегством или изменой аланов, мало-помалу снова выстроились в боевом порядке, и гунны, бесспорно, были побеждены, так как Аттила был вынужден отступить. Он подвергал свою жизнь опасности с опрометчивой отвагой простого солдата, но его неустрашимые войска, занимавшие центр, проникли за пределы боевой линии; их нападение было слабо поддержано, их фланги не были защищены, и завоеватели Скифии и Германии

¹⁰⁵ Выражения Иордана, или, вернее, Кассиодора, очень энергичны: «*Bellum atrox, multiplex, immane, pertinax, cui simile nulla usquam narrat antiquitas: ubitalia gesta referuntur, ut nihil esset quod in vita conspiceret potuisset egregius, qui hujus miraculi privaretur aspectu*». Дюбо (*Hist. Critique etc.*, т. I, с. 392, 393), стараясь согласовать цифру в сто шестьдесят две тысячи, указанную Иорданом, с тремястами тысячами, о которых говорится у Идация и Исидора, предполагает, что в более крупную цифру входят все погибшие во время войны, как то: умершие от болезней, подвергшиеся избиению безоружные жители и пр.

спаслись от полного поражения только благодаря наступлению ночи. Они укрылись позади повозок, служивших укреплениями для их лагеря, и смешавшиеся эскадроны приготовились к такому способу обороны, к которому не были приспособлены ни их оружие, ни их привычки. Исход борьбы был сомнителен, но Атила приберег для себя последнее и не унижительное для его достоинства средство спасения. Мужественный варвар приказал устроить погребальный костер из богатой конской сбруи и решил – в случае, если бы его укрепленный лагерь был взят приступом, – броситься в пламя и там лишить своих врагов той славы, которую они приобрели бы умерщвлением Атилы или взятием его в плен.¹⁰⁶

Но его противники провели ночь в таком же беспорядке и в тревоге. Увлечшись порывом отчаянной храбрости, Торисмунд продолжал преследование неприятеля до тех пор, пока не очутился в сопровождении немногих приверженцев посреди скифских повозок. Среди суматохи ночного боя готский принц был сброшен с лошади и погиб бы, подобно своему отцу, если бы не был выведен из этого опасного положения своей юношеской энергией и неустрашимой преданностью сотоварищей. Слева от боевой линии сам Аэций, находившийся вдалеке от своих союзников, ничего не знавший об одержанной ими победе и тревожившийся об их участии, точно таким же образом натолкнулся на рассеянные по Шалонской равнине неприятельские войска; спасшись от них, он наконец добрался до лагеря готов и постарался укрепить его до рассвета лишь легким валом из сложенных щитов. Императорский главнокомандующий скоро убедился в поражении Атилы, не выходявшего из-за своих укреплений, а когда он обозрел поле сражения, он с тайным удовольствием заметил, что самые тяжелые потери понесены варварами. Покрытый ранами труп Теодорида был найден под грудой убитых; его подданные оплакивали смерть своего царя и отца, но их слезы перемешивались с песнями и радостными возгласами, а его погребение было совершено на глазах у побежденного врага. Готы, бряцая своим оружием, подняли на щите его старшего сына Торисмунда, которому основательно приписывали честь победы, и новый царь принял на себя обязанность отмщения как священную долю отцовского наследства. Тем не менее сами готы были поражены тем, что их грозный соперник все еще казался бодрым и неустрашимым, а их историк сравнил Атилу с львом, который, лежа в своей берлоге, готовится с удвоенной яростью напасть на окруживших его охотников. Цари и народы, которые могли бы покинуть его знамена в минуту несчастья, были проникнуты сознанием, что гнев их повелителя был бы для них самой страшной и неизбежной опасностью. Его лагерь непрестанно оглашали воинственные звуки, как будто вызывавшие врагов на бой, а передовые войска Аэция, пытавшиеся взять лагерь приступом, были или остановлены, или истреблены градом стрел, со всех сторон летевших на них из-за укреплений. На военном совете было решено осадить царя гуннов в его лагере, не допускать подвоза провианта и принудить его или заключить постыдный для него мирный договор, или возобновить неравный бой. Но нетерпение варваров было не в состоянии долго подчиняться осторожным и мешкотным военным операциям, а здравые политические соображения внушили Аэцию опасение, что после совершенного истребления гуннов республике придется страдать от высокомерия и могущества готской нации. Поэтому патриций употребил влияние своего авторитета и своего ума на то, чтобы смягчить гневное раздражение, которое сын Теодорида считал своим долгом; с притворным доброжелательством и с непритворной правдивостью он поставил Торисмунду на вид, как было бы опасно его продолжительное отсутствие, и убедил его разрушить своим быстрым возвращением честолюбивые замыслы своих братьев, которые могли бы овладеть и тулузским тронem, и тулузскими сокровищами.¹⁰⁷ После

¹⁰⁶ Граф де Буа (*Hist. des Peuple etc.*, т. VII, с. 554–573), все еще ссылаясь на мнимого Идация и отвергая свидетельство настоящего Идация, разделил поражение Атилы на две большие битвы, из которых первая будто бы происходила подле Орлеана, а вторая – в Шампани; в первой из них был убит Теодорид, а во второй состоялось отмщение за эту смерть.

¹⁰⁷ Иордан, *De Rebus Geticis*, гл. 41. И политика Аэция, и образ действий Торисмунда вполне естественны, а по словам Григория Турского (II, 7), патриций отделался от короля франков, внушив ему точно такие же

удаления готов и разъединения союзнической армии Атилы был поражен тишиной, которая воцарилась на Шалонской равнине; подозревая, что неприятель замышляет какую-нибудь военную хитрость, он несколько дней не выходил из-за своих повозок, а его отступление за Рейн было свидетельством последней победы, одержанной от имени западного императора. Меровей и его франки, державшиеся в благоразумном отдалении и старавшиеся внушить преувеличенное мнение о своих силах тем, что каждую ночь зажигали многочисленные огни, не переставали следовать за арьергардом гуннов, пока не достигли пределов Тюрингии. Тюринги служили в армии Атилы; они и во время наступательного движения, и во время отступления проходили через территорию франков и, может быть, именно в этой войне совершали те жестокости, за которые отомстил сын Хлодвиг почти через восемьдесят лет после того. Они умерщвляли и заложников и пленников, двести молодых девушек были преданы ими пытке с изысканным и неумолимым бесчеловечием: их тела были разорваны в куски дикими конями, их кости были искрошены под тяжестью повозок, а оставленные без погребения их члены были разбросаны по большим дорогам на съедение собакам и ястребам. Таковы были те варварские предки, которые в цивилизованные века вызывали похвалы и зависть своими мнимыми добродетелями.¹⁰⁸

От неуспеха галльской экспедиции не ослабели ни мужество, ни военные силы, ни репутация Атилы. В следующую весну он возобновил требование руки принцессы Гонории и ее доли наследства. Это требование было снова отвергнуто, и раздраженный любовник немедленно выступил в поход, перешел через Альпы, вторгся в Италию и осадил Аквилею с бесчисленными сонмищами варваров. Этим варварам не был знаком способ ведения правильной осады, который, даже у древних, требовал некоторого теоретического или по меньшей мере практического знакомства с механическими искусствами. Но руками многих тысяч провинциальных жителей и пленников, жизнь которых не ценилась ни во что, можно было совершать самые трудные и самые опасные работы. Римские знатоки этого дела, быть может, соглашались трудиться из-за денег на гибель своей родины. Стены Аквилеи были окружены множеством таранов, подвижных башен и только повторял предание, будто бы повторенное сыном Хлодвиг, когда Григория еще не было на свете. Касательно того, как мало доверия заслуживают его рассказы о жестокостях, см., что говорит о нем Галлам (ч. III, с. 356); а что касается его легковерия, см. его собственный рассказ о чудесах Мартина, Андрея и других. Автор его биографии, помещенной в *Biographie Universelle*, хотя и гордится тем, что его отечество имело такого историка для описания царствования его первых королей, однако сознается, что эта история отличается «невежеством без

опасения. Мнимый Идаций сообщает странную подробность – будто Аэций втайне посетил ночью царей гуннов и визиготов и от каждого из них взял взятку в десять тысяч золотых монет за то, чтобы не препятствовать их отступлению.

¹⁰⁸ Эти жестокости с негодованием оплакивал сын Хлодвиг Теодорих (Григорий Турский, III, 10); они согласны с духом времени и с другими подробностями нашествия Атилы. Его пребывание в Тюрингии долго подтверждалось народными преданиями, и он, как полагают, созывал *cougoultaï*, или сейм, на территории Эйзенаха. См. Маску (IX, 30), который описывает с замечательной точностью пределы древней Тюрингии и производит ее название от готского племени тервингов. [Мы вправе не верить описанным здесь жестокостям, пока они не будут удостоверены каким-нибудь неопровержимым свидетельством. Единственным авторитетом, на который опирается это важное обвинение, был Григорий Турский, который писал по прошествии более ста лет после вторжения Атилы в Галлию и не имел в своих руках никаких письменных свидетельств, а только повторял предание, будто бы повторенное сыном Хлодвиг, когда Григория еще не было на свете. Касательно того, как мало доверия заслуживают его рассказы о жестокостях, см., что говорит о нем Галлам (ч. III, с. 356); а что касается его легковерия, см. его собственный рассказ о чудесах Мартина, Андрея и других. Автор его биографии, помещенной в *Biographie Universelle*, хотя и гордится тем, что его отечество имело такого историка для описания царствования его первых королей, однако сознается, что эта история отличается «невежеством без простодушия и легковерием без дара фантазии». За недостатком более надежных свидетельств, мы вправе не верить рассказам о таких ужасах, которые противны и природе, и здравому смыслу, и человеколюбию. – *Изд.*]

простодушия и легковерию без дара фантазии». За недостатком более надежных свидетельств, мы вправе не верить рассказам о таких ужасах, которые противны и природе, и здравому смыслу, и человеколюбию. — Изд . \ машин, метавших камень, стрелы и зажигательные снаряды,¹⁰⁹ а царь гуннов то прибегал к обещаниям и запугиваниям, то возбуждал соревнование и затрагивал личные интересы, чтобы сломить единственную преграду, замедлявшую завоевание Италии. Аквилея была в ту пору одним из самых богатых, самых многолюдных и самых сильно укрепленных городов Адриатического побережья. Готские вспомогательные войска, как кажется, служившие под начальством своих туземных князей Алариха и Анталы, сообщили свою неустрашимость городским жителям, которые еще не забыли, какое славное и удачное сопротивление было оказано их предками свирепому и неумолимому варвару, унижавшему величие римских императоров. Три месяца были безуспешно потрачены на осаду Аквилеи, пока недостаток в провианте и ропот армии не принудили Аттилу оказаться от этого предприятия и неохотно сделать распоряжение, чтобы на следующий день утром войска убрали свои палатки и начали отступление. Но в то время как он объезжал верхом городские стены, погрузившись в задумчивость и скорбя о постигшей его неудаче, он увидел аиста, готовившегося покинуть вместе со своими детенышами гнездо в одной из башен. С прозорливостью находчивого политика он понял, какую пользу можно извлечь из этого ничтожного факта при помощи суеверия, и воскликнул громким радостным голосом, что такая ручная птица, обыкновенно живущая в соседстве с людьми, не покинула бы своего старого убежища, если бы эти башни не были обречены на разрушение и безлюдье.¹¹⁰ Благоприятное предзнаменование внушило уверенность в победе; осада возобновилась и велась с новой энергией, широкая брешь была пробита в той части стены, откуда улетел аист, гунны бросились на приступ с непреодолимой стремительностью, и следующее поколение с трудом могло отыскать развалины Аквилеи.¹¹¹ После этого ужасного отмщения Аттила продолжал свое наступательное движение и мимоходом обратил в груды развалин и пепла города Алтинум, Конкордию и Падую. Лежавшие внутри страны города Виченца, Верона и Бергамо сделались жертвами алчной жестокости гуннов. Милан и Павия без сопротивления отдали свои богатства и превозносили необычайное милосердие, предохранившее от пожара общественные и частные здания и пощадившее жизнь многочисленных пленников. Есть основание не доверять народным преданиям касательно участи Кома, Турина и Модены, однако эти предания в совокупности с более достоверными свидетельствами могут быть приняты за доказательство того, что Аттила распространил свои опустошения по богатым равнинам Ломбардии, прорезываемым рекой По и окаймляемым Альпами и Апенниннами.¹¹²

¹⁰⁹ «Machinis constructs, omnibusque tormentorum generibus adhibitis» (Иордан, гл. 42). В тринадцатом столетии монголы осаждали китайские города при помощи больших машин, которые были сооружены находившимися у них на службе магометанами или христианами и которые метали камень всем от ста пятидесяти до трехсот фунтов. При защите своего отечества китайцы употребляли порох и даже бомбы более чем за сто лет перед тем, как эти средства разрушения сделались известны в Европе; но даже эти небесные или адские средства оказались недостаточными для защиты малодушного населения (см.: Gaubil, *Hist. des Morgous*, с. 70, 71, 155, 157).

¹¹⁰ Ту же историю рассказывают и Иордан и Прокопий (*Bell. Vandal.*, I, 4), и трудно решить, который из этих двух рассказов оригинальный. Впрочем, греческий историк сделал непростительную ошибку, сказав, что осада Аквилеи происходила после смерти Аэция.

¹¹¹ Почти через сто лет после этого Иордан утверждал, что Аквилея была до такой степени разрушена, «ita ut vix ejus vestigia, ut appareant, reliquerint» (см.: Иордан, *De Rebus Ceticis*, гл. 42; Павел Диакон, II, 14; Литупранд, *История*, III, 2). Название Аквилеи иногда относили к Forum Julii (Civitas del Friuli) — более новой столице венецианской провинции.

¹¹² При описании этой войны, которая так достопамятна, но о которой так мало достоверных сведений, я принял в руководители двух ученых итальянцев, изучавших этот предмет при особо выгодных условиях:

Когда он вошел в миланский императорский дворец, он был поражен и оскорблен при виде одной картины, на которой цезари были изображены восседающими на троне, а скифские государи распростертыми у их ног. Атила отомстил за этот памятник римского тщеславия мягким и остроумным способом. Он приказал одному живописцу изобразить фигуры и положения в обратном виде: император был представлен на том же самом полотне приближающимся в позе просителя к трону скифского монарха и выкладывающим из мешка золото в уплату дани.¹¹³ Зрители должны были поневоле знать, что такая перемена вполне основательна и уместна, и, может быть, припоминали по этому случаю хорошо известную басню о споре между львом и человеком.¹¹⁴

То была вполне подходящая к свирепому высокомерию Атилы поговорка, что трава переставала расти на том месте, где ступил его конь. Тем не менее этот варварский опустошитель ненамеренно положил основание республики, воскресившей в века феодализма дух коммерческой предприимчивости. Знаменитое название Венеции, или Венетии,¹¹⁵ первоначально обозначало обширную и плодородную провинцию, простиравшуюся от пределов Паннонии до реки Адды и от берегов реки По до Ретийских и Юлийских Альп. До нашествия варваров пятьдесят венецианских городов процветали в мире и благоденствии; Аквилея занимала среди них самое выдающееся положение; древнее величие Падуи поддерживалось земледелием и промышленностью, и собственность пятисот ее граждан, принадлежавших к сословию всадников, доходила, по самым точным расчетам, до одного миллиона семисот тысяч фунтов стерлингов. Многие семейства из Аквилеи, Падуи и соседних городов, спасаясь от меча гуннов, нашли хотя и скромное, но безопасное убежище на соседних островах.¹¹⁶ В глубине залива, где Адриатическое море слабо

Сигония (*De Imperio Occidentali* , кн. XIII в собрании его произведений, т. 1, с. 495–502) и Муратори (*Annali d'Italia* , т. IV, с. 229–236).

¹¹³ Этот анекдот можно найти в компиляции Свидаса в двух различных статьях.

¹¹⁴

Leo respondit, humana hoc pictum manu:
Videres hominem dejectum, si pingere
Leones scirent.

Appendix in Phaedrum. Fab. , 25

У Федра лев безрассудно обращается от картины к амфитеатру, и мне очень приятно заметить, что Лафонтен (кн. III, басня 10), благодаря своему врожденному изящному вкусу, опустил это плохое и ничего не выражающее заключение.

¹¹⁵ Павел Диакон (*De Gestis Langobard.* , II, 14) описал положение итальянских провинций в конце восьмого столетия: «*Venetia non solum paucis insulis quas nunc Venetias dicimus, constat; sed ejus terminus Pannoniae finibus usque Adduam fluvium protelatur*». История этой провинции до времен Карла Великого составляет первую и самую интересную часть в *Verona Illustrata* (с. 1 – 388), в которой маркиз Сципион Маффеи выказал свою способность и к широким взглядам, и к мелким исследованиям. [Итальянские венеты были кельтским племенем, жившим в тех провинциях, через которые протекают По, Адидже и Брента до своего впадения в Адриатическое море. На своем собственном языке они назывались *Avainach* , т. е. людьми, живущими на берегах рек, или на воде, а латины дали этому названию форму *Veneti* . – *Изд.*]

¹¹⁶ Это переселение не удостоверено никаким свидетельством современников, но сам факт переселения доказывается возникшими из него последствиями, а его подробности могли быть сохранены преданием. Жители Аквилеи удалились на остров Градо, жители Падуи – на *Rivus Altus* , или Риальто, где впоследствии была выстроена Венеция и т. д. [Эти острова, вероятно, не существовали в тот период времени, о котором идет речь. Мальте-Брэн (VII, 598) заключает из собранных им данных, что с шестнадцатого столетия море ежегодно отступало в этом месте от берегов более чем на 233 фута; он говорит далее, что «ввиду приносимых Брентой наносов, нет ничего невероятного в том, что Венецию постигнет такая же участь, какая постигла Адрию», которая в настоящее время находится в восьми милях от берега, хотя когда-то омывалась волнами залива. Самые отдаленные от материка острова, должно быть, образовались от самых поздних наносов и не могли быть обитаемы в пятом столетии, даже если они уже поднимались в то время над поверхностью вод. Ни один из

подражает приливам и отливам океана, около сотни небольших островков отделяются от континента неглубокими водами и охраняются от морских волн узкими полосами земли, между которыми есть секретные узкие проходы для кораблей.¹¹⁷ До половины пятого столетия эта глухая местность оставалась без культуры, без населения и едва ли носила какое-нибудь название.¹¹⁸ Нравы венецианских изгнанников, их деятельность и форма управления мало-помалу приняли определенный отпечаток, соответствовавший новым условиям их существования, а одно из посланий Кассиодора,¹¹⁹ в котором он описывает их положение почти через семьдесят лет после этого, может считаться за первый письменный памятник республики. Министр Теодориха сравнивает их на своем изысканном и напыщенном языке с морскими птицами, свившими свои гнезда на поверхности волн, и, хотя он допускает, что в венецианских провинциях сначала было много знатных семейств, он дает понять, что теперь они уже низведены несчастиями на один общий уровень бедности. Рыба была обычной и почти единственной пищей людей всех званий; их единственное богатство состояло в изобилии соли, которую они добывали из моря, а этот столь необходимый для человеческого питания продукт заменял на соседних рынках золотую и серебряную монету. Народ, о жилищах которого трудно было точно сказать, построены ли они на земле или на воде, скоро освоился и со вторым из этих элементов, а вслед за требованиями необходимости

древних географов не упоминает о них. Те небольшие острова, на которых укрылись жители Аквилеи, образовались от многочисленных протоков, на которые делятся реки перед своим впадением в море. Таким образом *Padus* (По) и *Medoacus* (Брента), вместе с разделяющими их протоками, соединялись друг с другом во времена Плиния (*Hist. Natur.*, III, 21). – *Изд.*]

¹¹⁷ Топография и древности венецианских островов от Градо до Клодии или Хиоджии тщательно описаны в *Dissertatio Choro graphica de Italia Medii Aevi*, с. 151–155.

¹¹⁸ [Ученый граф Figliasi доказал в своих *Memorie de Veneti primi e secondi* (Венеция, 1796, т. VI), что «...с самых древних времен этот народ, занимавший страну, которая впоследствии получила название континентальных венецианских провинций, жил также на разбросанных близ берегов островах и что отсюда произошли названия *Venetia prima* и *secunda*; первое из этих названий относилось к континенту, а второе – к островам и лагунам. Со времен пеласгов и этрусков первые из этих венетов, жившие в плодородной и прелестной стране, занялись земледелием, а вторые, жившие среди каналов вблизи от устьев рек, так что могли поддерживать сношения и с островами Греции, и с плодородными итальянскими провинциями, – занялись мореплаванием и торговлей. И те и другие подчинились римлянам незадолго перед 2-й Пунической войной; но только после победы, одержанной Марием над кимврами, их родина была обращена в римскую провинцию. Под управлением императоров первые из этих венетов не раз заслуживали своими несчастьями внимание историков... но жители приморской провинции были заняты рыбной ловлей, добыванием соли и торговлей. Римляне считали их недостойными занимать какое-либо место в истории и оставляли их в неизвестности». Они жили там до той поры, когда их острова доставили убежище их разоренным соотечественникам, обратившимся в изгнанников (*Hist. des Republ. ital. du moyen âge* par Simonde Sismondi, т. 1, с. 313). – Гизо]. [Острова, составлявшие, по словам Сизмонди, Вторую Венецианскую провинцию, были образованы разветвлениями рек; ничего другого нельзя заключить из письма, которое Кассиодор писал в то время, когда был преторианским префектом, а он занимал эту должность от А. Д. до 534 (Клинтон, F. R. I. 761). Поскольку жители этих спокойных пристанищ умножались числом, то они стали подыматься вверх по течению рек, обрабатывать плодородные равнины и строить города. Среди этих городов главным был *Patavium* (теперешняя Падуя), который во времена Страбона (кн. V) был в Северной Италии центром внешней торговли. Около седьмого столетия плавание по Бренте сделалось затруднительным, а внешние песчаные наносы обратились в острова, на которых было легче найти удобные пристанища для рыбаков, моряков и торговцев. Туда была перенесена торговля Падуи, и таким образом возникла Венеция. Но до начала девятого столетия главные поселения находились на острове Маломокко (см.: Галлам, I, 470). – *Изд.*]

¹¹⁹ Кассиодор, *Variorum*, XII, 24. Маффеи (*Verona Illustrata*, ч. 1, с. 240–254) перевел и объяснил это интересное письмо в духе ученого антиквария и верного подданного, считавшего Венецию за единственное законнорожденное детище римской республики. Он относит послание Кассиодора, а следовательно, и занятие им должности префекта к А. Д. 523, и мнение маркиза имеет особый вес потому, что он приготовил издание сочинений Кассиодора и недавно написал диссертацию о настоящей орфографии его имени (см.: *Osservazioni Letterarie*, т. XI, с. 290–339).

возникли и требования корыстолюбия. Островитяне, которые от Градо до Хиозы были связаны друг с другом самыми тесными узами, проникли внутрь Италии посредством безопасного, хотя и нелегкого, плавания по рекам и внутренним каналам. Их суда, постоянно увеличивавшиеся размерами и числом, посещали все гавани залива, и ежегодно празднуемый брак Венеции с Адриатическим морем был заключен ею в ранней молодости. В своем послании к морским трибунам преторианский префект Кассиодор убеждает их мягким начальническим тоном внушать их соотечественникам усердие к общественной пользе, которая требует их содействия для перевозки запасов вина и оливкового масла из Истрии в императорскую столицу Равенну. Двойственность официальных обязанностей этих должностных лиц объясняется преданием, которое гласит, что на двенадцати главных островах ежегодно назначались путем народного избрания двенадцать трибунов, или судей. Тот факт, что Венецианская республика существовала в то время, когда Италия находилась под властью готских королей, опирается на достоверное свидетельство того же писателя, который разбивает ее надменные притязания на первобытную и никогда не прекращавшуюся независимость.¹²⁰

Итальянцы, давно уже отказавшиеся от военного ремесла, были поражены, после сорокалетнего спокойствия, приближением грозного варвара, которого они ненавидели не только как врага республики, но и как врага их религии. Среди общего смятения один Аэций был недоступен чувству страха, но без всякого содействия с чьей-либо стороны он не мог совершить таких военных подвигов, которые были бы достойны его прежней репутации. Защищавшие Галлию варвары отказались идти на помощь Италии, а подкрепления, обещанные восточным императором, были и далеки и ненадежны. Поскольку Аэций вел борьбу во главе одних туземных войск, затрудняя и замедляя наступательное движение Атиллы, то он никогда еще не был так велик, как в то время, когда невежество и неблагодарность порицали его поведение.¹²¹ Если бы душа Валентиниана была доступна для каких-либо возвышенных чувств, он взял бы такого военачальника за достойный подражания образец и подчинился бы его руководству. Но трусливый внук Феодосия вместо того, чтобы делить с ним опасности войны, избегал боевых тревог, а его торопливый переезд из Равенны в Рим, из неприступной крепости в ничем не защищенную столицу, обнаружил его тайное намерение покинуть Италию, лишь только приближение неприятеля станет грозить его личной безопасности. Впрочем, такое позорное отречение от верховной власти было приостановлено благодаря тем колебаниям и отсрочкам, которые неразлучны с малодушием и даже иногда ослабляют его пагубные влечения. Западный император, с согласия римского сената и народа, принял более полезное решение смягчить гнев Атиллы отправкой к нему торжественного посольства с просьбой о пощаде. Это важное поручение принял на себя Авиен, занимавший среди римских сенаторов первое место по знатности своего происхождения, по своему консульскому званию, по многочисленности своих клиентов и по своим личным дарованиям. Благодаря таким блестящим отличиям и врожденному коварству, Авиен¹²² был более всякого другого способен вести переговоры

¹²⁰ См. перевод знаменитого *Squittinio* во втором томе *Historie du Gouvernement de Venise par Amelot de la Houssaie*. Эту книгу восхваляли более, чем она того стоит, так как в каждой ее строчке проглядывает недобросовестное недоброжелательство, внушаемое духом партий; но в ней собраны все как подлинные, так и подложные свидетельства, а читатель без труда отыщет среди них надлежащую середину.

¹²¹ Сирмонд (*Not. ad Sidon. Apollin.*, с. 19) напечатал интересное место из *Хроники* Проспера: «Attila, redintegratis viribus, quas in Gallia amiserat, Italiam ingredi per Pannonias intendit; nihil duce nostra Aetio secundum prioris belli operi prospiciente, etc.». Он обвиняет Аэция в небрежности, с которой он относился к защите Альп, и в намерении покинуть Италию; но это опрометчивое обвинение по меньшей мере уравнивается благоприятными для Аэция свидетельствами Идация и Исидора.

¹²² См. подлинные портреты Авиена и его соперника Василия, нарисованные и противопоставленные один другому в посланиях Сидония Аполлинария (IX, 22). Он изучил характеры двух главных членов сената; но он

как о частных интересах, так и об общественных делах; его сотоварищ Тригений был одно время преторианским префектом Италии, а римский епископ Лев согласился подвергнуть свою жизнь опасности для спасения своей паствы. Гений Льва¹²³ развился и выказался среди общественных бедствий, и он заслужил название великого благодателя успешному усердию, с которым он старался распространять свои убеждения и свое влияние под внушительным названием православной веры и церковного благочиния. Римские послы были введены в палатку Аттилы в то время, как он стоял лагерем там, где медленно извивающийся Минчо теряется в пенящихся волнах озера Бенака,¹²⁴ и в то время, как он попирали ногами своей скифской кавалерии мызы Катулла и Вергилия.¹²⁵ Варварский монарх выслушал послов с благосклонным и даже почтительным вниманием, и освобождение Италии было куплено громадным выкупом или приданым принцессы Гонории. Положение его армии, быть может, облегчило заключение мирного договора и ускорило его отступление. Ее воинственный дух ослабел среди удобств и праздности, к которым она привыкла в теплом климате. Северные пастухи, привыкшие питаться молоком и сырым мясом, с жадностью набросились на хлеб, вино и мясные кушанья, которые готовились римскими поварами с разными приправами, и среди них стали развиваться болезни, в некоторой мере отомстившие им за зло, которое они причинили итальянцам.¹²⁶ Когда Аттила объявил о своем намерении вести свою победоносную армию на Рим, как его

расположился к Василию как к более надежному и бескорыстному другу.

¹²³ С характером и принципами Льва нас знакомит сто сорок одно оригинальное послание, которое проливает свет на всю историю церкви во время его продолжительного и богатого событиями первосвященства с А. D. 440 до 461 (см.: Дюпен, *Bibliothèque Ecclesiastique*, т. III, ч. 2, с. 120–165). [Лев выставлен в настоящем свете Галламом (II, 228) и Неандером (111, 246; IV, 218). В течение пятнадцати лет он с неограниченной властью господствовал над умом слабого Валентиниана III, но не сдержал в нем ни одной порочной склонности, не посеял в его душе семян ни одной добродетели и не возбудил в нем никакого желания что-либо предпринять для спасения разрушавшейся империи. Он употреблял свое влияние только на то, чтобы упрочить владычество церкви, и с этой целью убедил Валентиниана III издать императорские эдикты, которые вызывают со стороны вышеупомянутых писателей основательное и строгое порицание. Лев занимает первое место среди тех, кто содействовал разрушению Римской империи и наложению рабских оков на Европу. – *Изд.*]

124

...tardis ingens ubi flexibus errat
Mincius, et tenera praetexit arundine ripas
.....
Anne lacus tantos, te Lari maxime, teque
Fluctibus et fremitu assurgens Benace marino.

¹²⁵ Маркиз Маффеи (*Verona Illustrata*, ч. 1, с. 95, 129, 211; ч. 2, с. 2, 6) со вкусом и знанием дела осветил эту интересную топографию. По его мнению, свидание Аттилы со св. Львом происходило неподалеку от Ариолики, или Арделики, – теперешней Пескьеры при слиянии реки с озером; он говорит, что вилла Катулла находилась на прелестном полуострове Сармио, и находит Вергилиевы Анды в деревне Bandes, в том самом месте, где se subducere colles incipiunt, где веронские возвышенности незаметным образом спускаются к мантуанской равнине. [Здесь декан Мильман приписывает Гиббону «странную ошибку» и говорит, что «Минчо вытекает из Бенака, подле Пескьеры, а не вливается в него». Но слова Гиббона не относятся к направлению течения, а только значат, что в глазах того, кто подъезжает со стороны Мантуи, Минчо теряется в Бенаке; это выражение не значит, что Минчо впадает в Бенак, и нельзя сказать, что река исчезает в озере, через которое она только протекает. Рейн не исчезает в Констанцском озере, и Рона не исчезает в Женевском. Быть может, неточный перевод Гизо вызвал порицание, которого не заслуживает подлинник. – *Изд.*]

¹²⁶ «Si statim infesto agmine urbem petiissent, grande discrimen esset: sed in Venetia quo fere tractu Italia mollissima est, ipsa soli coelique dementia robur elanguit. Ad hoc panis usu carnisque coctae, et dulcedine vini mitigatos, etc.». Эти слова Флора (III, 3) более применимы к гуннам, чем к кимврам, и могут служить комментарием для небесной язвы, которую Идаций и Исидор ниспослали на войска Аттилы.

друзья, так и его враги напомнили ему, что Аларих ненамного пережил завоевание Вечного города. Его душа, недоступная для страха перед действительной опасностью, была поражена воображаемыми ужасами, и он не избежал влияния тех самых суеверий, которые так часто служили орудием для исполнения его замыслов.¹²⁷ Красноречивая настойчивость Льва, его величественная наружность и священнические одеяния внушили Аттиле уважение к духовному отцу христиан. Появление двух апостолов, св. Петра и св. Павла, грозивших варвару немедленной смертью, если он не исполнит просьбы их преемника, составляет одну из самых благородных легенд церковной традиции. Спасение Рима было достойно заступничества со стороны небесных сил, и мы должны относиться с некоторой снисходительностью к такому вымыслу, который был изображен кистью Рафаэля и резцом Альгарди.¹²⁸

Прежде чем удалиться из Италии, царь гуннов пригрозил, что возвратится еще более страшным и неумолимым, если его невеста, принцесса Гонория, не будет выдана его послам в установленный договором срок. Однако в ожидании этого события Аттила успокоил свою сердечную тревогу тем, что к списку своих многочисленных жен прибавил прекрасную девушку, которая звалась Ильдико.¹²⁹ Бракосочетание было совершено с варварской пышностью и весельем в деревянном дворце, по ту сторону Дуная, и отягощенный винными парами монарх, которого сильно клонило ко сну, удалился поздно ночью с пира в брачную постель. В течение большей части следующего дня его прислуга опасалась прервать его наслаждения или его отдых, пока необычайная тишина не возбудила в ней опасений и подозрений; несколько раз попытавшись разбудить Аттилу громкими криками, она наконец вломилась в царский апартамент. Ее глазам представилась дрожавшая от страха молодая супруга, которая, сидя у постели и закрыв покрывалом свое лицо, оплакивала и свое собственное опасное положение, и смерть царя, испустившего дух в течение ночи.¹³⁰ У него внезапно лопнула одна из артерий, а поскольку Аттила лежал навзничь, то его задушил поток крови, который вместо того, чтобы найти себе выход носом, залил легкие и желудок. Его труп был положен посреди равнины, под шелковым павильоном, и избранные эскадроны

¹²⁷ Историк Приск упоминает о впечатлении, которое произвел на Аттилу этот пример (Иордан, гл. 42). [Шмидт (I, 176), как кажется, понял настоящую причину отступления Аттилы: его войска были довольны награбленной добычей и желали укрыть ее в безопасном месте, не подвергая ни ее, ни себя новым опасностям. – *Изд.*]

¹²⁸ Картина Рафаэля находится в Ватикане, а *basso* (или, быть может, *alio*) *relievo* работы Альгарди находится на одном из алтарей св. Петра (см.: Дюбо, *Reflexions sur la Poesie et sur la Peinture*, т. I, с. 519, 520). Бароний (*Annal. Eccles.*, A. D. 452, № 57, 58) храбро утверждает, что это явление не вымышлено, хотя его действительность отвергается самими учеными и самими благочестивыми католиками.

¹²⁹ «Attila, ut Priscus historicus refert, extinctionis suae tempore, puellam Ildico nomine, decoram valde, sibi matrimonium post innumerabiles uxores... socians» (Иордан, гл. 49). Он далее прибавляет (гл. 50): «Filiis Attilae, quorum per licentiam libidinis poene populus fuit». Многоженство существовало у татар во все века. Ранг, который занимали незнатные жены, определялся только их личными прелестями, и матрона с увядшей красотой безропотно приготавливала постель для своей красивой соперницы. Но в царских семействах дочери ханов передавали своим сыновьям преимущественное право на отцовское наследство (см.: *Генеалогическая история татар*, с. 406–408).

¹³⁰ До Константинополя дошел слух о ее *виновности*, о которой там составили совершенно иное понятие, и Марцеллин заметил, что господствовавший над Европой тиран погиб ночью от руки и от ножа женщины. Корнель, придерживавшийся в своей трагедии исторической истины, описал кровотечение в сорока напыщенных стихах и вложил в уста рассвирепевшего Аттилы следующие нелепые слова:

...S'il ne veut s'arreier (кровотечение),
(Dit-il) on me payera ce qu'il m'en va couter.

гуннов совершали вокруг него мерным шагом военные эволюции, распевая надгробные песни в честь героя, который был славен во время своей жизни и непобедим даже в смерти, который был отцом для своего народа, бичом для своих врагов и предметом ужаса для всего мира. Согласно со своими национальными обычаями, варвары укоротили свои волосы, обезобразили свои лица искусственными ранами и оплакивали своего отважного вождя так, как он того стоил, проливая над его трупом не женские слезы, а кровь воинов. Смертные останки Атиллы, заключенные в три гроба, – один золотой, другой серебряный и третий железный, – были преданы земле ночью; часть захваченной им у побежденных народов добычи была положена в его могилу, пленники, вырывшие могилу, были безжалостно умерщвлены, и те же самые гунны, которые только что чрезмерно глубоко скорбели, закончили эти обряды пиром, на котором предавались необузданному веселью вокруг только что закрывшейся могилы своего царя. В Константинополе рассказывали, что в ту счастливую ночь, когда он испустил дух, Маркиан видел во сне, что лук Атиллы переломился пополам, а этот слух может служить доказательством того, как часто образ этого грозного варвара представлялся воображению римских императоров.¹³¹

Переворот, ниспровергнувший владычество гуннов, упрочил славу Атиллы, который одним своим гением поддерживал это громадное и неплотно сложенное здание. После его смерти самые отважные из варварских вождей заявили свои притязания на царское достоинство; самые могущественные из королей не захотели подчиняться чьей-либо высшей власти, а многочисленные сыновья, прижитые покойным монархом со столькими женами, поделили между собой и стали оспаривать друг у друга, как частное наследство, верховную власть над германскими и скифскими племенами. Отважный Ардарих понял, как был постыден такой дележ, и протестовал против него, а его подданные, воинственные гепиды, вместе с остготами, предводимыми тремя храбрыми братьями, поощряли своих союзников поддерживать свои права на свободу и на самостоятельность верховной власти. В кровопролитном и решительном сражении, происходившем на берегах реки Недао в Паннонии, были употреблены в дело – частью для борьбы друг с другом, частью для поддержки друг друга – копья гепидов, мечи готов, стрелы гуннов, пехота севов, легкое вооружение герулов и тяжелые боевые орудия аланов, а победа Ардариха сопровождалась избиением тридцати тысяч его врагов. Старший сын Атиллы Эллак лишился и жизни и престола в достопамятной битве при Недао: храбрость, которой он отличался с ранней молодости, уже возвела его на трон акатциров – покоренного им скифского народа, а его отец, всегда умевший ценить высокие личные достоинства, позавидовал бы смерти Эллака.¹³² Его брат Денгизих с армией гуннов, наводивших страх даже после своего бегства и расстройств, держался в течение почти пятнадцати лет на берегах Дуная. Дворец Атиллы и древняя Дакия, простиравшаяся от Карпатских гор до Эвксинского Понта, сделались центром нового государства, основанного королем гепидов Ардарихом.¹³³ Земли,

¹³¹ Интересные подробности смерти и погребения Атиллы рассказаны Иорданом (гл. 49) и, вероятно, переписаны из сочинений Приска.

¹³² См.: Иордан, *De Rebus Gelicis*, гл. 50. Отличие, которое он придает национальному оружию, и интересно и важно: «*Nam ibi admirandum reor fuisse spectaculum, ubi cedere crat cunctis, pugnantem Gothum ense furentem. Gepidam in vulnere suorum cuncta tela frangentem, Suevum pede, Hunnum sagitta praesumere, Alanum gravi, Herulum levi armatura aciem instruere*». Мне неизвестно в точности, где находилась река Недао.

¹³³ [Откуда взялись гепиды? Мы видим, что в течение почти целого столетия они играют деятельную роль в событиях того времени, а затем совершенно исчезают; более этого мы ничего о них не знаем. Однако и эти немногие сведения заставляют древних писателей придумывать для них то одно, то другое происхождение, а из всех этих выдумок самая баснословная та, которая принадлежит Иордану (с. 39). Это, очевидно, было какое-нибудь готское племя, которое на время выделилось для самостоятельного существования, а потом слилось с остготами. – *Изд.*]

завоеванные в Паннонии от Вены до Сирмия, были заняты остготами, а поселения тех племен, которые так мужественно отстаивали свою свободу, были распределены между ними соразмерно с силами каждого из них. Окруженный и теснимый массами бывших подданных его отца, Денгизих властвовал только над лагерем, окруженным повозками; его отчаянная храбрость побудила его вторгнуться в Восточную империю; он пал в битве, а позорная выставка его головы в ипподроме доставила константинопольскому населению приятное зрелище. Атила ласкал себя приятной или суеверной надеждой, что младший из его сыновей Ирнах поддержит блеск его рода. Характер этого принца, старавшегося сдерживать опрометчивость своего брата Денгизиха, был более подходящ к упадку, в который пришло могущество гуннов, и Ирнах удалился, вместе с подчиненными ему ордами, внутрь Малой Скифии. Эти орды скоро были подавлены потоком новых варваров, подвигавшихся вперед по тому самому пути, который был проложен их предками. Геуги, или авары, жившие, по словам греческих писателей, на берегах океана, увлекли вслед за собой соседние племена, но в конце концов игуры, вышедшие из холодных сибирских стран, доставляющих самые дорогие меха, разлились по всей степи до Борисфена и Каспийского моря и окончательно ниспровергли могущество гуннов.¹³⁴

Эти события могли способствовать безопасности Восточной империи под управлением такого монарха, который, поддерживая дружеские сношения с варварами, вместе с тем умел внушать им уважение. Но царствовавший на Западе слабый и распутный Валентиниан, достигший тридцати четырех лет, а все еще не приобретший ни разума, ни самообладания, воспользовался этим непрочным спокойствием для того, чтобы поколебать основы своего собственного могущества умерщвлением патриция Аэция. Из низкой зависти он возненавидел человека, которого все превозносили за то, что он умел держать в страхе варваров и был опорой республики, а новый фаворит Валентиниана, евнух Гераклий, пробудил императора от его беспечной летаргии, которую можно было бы оправдать при жизни Платидии¹³⁵ сыновней преданностью. Слава Аэция, его богатства и высокое положение, многочисленная и воинственная свита из варварских приверженцев, влиятельные друзья, занимавшие высшие государственные должности, и надежды его сына Гауденция, уже помолвленного с дочерью императора Евдоксией, – все это возвышало его над уровнем подданных. Честолюбивые замыслы, в которых его втайне обвиняли, возбуждали в Валентиниане и опасения и досаду. Сам Аэций, полагаясь на свои личные достоинства, на свои заслуги и, быть может, на свою невинность, вел себя с высокомерием и без надлежащей сдержанности. Патриций оскорбил своего государя выражением своего неодобрения, усилил эту обиду, заставив его подкрепить торжественной клятвой договор о перемирии и согласии, обнаружил свое недоверие, не позаботился о своей личной безопасности и в неосновательной уверенности, что недруг, которого он презирал, был не способен даже на смелое преступление, имел неосторожность отправиться в римский дворец. В то время как он – быть может, с чрезмерной горячностью – настаивал на бракосочетании своего сына, Валентиниан обнажил свой меч, до тех пор еще ни разу не выходивший из своих ножен, и вонзил его в грудь полководца, спасшего империю; его царедворцы и евнухи постарались превзойти один другого в подражании своему повелителю, и покрытый множеством ран Аэций испустил дух в присутствии императора. В одно время с ним был убит преторианский

¹³⁴ Два новейших историка сообщили много новых сведений о разрушении и раздроблении империи Аттилы: де Буа – благодаря своим тщательным и подробным исследованиям (т. VIII, с. 3–31, 68–94), и де Гинь – благодаря своему близкому знакомству с китайским языком и с китайскими писателями (см.: *Hist. des Huns*, т. II, с. 315–319).

¹³⁵ Платидия умерла в Риме 27 ноября 450 г. Она была похоронена в Равенне; ее гробница, и даже ее труп, посаженный на стул из кипарисового дерева, сохранялись в течение многих столетий. Императрица получила много похвал от православного духовенства, а св. Петр Хризолог уверял ее, что за свою преданность Св. Троице она была награждена августейшей троицей детей (см.: Тильмон, *Hist. des Empereurs*, т. VI, с. 240).

префект Боэций, и, прежде чем разнесся об этом слух, самые влиятельные из друзей Аэция были призваны во дворец и перебиты поодиночке. Об этом ужасном злодеянии, прикрытом благовидными названиями справедливости и необходимости, император немедленно сообщил своим солдатам, своим подданным и своим союзникам. Народы, не имевшие никакого дела с Аэцием или считавшие его за своего врага, великодушно сожалели о постигшей героя незаслуженной участи; варвары, состоявшие при нем на службе, скрыли свою скорбь и жажду мщения, а презрение, с которым давно уже народ относился к Валентиниану, внезапно перешло в глубокое и всеобщее отвращение. Такие чувства редко проникают сквозь стены дворцов; однако император был приведен в замешательство честным ответом одного римлянина, от которого он пожелал услышать одобрение своего поступка: «Мне неизвестно, ваше величество, какие соображения или обиды заставили вас так поступить; я знаю только то, что вы поступили точно так же, как тот человек, который своею левой рукой отрезал себе правую руку».¹³⁶

Царствовавшая в Риме роскошь, как кажется, вызывала Валентиниана на продолжительные и частые посещения столицы, где поэтому его презирали более, чем в какой-либо другой части его владений. Республиканский дух мало-помалу оживал в сенаторах по мере того, как их влияние и даже их денежная помощь становились необходимыми для поддержания слабой правительственной власти. Величие, с которым держал себя наследственный монарх, было униительно для их гордости, а удовольствия, которым предавался Валентиниан, нарушали спокойствие и оскорбляли честь знатных семей. Императрица Евдоксия была такого же, как и он, знатного происхождения, а ее красота и нежная привязанность были достойны тех любовных ухаживаний, которые ее ветреный супруг расточал на непрочные и незаконные связи. У бывшего два раза консулом богатого сенатора из рода Анициев Петрония Максима была добродетельная и красивая жена; ее упорное сопротивление лишь разожгло желания Валентиниана, и он решил удовлетворить их путем или обмана, или насилия. Большая игра была одним из господствовавших при дворе пороков; император, выигравший у Максима случайно или хитростью значительную сумму, неделикатно потребовал, чтобы тот отдал ему свое кольцо в обеспечение уплаты долга; это кольцо Валентиниан послал с доверенным лицом к жене Максима с приказанием от имени ее мужа немедленно явиться к императрице Евдоксии. Ничего не подозревавшая жена Максима отправилась в своих носилках в императорский дворец; эмиссары нетерпеливого возлюбленного отнесли ее в отдаленную и уединенную спальню, и Валентиниан, без всякого сострадания, нарушил законы гостеприимства. Когда она возвратилась домой, глубокая скорбь и ее горькие упреки мужу, которого она считала соучастником в нанесенном ей позоре, возбудили в Максиме желание мщения; этому желанию служило поощрением честолюбие, поскольку он мог основательно надеяться, что свободный выбор сената возведет его на престол всеми ненавидимого и презираемого соперника. Валентиниан, не веривший ни в дружбу, ни в признательность, так как сам был не способен к ним, имел неосторожность принять в число своих телохранителей нескольких слуг и приверженцев Аэция. Двое из них, по происхождению варвары, склонились на

¹³⁶ «Aetium Placidus mactavit semivir amens» – таково выражение Сидония Аполлинария (*Panegy. Avit.*, 359). Поэт хорошо знал свет и не был расположен льстить министру, оскорбившему или разжаловавшему Авита и Майориана, которые были героями песнопений Сидония. [Нибур (*Лекции о римской истории*, III, 324) ссылается на латинского поэта того времени Меробода, произведения которого он отыскал в неполной рукописи в Сен-Галле. Этот поэт был восторженным поклонником Аэция подобно тому, как служивший для него образцом Клавдиан был восторженным поклонником Стилихона; он воспевал Аэция в полных воодушевления стихах. Воспитание героя, бывшего в молодости заложником в лагере Алариха, объясняет нам, в какой школе было подготовлено его будущее величие. Аэций получил воспитание вдали от тех пагубных влияний, которые убивали энергию римлян. Он, конечно, не мог приобрести серьезных познаний среди таких наставников, но там он развил свою неустрашимость и свой полный ресурсов ум. Это сделало его способным бороться со всеми случайностями и привело к тому высокому положению, которого он впоследствии достиг. – *Изд.*]

убеждение исполнить свой священный и честный долг, наказав смертью того, кто убил их покровителя, а их неустршимое мужество недолго ожидало благоприятной минуты. В то время как Валентиниан развлекался на Марсовом поле зрелищем военных игр, они внезапно устремились на него с обнаженными мечами, закололи преступного Гераклия и поразили, прямо в сердце самого императора без всякого сопротивления со стороны его многочисленной свиты, по-видимому радовавшейся смерти тирана. Таков был конец Валентиниана III,¹³⁷ последнего римского императора из дома Феодосия. Он отличался точно таким же наследственным слабоумием, как его двоюродный брат и двое дядей, но он не унаследовал кротости, душевной чистоты и невинности, которые заставляли прощать им отсутствие ума и дарований. Валентиниан не имел таких же прав на снисходительность, поскольку при своих страстях не имел никаких добродетелей; даже его религия сомнительна, и, хотя он никогда не вовлекался в заблуждения еретиков, он оскорблял благочестивых христиан своей привязанностью к нечестивым занятиям магией и ворожбой.

Еще во время Цицерона и Варрона римские авгуры держались того мнения, что двенадцать коршунов, которых видел Ромул, обозначали двенадцать столетий, по истечении которых окончится существование основанного им города.¹³⁸ Это предсказание, быть может оставшееся в пренебрежении в эпоху силы и благосостояния, внушило народу самые мрачные опасения, когда ознаменовавшееся позором и бедствиями двенадцатое столетие приближалось к концу,¹³⁹ и даже потомство должно не без некоторого удивления сознаться, что произвольное истолкование случайного или вымышленного факта вполне оправдалось падением Западной империи. Но это падение предвещали более верные предзнаменования, чем полет коршунов; римское правительство становилось с каждым днем все менее страшным для своих врагов и все более ненавистным и притеснительным для своих подданных.¹⁴⁰ Подати увеличивались вместе с общей нищетой; бережливостью все

¹³⁷ В том, что касается причины и подробностей смерти Аэция и Валентиниана, наши сведения неясны и неполны. Прокопий (*Bell. Vandal.* , I, 4) рассказывает басни, когда заходит речь о таких событиях, о которых он сам ничего не помнит. Поэтому приходится пополнять и исправлять его рассказ при помощи пяти или шести хроник, из которых ни одна не была написана в Риме или в Италии и которые только излагают в отрывочном виде слухи, ходившие среди народа в Галлии, Испании, Африке, Константинополе и Александрии.

¹³⁸ Это истолкование, сделанное знаменитым авгуром Веттием, цитировано у Варрона в восемнадцатой книге его Древностей (Цензорин, *De Die Natali* , гл. 17, с. 90, 91, изд. Гаверкампа). [Скептицизм Нибура относит и Ромула и Нуму к числу вымышленных существ. Предсказание по поводу двенадцати коршунов, конечно, также отнесено к числу вымыслов, и время основания города (выражаемое буквами A. U. C), как бы оно ни казалось впоследствии удобным для вычисления времени, становится вместе с тем крайне сомнительным. Во времена Варрона и Цицерона исследование правильности летосчисления ввело бы страшную путаницу, и, хотя Цицерон мог в интимной беседе насмехаться над авгурами, он оскорбил бы народное суеверие, если бы открыто высказал свое недоверие к древним суевериям. – Изд.]

¹³⁹ По мнению Варрона, двенадцатое столетие оканчивалось в 447 г. после Р. X.; но так как время основания Рима не может быть с точностью определено, то в указываемом Варроном годе можно сделать или небольшую прибавку, или небольшую убавку. Произведения поэтов того времени Клавдиана (*Bell. Geth.* , 265) и Сидония Аполлинария (*Panegy. Avit.* , 357) могут считаться за надежное свидетельство того, какое господствовало на этот счет общее мнение (см.: Дюбо, *Hist. Critique* , т. I с 340–346).

Jam reputant annos, interceptoque volatu
Vulturis, incidunt properatis saecula metis,
.....
Jam prope fata tui bisse nas vulturis alas
Implebant; scis namque tuos, scis Roma, labores.

¹⁴⁰ Пятая книга Сальвиана наполнена трогательными жалобами и резкой бранью. Его чрезмерные вольности служат доказательством как слабости, так и нравственной испорченности римского правительства. Его книга была издана после утраты Африки (A. D. 439) и перед войной с Атилией (A. D. 451).

более и более пренебрегали по мере того, как она становилась более необходимой, а незнакомые с чувством справедливости богачи переложили с самих себя на народ несоразмерное с его силами бремя налогов и обратили в свою пользу все те сложения недоимок, которые могли бы иногда облегчать народную нужду. Строгие расследования, кончавшиеся конфискацией имущества и сопровождавшиеся пыткой обвиняемых, заставляли подданных Валентиниана предпочитать более простодушную тиранию варваров, укрываться среди лесов и гор или вступать в низкое и презренное звание наемных слуг. Они отказывались от внушавшего им отвращение названия римских граждан, которое служило в былое время целью для честолюбия всего человечества. Лига багавдов привела армориканские провинции Галлии и большую часть Испании в положение анархической независимости, и императорские министры тщетно прибегали к изданию строгих законов и к оружию, чтобы подавить восстание, которое они сами вызвали.¹⁴¹ Если бы все варварские завоеватели могли быть стерты с лица земли в одно мгновение, то и совершенное их истребление не восстановило бы Западной империи, а если бы Рим пережил это событие, он пережил бы вместе с тем утрату свободы, мужества и чести.¹⁴²

¹⁴¹ Об испанских багавдах, вступавших в правильный бой с римскими войсками, неоднократно упоминает хроника Идация. Сальвиан описал их бедственное положение и восстание в энергичных выражениях: «Itaque nomen civium Romanorum... nunc ultro repudiatur ac fugitur, nec vile tamen sed etiam abominabile poene habetur... Et hinc est ut etiam hi qui ab barbaris non confugiunt, barbari tamen esse coguntur, scilicet ut est pars magna Hispanorum, et non minima Gallorum... De Bagaudis nunc mihi sermo est, qui per malos iudices et cruentos spoliati, afflicti, necati, postquam jus Romanae libertatis amiserant, etiam honorem Romani nominis perdiderunt... Vocamus rebelles, vocamus perditos, quos esse compulitos criminosos» (*De Gubematione Dei*, V, 158, 159).

¹⁴² [Гиббон высказал здесь с энергией такую истину, которая подтверждается другими историками (см.: Шмидт, I, 188; Нибур, *Лекции о римской истории*, III, 343). – Изд.]